

Понсон дю Террайль

Подвиги Рокамболя или Драмы Парижа

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11034734

ISBN 978-5-85689-077-7

Аннотация

Эта оригинальная и великолепно написанная серия французских романов о похождениях авантюриста Рокамболя в разных странах мира, впервые вышла в свет в 1857 году и за считанные два-три года покорила весь читающий мир. «Подвиги Рокамболя или Драмы Парижа» (Les Exploits de Rocambole ou les drames de Paris) рассказывающие о невероятных приключениях благородного жулика и его друзей вызвали необычайный интерес во всём мире. Продолжаясь из романа в роман (всего вышли 21 роман) эта книга издавалась на протяжении 13 лет и издаётся и переиздаётся с тех пор уже свыше ста лет. Издательство "Остеон-Пресс" впервые представляет читателю абсолютно полную серию романов о Рокамболе (21 роман в одной электронной книге).

Содержание

Об авторе и его герое	4
Книга I. Два брата	5
Книга II. Таинственное наследство	29
Книга III. Клуб червонных валетов	82
Конец ознакомительного фрагмента.	164

Пьер Алексис Понсон дю Террайль

Подвиги Рокамболя или Драмы Парижа

Об авторе и его герое

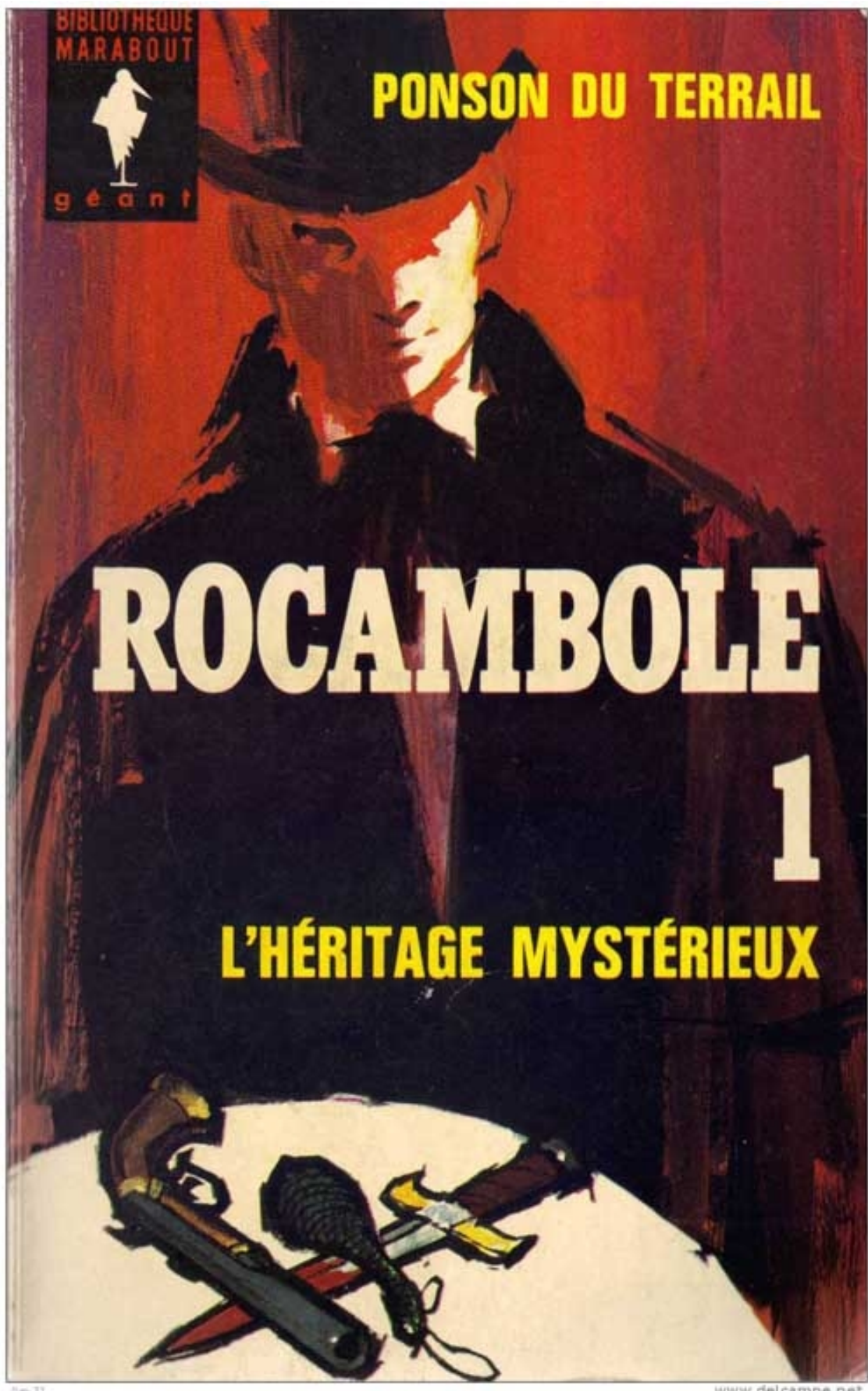
Пьер Алексис Понсон дю Террайль (фр. Pierre Alexis, vicomte Ponson du Terrail, 8 июля 1829, Монмор, Верхние Альпы – 10 января 1871, Бордо) – популярный французский писатель, один из создателей жанра роман-фельетон (иначе – роман в выпусках, роман с продолжением).

Понсон дю Террайль начинал свою творческую деятельность в жанре готического романа. Пытаясь превзойти успех Эжена Сю и в подражание ему, он принялся в 1857 за приключенческий роман о разбойнике Рокамболе, давший начало саге "Похождения Рокамболя", или "Драмы Парижа" (не закончена).

Он отличался быстротой писания (опубликовал свыше 70 произведений) и чудовищными стилистическими промахами. Наводнил своими романами всю парижскую прессу. Имел огромный успех у современников. Написал роман «Молодость Генриха IV».

Участвовал во франко-прусской войне, создал в своем имении нечто вроде партизанского отряда. Укрылся в Бордо от преследований немецких солдат, которые сожгли его фамильный замок под Орлеаном. Здесь и умер. Похоронен на кладбище Монмартр. *(данные из Википедии)*

Книга I. Два брата

Это было в 1812 году.

Великая армия отступала, оставляя за собою Москву с пылающим Кремлем и большую часть своих батальонов, погибших во льдах Березины.

Шел снег...

Небо было обложено со всех сторон мрачными, серыми тучами, а земля представлялась одной необозримой, белой, снеговой равниной, по которой тащились остатки горделивых легионов нового Цезаря, которые еще так недавно шли на завоевание мира... их не мог одолеть тогда целый Европейский союз, а теперь они отступали перед единственным неприязнелем – северной стужей.

Ужасную картину представляло их отступление.

Здесь отчаянно боролась со сном группа всадников, закованных и с трудом удерживаясь в седлах; в другом месте толпа пехотных солдат торопливо делила между собой дохлую лошадь, между тем как стая воронов старалась оспорить у них куски мертвечины, а дальше окоченелый солдат безумно ложился на снег и знал, что не проснется уж больше.

По временам где-то вдали раздавались как бы глухие раскаты грома: это были выстрелы русских орудий, и тогда-то беглецы снова поднимались и, подчиняясь инстинкту самосохранения, торопливо ускоряли свое отступление.

У опушки небольшого леса был разведен костер, около которого сидели три кавалериста.

Громадных трудов стоило им развести огонь и откопать из-под глубокого снега кучу обледенелого хвороста.

Тут же около них стояли и их лошади, понутив головы и неподвижно смотря в землю.

Первый из этих всадников носил на себе лохмотья мундира, на котором виднелись еще полковничьи эполеты. Это был человек высокого роста и вполне благородной наружности – ему было не больше тридцати пяти лет. Правая рука его находилась на перевязи, и на голове красовалась повязка, сквозь которую просачивались капли крови...

Русская пуля раздробила ему локоть, а сабельный удар раскроил лоб.

Другой был капитан, так, по крайней мере, можно было предполагать по оттрепьям его костюма, хотя в то время уже не было больше ни капитанов, ни полковников, ни солдат.

Великая армия представляла собой плачевное сборище оборванцев, бежавших скорее от северных морозов, чем от сынов Дона и Азии, которые повсюду гнали и подстерегали полузамерзших пришельцев.

Капитан был тоже молодой человек, с подвижными чертами лица и нерешительным взглядом. Его черные волосы свидетельствовали о его южном происхождении, а протяжная речь изобличала одного из тех итальянских выходцев, которыми изобиловала французская армия Первой империи, он был счастливее полковника и, не будучи ранен, легче сносил смертельный холод.

А третий из них был простой гвардейский гусар. Его суровое лицо по временам делалось еще свирепее и в особенности в то время, когда до него доносился грохот русских выстрелов.

Наступала ночь, и во мгле казалось, что белая земля сливается с мрачными облаками.

– Фелипоне, – обратился полковник к итальянскому капитану, – мы ночуем здесь... Я очень слаб и сильно устал, да и к тому же моя рука заставляет меня выносить ужасные мучения.

– Нет, полковник, – вскричал гусар Бастиан, прежде чем итальянец успел ответить, – мы должны продолжать дорогу, иначе вы замерзнете.

Полковник посмотрел сперва на солдата, а затем на капитана и, наконец, тихо заметил:

– Вы думаете?

– Да, да и да, – повторил опять гусар с живостью человека, вполне убежденного в своих словах.

Что же касается капитана, то он, казалось, что-то обдумывал.

– Ну, Фелипоне? – настаивал полковник.

– Бастиан прав, – ответил, наконец, капитан, – да, мы должны сесть на лошадей и ехать до тех пор, пока будем в состоянии сидеть в седле... Здесь же дело дойдет до того, что мы не в силах будем преодолеть сна, во время которого этот костер потухнет, и тогда ни один из нас уже не проснется... К тому же... Слушайте... Русские приближаются... я слышу выстрелы их пушек.

– О, несчастье, – прошептал глухо полковник, – мог ли я когда-нибудь подумать, что нам придется бежать от горсти казаков... О, холод, холод, какой ты жестокий и – убийственный враг... Боже! если бы мне не было так холодно...

И, не договорив своих слов, полковник нагнулся к огню, стараясь отогреть свои окоченелые члены.

– Гром и кровь, – ворчал про себя Бастиан, – я бы никогда не поверил, что мой полковник – этот истый лев... не выдержит этого проклятого ветра, который свищет по замерзшему снегу.

Солдат шептал эти слова про себя, не спуская в то же время с полковника взгляда, наполненного любовью и уважением.

На посиневшем лице раненого отражалось жестокое страдание: он дрожал всем телом, и, казалось, вся жизнь его сосредоточилась в глазах, сохранивших свое нежное и гордое выражение.

– Ну, что ж, поедemте, если уж вы этого желаете, – проговорил он, – только дайте погреться еще минутку. О, какой ужасный холод! Никогда еще, кажется, я не страдал так сильно... и, кроме того, мне так хочется спать... Господи! если бы можно было уснуть хоть на час... Только на один час!

Итальянец-капитан и гусар переглянулись между собой.

– Если он заснет, – прошептал Фелипоне, – нам ни за что не разбудить его и не посадить на лошадь.

– В таком случае, – отвечал Бастиан на ухо капитану, – я посажу его сонного, на руках, силы у меня достаточно, а чтоб спасти полковника... я превращусь в Геркулеса.

Закинув назад голову, капитан прислушивался к доносившемуся издали шуму.

– Русские должны быть с лишком за три лье отсюда, сказал он наконец, – ночь уже наступает, и они, наверное, сделают привал, не дойдя до нас. Если полковнику хочется спать, так пусть его заснет, а мы посидим около него.

Услышав эти слова, полковник протянул итальянцу руку.

– Спасибо, Фелипоне, – сказал он, – спасибо, старый друг, какой ты добрый и мужественный, ты, вот не боишься этого проклятого северного ветра. Ох, этот холод!

– Но ведь я не ранен, – возразил итальянец, – так что же мудреного, если я страдаю меньше вас?

– Друг мой, – продолжал полковник, между тем как гусар подбрасывал в костер хвост и сухие ветви, – мне тридцать пять лет. Поступив шестнадцати лет на службу, я был в тридцать полковником, – это доказывает тебе мою храбрость и выносливость. А теперь вся моя энергия, мужество и даже равнодушие к бесчисленным лишениям нашего благородного, но сурового ремесла, все это сокрушено смертельным врагом, называющимся Севером. Мне холодно!.. Понимаешь ли ты это? В Италии я пролежал 13 часов на поле битвы под грудой трупов, голова в крови, а ноги в грязи. В Испании, при осаде Сарагосы, я шел на приступ с двумя пулями в груди; при Ваграме я пробыл до вечера на лошади, несмотря на то, что уда-

ром штыка мне насквозь проткнули бедро. А теперь я только тело без души, почти мертвец... трус, бегущий от презираемого врага! от казаков! И все это только потому, что мне холодно!

– Полно, Арман, не падай духом! Не вечно же мы будем в России. Вот вернемся в наш теплый климат... будем опять видеть солнце... и тогда львы выйдут из оцепенения...

Полковник Арман де Кергац грустно покачал головой.

– Нет, – сказал он, – не видать мне больше ни солнца, ни Франции... Еще несколько часов такого ужасного мороза, и я умру!

– Арман! Господин полковник! – воскликнули в один голос капитан и гусар.

– Я умираю от холода, – прошептал полковник с печальной улыбкой, – от холода и сна.

Голова его начинала склоняться на грудь, и мало-помалу им овладевало непреодолимое оцепенение, от которого погибло столько благородных людей во время этого печального бегства из России. Полковник сделал над собой громадное усилие и сказал, порывисто откинувшись назад:

– Нет, нет, нельзя еще засыпать, нужно подумать об оставшихся там. – И он устремил свой взгляд по направлению к Франции.

– Друзья мои, – продолжал он, обращаясь к преданному солдату и к капитану, – оба вы, без сомнения, переживете меня и сохраните память обо мне. Выслушайте же мою последнюю волю: я поручаю вам мою жену и моего ребенка.

И снова, протянув руку Фелипоне, он продолжал:

– Я оставил там, в нашей милой Фракции, девятнадцатилетнюю жену и новорожденного ребенка. Жена будет, может быть, скоро вдовой, а ребенок осиротеет.

– Арман! Арман! – сказал капитан. – Не говори таких вещей, ты будешь жив!

– О, мне самому хочется еще пожить! – воскликнул он. – Пожить, чтобы вновь увидеть их обоих!

Взор полковника при таких словах засветился надеждой и горячей любовью.

– Но, – продолжал он с грустной улыбкой, – я могу ведь умереть, и тогда вдове и сироте нужны будут покровители.

– О, полковник! – воскликнул Бастиан. – Вы знаете, что, если бы с вами случилось несчастье, ваш гусар отдал бы всю свою жизнь до последней капли крови за вашу жену и вашего ребенка.

– Спасибо! – сказал полковник. – Я надеюсь на тебя. – Потом он взглянул на итальянца и прибавил: – А ты что скажешь, мой старый товарищ, мой брат и друг?..

Капитан вздрогнул, и на лице его промелькнула тень. Казалось, что последние слова полковника вызвали у него какие-то далекие воспоминания.

– Ты только что сказал, Арман, – отвечал он, – что я твой товарищ, твой друг и брат!

– Ну, так если я умру, ты будешь опорой моей жене и отцом моему ребенку.

Лицо капитана вспыхнуло, но полковник не заметил этого и продолжал:

– Я знаю, что ты любил Елену, и мы предоставили ей выбор между нами. Я был счастливее тебя: сердце ее избрало меня, и я благодарен тебе за то, что ты перенес эту жертву и остался другом бывшего соперника.

Капитан опустил глаза. Яркий румянец его лица сменился матовой бледностью, и если бы полковник был в спокойном состоянии и не чувствовал физических и нравственных страданий, он понял бы, что в терзавшемся воспоминаниями сердце итальянца происходит жестокая борьба.

– Если я умру, – продолжал полковник, – ты женишься на ней. Вот, возьми... – С этими словами он расстегнул мундир и подал Фелипоне запечатанный конверт.

– Это мое завещание, – сказал он, – я написал его под влиянием какого-то странного предчувствия, еще в самом начале нашего несчастного похода. Этим завещанием, друг мой, я отдаю тебе половину моего состояния, если ты женишься на моей вдове.

Побледневшее лицо капитана сделалось багровым, нервная дрожь потрясла все его лицо, и он протянул к завещанию судорожно дрожавшую руку.

– Будь покоен, Арман, – проговорил он глухим голосом, – в случае несчастья с тобой я исполню твою волю. Но ты не умрешь и увидишь свою Елену, к которой я не чувствую теперь ничего, кроме искренней и почтительной дружбы...

– Я замерзаю, – повторил полковник тоном человека, уверенного в своей близкой смерти.

Голова его склонилась на грудь, и сон овладевал им с неотразимым упорством.

– Дадим ему поспать несколько часов, а сами постережем, – сказал капитан Бастиану.

– Чертовский ветер, – пробормотал с гневом Бастиан, помогая итальянцу уложить полковника около костра и покрыть его уцелевшими у них лохмотьями одежды и одеял.

Через пять минут Арман де Кергац спал крепким сном. Бастиан не спускал с него ласкового взгляда преданного пса, беспрестанно подбрасывая в костер хворост и наблюдая, чтобы ни одна искра или горячий уголь не отскочили на его уснувшего начальника.

Капитан же сидел, опершись головой на руки; глаза его были опущены в землю, а в голове вертелись тысячи смутных мыслей.

Человек этот, в дружбу которого полковник слепо верил, имел все пороки, свойственные вырождающимся народам. Алчный и злопамятный, он был со всеми вкрадчив и уступчив. Выслужившись из рядового, он сумел сойтись с богатыми и титулованными офицерами французской армии и, не имея ни гроша за душой, приобрести товарищей-миллионеров.

Фелипоне дослужился до капитанского чина во время войны, когда смерть косила офицеров, и благодаря скорее обстоятельствам, чем личной храбрости. Он участвовал во многих сражениях, но ни разу не отличился каким-нибудь подвигом. Может быть, он и не был трусом, но не обладал и отважной смелостью.

Фелипоне и полковник Арман были уже пятнадцать лет друзьями. Три года тому назад, будучи оба капитанами, они познакомились в Париже с Еленой Дюран, дочерью поставщика армии, прелестною молодою девушкой, и оба влюбились в нее. Елена выбрала полковника.

С этого дня Фелипоне затаил в себе страшную, беспощадную ненависть к своему другу, на которую способно только сердце южанина, ненависть, сдержанную и безмолвную, скрывавшуюся под личиной дружбы, но которая должна была разразиться при первом удобном случае. Много раз он прицеливался в дыму сражений в полковника, но каждый раз колебался, придумывая более жестокое мщение, чем такое убийство.

Итальянец дождался, наконец, этой мести и хладнокровно обдумывал ее в то время, как полковник спал под внимательным надзором Бастиана.

– Глупец! – подумал Фелипоне, бросая время от времени мрачный взгляд на уснувшего офицера. – Глупец! Он отдает мне, бедняку, свои деньги и жену, которая меня отвергла... Трудно было бы красноречивее произнести свой смертный приговор.

Взгляд капитана остановился на минуту на Бастиане.

– Этот человек стесняет меня, – думал он, – тем хуже для него!

Фелипоне встал и подошел к своей лошади.

– Что вы делаете, капитан? – спросил гусар.

– Хочу осмотреть свои пистолеты.

– А! – сказал Бастиан.

С этим чертовским снегом, – продолжал спокойно капитан, – нет ничего удивительного, если замки отсырели... в случае нападения казаков...

С этими словами Фелипоне вытащил из чехла один пистолет и небрежно взвел курок. Бастиан смотрел на него спокойно, без всякого недоверия.

– Порох сух, кремль в хорошем состоянии. Теперь посмотрим другой. – Он взял другой пистолет и также внимательно осмотрел его.

– А знаешь, – сказал он вдруг, взглянув на гусара, – я когда-то владел с удивительным искусством этим оружием.

– Очень может быть, капитан.

– На дуэли, – спокойно продолжал Фелипоне; – я целился на расстоянии тридцати шагов в сердце противника и всегда убивал его.

– А! – рассеянно прошептал Бастиан, всецело поглощенный своими обязанностями ночного сторожа.

– Больше того, – продолжал капитан, – я несколько раз держал пари, что прострелю правый или левый глаз своему противнику, и всегда попадал в цель. Но, видишь ли, Бастиан, лучше всего метить в сердце: тут мгновенная смерть.

И капитан опустил дуло пистолета, – Что вы делаете? – вскричал Бастиан, отскочив назад.

– Целю в сердце, – холодно отвечал Фелипоне и, прицелившись в солдата, прибавил: – Я не хочу тебя напрасно мучить. Ты меня стеснял, мой милый, тем хуже для тебя.

В темноте сверкнул огонь, раздался выстрел, вслед за ним болезненный крик, и гусар упал навзничь.

Этот выстрел и крик мгновенно пробудили полковника от его летаргического сна, и он приподнялся, думая, что напали русские.

Но Фелипоне, взяв другой пистолет, уперся ему в грудь коленом и грубо повалил его на землю. Пораженный этим неожиданным нападением, полковник увидел над собой искаженное, насмешливое лицо своего врага, оживленное зверской улыбкой, и с быстротою молнии понял всю низость, всю безграничную подлость человека, в которого он верил.

– А! – издевался итальянец. – Ты был настолько глуп, полковник Арман де Кергац, что верил дружбе человека, у которого отнял любимую им женщину... Насколько глуп, что вообразил себе, будто этот человек простит тебе когда-нибудь! Твоя глупость дошла до того, что ты составил духовное завещание, умоляя этого любезного друга жениться на твоей вдове и принять половину твоего состояния! А затем спокойно заснул с надеждой проснуться, увидеть лучшие дни и соединиться с женой и ребенком, предметами твоей пламенной любви!.. Трижды дурак!.. Так нет же, ты не увидишь их больше и. сейчас уснешь навсегда, мой милейший друг.

Капитан приставил дуло своего пистолета ко лбу Армана де Кергаца. Тот под влиянием чувства самосохранения пытался освободиться от противника и столкнуть давившее его колено. Но Фелипоне еще крепче прижал его к земле, сказав: «Это бесполезно, полковник, вы должны остаться здесь».

– Подлец! – прошептал Арман де Кергац с презрением во взгляде.

– Будь покоен, – насмешливо продолжал Фелипоне, – воля твоя будет исполнена: я женюсь на твоей вдове, буду носить по тебе траур и вечно оплакивать тебя. Я умею соблюдать приличия.

Пистолет коснулся лба полковника, прижатого к земле коленом итальянца, и Фелипоне выстрелил так же хладнокровно, как он стрелял перед тем в преданного гусара.

Пуля раздробила череп полковника Армана де Кергаца, и окровавленный мозг брызнул на руки убийцы.

Тут же, в луже крови, лежал Бастиан, и только один Бог был свидетелем этого преступления.

* * *

Спустя четыре года после описанной нами ужасной сцены, в мае 1816 года мы видим Фелипоне полковником и счастливым супругом Елены де Кергац.

Полковник жил летом в прекрасном барском поместье в Бретони. Замок, носивший название Керлован, был родовой собственностью и завещан полковником Арманом де Кергацем своей жене. Построенный на самом берегу моря, на вершине утеса, он господствовал с противоположной стороны над красивой бретанской долиной, поросшей розовым вереском и окаймленной густыми лесами.

Трудно себе представить более дикий и живописный вид, чем этот старый феодальный замок, совершенно переделанный, благодаря громадному богатству полковника Фелипоне, в современном вкусе внутри и сохранивший снаружи свой вид поэтической древности. С восточной и западной сторон замок окружал большой парк со столетними вязами. В переднем фасаде был уступ, размытый волнующимся внизу сердитым морем, которое вечно подмывает своими волнами берега Бретони. На этой же стороне, от одной башни к другой, шла площадка, построенная во времена Крестовых походов.

Полковник приехал в Керлован в конце апреля в сопровождении жены, находившейся в последнем периоде беременности – первым плодом от второго брака, и четырехлетнего ребенка, которого звали Арманом, как и его отца, несчастного полковника, убитого итальянцем.

Во время Реставрации полковник Фелипоне получил графское достоинство, так что вдова Армана де Кергаца, принадлежавшего к старинной дворянской фамилии, сохранила своей титул графини.

Граф, так мы будем теперь называть итальянца, проводил все время на охоте и в знакомстве со всеми соседними владельцами. Графиня же жила в полном уединении.

Люди, знавшие прежде при дворе императора Наполеона I прекрасную блестящую Елену де Кергац, с трудом узнали бы ее теперь в этой бледной, изможденной женщине, с грустным взглядом, усталой походкой и печальной улыбкой покорности.

Четыре года тому назад к графине де Кергац, томившейся уже несколько месяцев смертельным беспокойством относительно судьбы своего мужа, явился капитан Фелипоне, весь в черном.

Капитан, как известно, любил Елену, но его любовь внушала молодой женщине только глубокое отвращение к этому человеку, потому что она инстинктивно угадывала его фальшивую извращенную натуру.

Много раз после своего замужества она пыталась открыть глаза своему мужу Арману де Кергацу на его дружбу с итальянцем, но, к несчастью, полковник питал к нему слепую, непоколебимую привязанность.

Увидев капитана, графиня вскрикнула, предчувствуя несчастье. Фелипоне медленно подошел к ней, взял ее обе руки в свои и сказал, утирая лицемерные слезы:

– Господь прогневался на нас, графиня: он отнял у вас мужа, а у меня друга. Будем же вместе оплакивать его...

Только спустя несколько дней вдова узнала о завещании своего мужа, в котором он, безумец, умолял ее выйти за своего убийцу и дать в лице его своему ребенку второго отца.

Но отвращение графини к Фелипоне было так сильно, что она возмутилась и ответила ему отказом.

Итальянец был сговорчив и терпелив: казалось, его самого удивила воля покойного друга. Он считал себя недостойным занять его место и просил только, как милости, позволить ему быть простым покровителем, преданным другом несчастной вдовы и опекуном сироты-малютки.

В продолжение трех лет этот человек так хорошо играл свою роль, выказал так много привязанности, доброты, преданности и самоотвержения, что, наконец, обезоружил графиню. Она стала думать, что ошибалась, составив себе о нем такое дурное мнение.

Затем настали неприятные последствия времен Империи. Графиня де Кергац по своему рождению была незнатного происхождения, но она была вдовой офицера, служившего в армии Наполеона, и вследствие этого подверглась некоторому преследованию; тут она больше, чем когда-нибудь, поняла ужасное одиночество вдовы, обязанной жить для своего сына.

Фелипоне занимал при дворе хорошее положение и мог быть полезен в будущем для сироты.

Это обстоятельство повлияло на графиню в пользу итальянца: она уступила, наконец, его настояниям и согласилась выйти за него замуж.

Но странное дело! Как только связала она свою жизнь с этим человеком, прежнее отвращение, внушаемое им и которое ему удалось изгладить, вспыхнуло в сердце графини с новой силой. Фелипоне же, достигнув своей цели, счел лишним продолжать играть роль терпеливого лицемера. Его извращенная натура, злой и мстительный характер приняли незаметно свой настоящий вид, и он, казалось, хотел отомстить Елене за ее прежнее пренебрежение.

Тогда для бедной женщины началась одинокая жизнь, полная скрытых страданий, причиняемых ей тиранией мужа. Фелипоне улыбался Елене при людях и был ее палачом наедине. Негодай изобретал необычные мученья для этой благородной женщины, имевшей несчастье поверить ему.

Его ревнивая ненависть распространялась даже на ребенка, напоминавшего ему первого мужа графини; и когда она снова готовилась стать матерью, в голове итальянца созрел такой гнусный расчет: «Если маленький Арман умрет, мой ребенок наследует огромное состояние, а четырехлетнему ребенку так легко умереть...»

Граф Фелипоне приехал в Керлован, обдумывая этот план.

Итак, графиня жила в Керловане в полном уединении, посвящая все свои заботы сыну, а граф вел разгульную жизнь.

Однажды вечером, в конце мая, она оставила маленького Армана играть на площадке замка и, чувствуя потребность своей страждущей души – почерпнуть в молитве новые силы, ушла в свою комнату и опустилась на колени перед большим распятием из слоновой кости, висевшим над изголовьем ее кровати.

Наступила уже мрачная и туманная ночь, а она все еще молилась. Был сильный морской ветер, и бушевавшие волны с шумом ударялись о берег. Графиня вспомнила про сына. И под влиянием какого-то зловещего предчувствия уже выходила из комнаты, чтобы позвать ребенка, как к ней вошел муж.

Фелипоне был в охотничьем платье, в сапогах со шпорами. Он провел весь день в соседнем лесу и, казалось, только что вернулся.

При виде его графиня почувствовала, что сердце ее сжалось еще сильнее от смутного страха.

– Где Арман? – спросила она его с живостью.

– Я только что хотел спросить вас об этом, – сказал граф. – Меня удивляет, что он не с вами.

Графиня вздохнула при звуках этого лицемерного голоса, и страх ее усилился еще больше.

– Арман! Арман! – звала графиня, отворив окно, выходившее на площадку.

Ребенок не откликнулся.

– Арман! Мой милый Арман, – повторяла мать с тоской.

То же молчание.

Стоявшая на столе лампа освещала очень слабо большую комнату, в которой оставили старую обивку стен и почерневшего дуба мебель. Тем не менее графине показалось при свете, упавшем на лицо итальянца, что оно покрыто смертельной бледностью.

– Мой сын! – повторяла она с мучительной тоской. – Что вы сделали с моим сыном?

– Я? – ответил граф с легкой дрожью в голосе, не ускользнувшей от встревоженной матери. – Я даже не видел вашего сына! Я только сию минуту сошел с лошади.

Последние слова итальянец произнес уже своим обыкновенным голосом и совершенно спокойно.

Тем не менее графиня, волнуемая зловещими мыслями, выбежала из комнаты, крича: «Арман! Арман! Где Арман?»

* * *

Граф Фелипоне вернулся с охоты и сошел с лошади на дворе Керлована минут двадцать тому назад.

Прислуга замка состояла из десяти человек, в числе которых был один берейтор и два псаря. Трое последних жили на дворе, занимаясь конюшнями и псарней, остальные были рассеяны по замку.

Поэтому граф поднялся по главной лестнице, никого не встретив, и вошел в длинную галерею, окружавшую весь первый этаж, из которого был вход в комнаты и выход на площадку.

Площадка эта была любимым местом прогулки итальянца. Он приходил сюда обыкновенно после завтрака или обеда выкурить сигару и взглянуть на море.

Стеклянная дверь, ведущая на площадку, была отворена. Фелипоне машинально вошел в нее.

Было уже почти темно. На горизонте виднелся еще последний отблеск сумерек, отделявший волны океана от облаков. Шум моря, плескавшегося о подножье утеса, доносился до площадки глухим рокотом.

Сделав несколько шагов, граф споткнулся. Под ноги ему попал какой-то предмет, издавший при этом прикосновении глухой звук. Это была деревянная лошадка, с которой играл ребенок. Пройдя еще немного, он увидел при замирающем вечернем свете ребенка, сидевшего неподвижно в уголке перил площадки.

Арману надоело играть с лошадкой. Он сел на минуту отдохнуть, но вскоре им овладел внезапный детский сон, и теперь он крепко спал. Увидев ребенка, граф остановился как вкопанный.

Он целый день охотился, а одиночество дурной советник для тех, кого мучают преступные мысли.

Фелипоне проезжал пять-шесть часов по просекам обширных, пустынных и безмолвных лесов Бретани. Охота была неудачна, он перестал слышать лай своих собак и, погрузившись мало-помалу в смутные думы, опустил повод на шею лошади. Тогда-то к нему вернулась упорная мысль, не дававшая ему покоя с самого начала беременности жены.

Маленькому Арману исполнится в один прекрасный день двадцать один год, и все огромное состояние его отца перейдет к нему. Если же он умрет, наследство после него перейдет к матери, а ей наследует мой ребенок. И итальянец опять увлекся гнусной мечтой о смерти ребенка. И вот, по возвращении с охоты, первый предмет, попавшийся ему на глаза, был этот самый мальчик, уснувший в уединенном месте, вдали от людских глаз и в тот ночной час, когда мысль о преступлении легче всего поселяется в презренной душе.

Граф не разбудил мальчика, а облокотился на перила площадки и наклонил голову.

Внизу на сто с лишком сажен клокотали волны с белыми гребнями, которые могли легко заменить могилу.

Фелипоне обернулся и окинул быстрым взглядом площадку. Она была пуста и начала уже покрываться ночным мраком.

Громкий голос моря, казалось, говорил ему: «Море не возвращает своей добычи».

В голове этого человека мелькнула адская мысль, а в сердце его явился страшный соблазн.

– Могло ведь случиться, – прошептал он, – что ребенок, желая посмотреть на море, влез на перила. Могло также быть, что он, усевшись на них, заснул, как это случилось на площадке... Во сне он потерял равновесие...

По бледным губам итальянца скользнула зловещая улыбка.

– И тогда, – добавил он, – у моего собственного ребенка не будет брата, а мне не придется отдавать опекунских отчетов.

При последних словах граф снова наклонился к морю. Волны глухо бушевали и как бы говорили ему: «Отдай нам ребенка, который тебя стесняет; мы сбережем его и оденем в красивый саван из зеленых морских трав».

Он снова бросил вокруг себя испытующий быстрый взгляд преступника, боящегося, что за ним следят. Безмолвие, мрак и уединение говорили ему: «Никто не увидит тебя, никто никогда не засвидетельствует перед людским судом, что ты убил бедного ребенка!»

У графа закружилась голова, и он перестал колебаться.

Сделав еще один шаг, он взял спящего ребенка на руки и бросил беззащитное создание через перила.

Глухой шум, раздавшийся две секунды спустя, дал ему знать, что океан принял и поглотил свою добычу.

Ребенок даже не вскрикнул. Фелипоне неподвижно простоял несколько минут, трясаясь, точно в лихорадке, на месте, где он совершил преступление, потом негодяю сделалось страшно, и он хотел убежать, но вскоре к нему возвратилось хладнокровие, свойственное великим преступникам, и он понял, что бегством только выдаст себя. Нетвердою походкой, но уже со спокойным лицом, тихо ступая, он сошел с площадки и направился в комнату жены, звеня шпорами и стуча каблуками своих толстых сапог по каменным плитам галереи.

Графиня выбежала из своей комнаты, призывая сына, а муж шел следом за нею, показывая сильное беспокойство, так как ребенок, окончив играть, обыкновенно тотчас же приходил к матери.

Крики графини подняли на ноги весь замок. Сбежались слуги, но никто из них не видел маленького Армана с тех пор, как мать оставила его на площадке.

Осмотрели замок, сад, парк; ребенка не было нигде. В этих бесплодных поисках прошло около двух часов. Обезумевшая графиня ломала в отчаянии руки, а ее пылающий взор хотел, казалось, проникнуть в самую глубину души Фелипоне, которого она уже считала убийцей своего сына, чтобы узнать, что он сделал с ним.

Но итальянец отлично притворялся глубоко огорченным человеком. В его голосе и жестах было столько, по-видимому, искреннего отчаяния и удивления, что мать подумала еще раз, что обвиняет мужа в исчезновении сына под влиянием того непреодолимого отвращения, которое она чувствовала к нему.

Вдруг вошел слуга, держа в руках украшенную белым пером шляпу мальчика, упавшую во время сна с его головы на край площадки.

– Ах, несчастный! – воскликнул Фелипоне с выражением, обманувшим бедную мать. – Он, должно быть, влез на перила. – Но в ту минуту, как графиня отступила в ужасе при этих словах и при взгляде на предмет, как бы подтвердивший роковую истину, на пороге залы, где

тогда находились супруги, появился человек, при виде которого граф Фелипоне смертельно побледнел и отшатнулся, пораженный изумлением.

Вошедший был человек лет тридцати шести в длинном синем сюртуке, украшенном красною орденскою ленточкой, какие носили тогда солдаты, служившие Империи и оставленные Реставрацией.

Он был высокого роста, во взгляде его сверкал мрачный огонь, лицо бледно от гнева.

Сделав несколько шагов к отступавшему в ужасе Фелипоне, он протянул к нему руку, воскликнув: «Убийца! Убийца!»

– Бастиан! – прошептал, обезумев, Фелипоне.

– Да, – сказал гусар, потому что это был он, – Бастиан, которого ты думал убить напо-вал... Бастиан, найденный час спустя казаками в луже крови; Бастиан, пробывший в течение четырех лет в плену, у русских, но теперь освободившийся, пришел требовать у тебя отчета за кровь своего полковника, которою обогрены твои руки.

И в то время, как пораженный ужасом Фелипоне продолжал отступать перед этим страшным видением, Бастиан взглянул на графиню и сказал ей:

– Этот человек убил ребенка, как убил его отца.

Графиня поняла. Обезумевшая мать превратилась в тигрицу перед убийцей своего ребенка: она бросилась к нему, чтобы растерзать его своими когтями.

– Убийца! Убийца! – кричала она. – Тебя ждет виселица! Я предам тебя в руки палача!..

Но негодий все продолжал отступать, а несчастная женщина вскрикнула, почувствовав, как что-то шевельнулось у нее под сердцем, и остановилась, бледная, изнемогая... Человек, которого она хотела предать в руки правосудия, в руки палача, этот подлый злодей был отцом другого ребенка, начинавшего уже шевелиться у нее под сердцем.

* * *

В конце октября 1840 года, то есть спустя двадцать четыре года после только что рассказанных нами событий, однажды вечером в Риме молодой человек, походивший по одежде и манерам на француза, переправился через Тибр и вошел в Транстеверинский квартал. Он был высокого роста, лет двадцати восьми. Его мужественная красота, черные глаза с гордым и кротким взглядом, большой лоб, на котором виднелась уже глубокая преждевременная морщина, служащая признаком забот и тайной печали мыслителя или художника, словом, вся эта прелестная смесь энергичной молодости и грусти привлекала к себе любопытное внимание и служила предметом тайного восхищения транстеверинков, этих римских простолюдинок, славящихся своей красотой и добродетелью. День клонился к вечеру. Последний солнечный луч, угасавший в волнах Тибра, скользил по вершинам зданий вечного города, бросая пурпурный и золотистый отблеск на окна дворцов и разрисованные стекла церквей.

Погода была тихая и теплая. Транстеверинцы сидели у дверей своих домов: женщины пряли, дети играли на улице, а мужчины курили свои трубки, прислушиваясь – к песне уличного артиста. Он пел, стараясь заработать несколько сантимов в узкой извилистой улице, по которой шел молодой человек.

Посередине этой улицы находился маленький кокетливый домик с плоской крышей, стены его были обвиты ирландским плющом, ветви которого сплетались с лозами зреющего золотистыми гроздьями винограда.

С улицы дом казался необитаемым и запертым. Ни малейшего шума или движения не было слышно за затворенными ставнями его нижнего и первого этажей.

Молодой француз остановился у двери, вынул из кармана ключ и, отперев, вошел в дом. Маленькая передняя из белого и розового мрамора вела на лестницу, по которой он быстро поднялся.

«Где же Форнарина? – думал он, направляясь в первый этаж. – Несмотря на все мои приказания, она все-таки бросает свою госпожу. Плохой же дракон караулит мое сокровище... сокровище неоцененное».

Он тихо постучал в маленькую дверь, выходящую на площадку лестницы.

– Войдите! – сказал изнутри кроткий голос.

Посетитель отворил дверь и очутился в хорошеньком будуаре со стенами, обтянутыми серой персидской материей, с мебелью из розового дерева и загроможденном ящиками цветов, издававших сильный аромат. В глубине будуара на турецком диване полулежало прелестное создание, перед которым молодой человек остановился, как бы ослепленный, несмотря на то, что видел ее далеко не в первый раз. Это была женщина лет двадцати трех, маленькая, нежная, с белым, несколько бледным, цветом лица, с пепельными волосами и голубыми глазами, – цветок, распутившийся под тепловатым северным солнцем и перенесенный на время под жгучее итальянское небо.

Красота этой молодой женщины была поразительна, и те транстеверинцы, кому удавалось ее видеть сквозь решетчатые ставни при наступлении вечера или при восходе солнца, останавливались перед ней в безмолвном восхищении.

Увидев француза, молодая женщина вскочила с дивана – с радостным криком.

– Ах! – воскликнула она. – Как я вас ждала, Арман, и мне казалось, что вы сегодня запоздали более обыкновенного.

– Я прямо из мастерских, – отвечал он, – и мог быть здесь раньше, дорогая Марта, если бы ко мне не пришел кардинал Стенио Ланди, желающий купить статую! Он отнял у меня несколько часов... Но, – продолжал художник (это был действительно французский скульптор, отправленный академией в Рим), – вы сегодня что-то бледнее и грустнее обыкновенного, Марта, вы даже как будто встревожены чем-то...

– Вы находите? – спросила она, вздрогнув.

– Да, – отвечал он, садясь с нею и пожимая с любовью и уважением ее руки, – вас мучает какой-то тайный страх, моя бедная Марта, вы чего-то боитесь... Что же с вами случилось? Говорите же, отвечайте мне!..

– Да, мне страшно, Арман, – сказала она с усилием, – действительно боюсь... Я ждала вас с таким нетерпением.

– Боитесь? Чего?

– Послушайте, – продолжала она с оживлением, – нужно уехать из Рима... Это необходимо! Несмотря на то, что вы спрятали меня в малолюдном предместье большого города, куда никогда не заглядывают иностранцы... Но я ошибалась, думая, что буду здесь избавлена от преследований моего злого гения... Отсюда, как и из Флоренции, мы должны уехать.

При этих словах по лицу молодой женщины разлилась странная бледность.

– Где же Форнарина? – спросил вдруг молодой скульптор.

– Я послала ее за вами, но вы, вероятно, разошлись дорогой.

– Эту женщину я поместил возле вас с приказанием никогда не оставлять вас одну, моего ангела, а она, может быть...

– О, не думайте этого, Арман, Форнарина скорее умрет, чем выдаст меня.

Арман, взволнованный, встал и начал ходить взад и вперед по будуару неровными, поспешными шагами.

– Да что же, наконец, случилось с вами?.. Что вы видели, дитя мое, почему хотите уехать?

– Я видела его.

– Кого?

– Его!

Марта подошла к окну и сквозь решетчатые ставни указала одно место на улице.

– Там, – сказала она, – вчера в десять часов вечера, после того, как вы ушли... Он прижался у этой двери, устремив огненный взгляд на мой дом. Он как бы видел меня, хотя в доме не было огня, тогда как сам он был освещен лунным светом. Я отступила в ужасе... и, кажется, вскрикнула, падая в обморок... Ах! Я очень страдала...

Арман подошел к Марте, усадил ее снова на диван и, взяв за руки, опустил ее перед ней на колени.

– Марта, – сказал он, – хотите вы меня выслушать, согласны вы верить мне, как отцу, как старому, надежному другу, как самому Богу?

– О да! – отвечав она. – Говорите... защитите меня... у меня нет никого, кроме вас, на этом свете.

– Марта, – продолжал художник, – шесть месяцев тому назад я увидел вас в полночь, на церковной паперти, плачущую, на коленях. Вы были в таком отчаянии и так прекрасны в ту минуту, что я принял вас за ангела, оплакивающего погибшую душу, вверенную его попечениям и отнятую у него адом! Вы плакали, Марта, вы просили Бога взять вас к себе, послав вам смерть. Я подошел к вам, взял вас за руку и шепнул на ухо несколько слов надежды. Не знаю, убедил ли вас мой голос или он нашел дорогу к вашему сердцу, но вы вдруг встали и оперлись на меня, как на покровителя. Вы хотели умереть, я не допустил этого; вы были в отчаянии, я отвечал вам словами надежды; ваше бедное сердце было истерзано, я старался излечить его. С этого дня, дитя мое, я был счастливейшим из смертных; да, может быть, и вы не так сильно страдали?

– Да, Арман, вы добрый, благородный человек, – прошептала она, – я люблю вас!

– Увы! – сказал француз. – Я не больше как бедный художник, не имеющий имени и, может быть, даже отчества, потому что меня пятилетним ребенком нашли в море, когда я, цепляясь за обломки, боролся со смертью. У меня нет ничего, кроме моего резца, другой будущности, кроме славы, которой я постараюсь достигнуть, и тогда вы будете моей женой: я сумею вас защитить и заставить весь мир смотреть на вас с уважением. Но, – продолжал молодой человек после минутного молчания, – для того, чтобы я мог защитить вас, я должен знать вашу тайну. Неужели вы опять скажете, как во Флоренции: «Уедемте, не спрашивайте меня!»? Кто этот ужасный человек, преследующий вас? Разве вы думаете, что я не достаточно силен, чтобы защитить вас от него?

Марта сидела бледная, дрожа всем телом и опустив глаза в землю.

– Послушай, моя возлюбленная, – продолжал Арман грустным и ласковым голосом, – разве ты думаешь, что, каково бы ни было это терзающее тебя прошлое, оно может уменьшить мою любовь?

Марта гордо подняла голову.

– О! – сказала она. – Если только любовь не преступление, то мне нечего краснеть за свое прошлое. Я полюбила горячо, свято, с доверием восемнадцатилетней девушки, полюбила человека с подлым сердцем, грязной и низкой душой, но которого я считала добрым и честным. Этот человек соблазнил меня, вырвал из родительского дома: этот человек был моим палачом, но Бог свидетель, что я бежала от него, как только узнала его.

– Расскажи же мне, – прошептал он, – расскажи мне все, и я сумею защитить тебя, я убью этого негодяя!

– Ну хорошо, – отвечала она, – так слушайте же.

И, вполне доверяя этому сиявшему любовью взгляду, которым французский художник смотрел на нее, она начала.

* * *

– Я родилась в Блоа. Отец мой был честный негодант, а мать принадлежала к мелкому дворянству нашей провинции. Матери я лишилась десяти лет и до семнадцати прожила в стенах монастыря, в Туре. Вскоре, не выходя оттуда, я познакомилась с моим обольстителем. Отец мой оставил торговые дела, составив себе небольшое, но честно нажитое состояние, и купил в шести лье от Блоа маленькое поместье, куда и привез меня из Тура.

На расстоянии часовой езды от Марньера, так называлось наше поместье, находилось большое имение Го-Куан, принадлежавшее дивизионному генералу графу Фелипоне.

Граф обыкновенно проводил лето вместе с женою и сыном, виконтом Андреа, в своем замке.

Генерал Фелипоне был отвратительный человек; он мучил свою жену и довел несчастную женщину до того, что она состарилась преждевременно и была постоянно больна.

Когда я приехала в Марньер, у моего отца возникли с Фелипоне какие-то недоразумения относительно леса, что и заставило его познакомиться с графом. Меня тоже представили ему.

Виконта Андреа тогда не было, и его ожидали только в конце месяца.

Графиня от души полюбила меня, и мы скоро сошлись с ней душа в душу.

Вскоре приехал и виконт – красивый и надменный молодой человек, и с приездом его здоровье графини, как мне казалось, заметно ухудшилось, и она не раз говорила мне:

– Я чувствую, что скоро умру...

И действительно, через несколько времени после этого, как-то ночью, меня разбудили: из Го-Куана был прислан человек с просьбой, чтобы я приехала к графине, которая умирает и желала бы перед своей смертью повидаться со мной.

Мы застали ее в постели и при последних минутах – священник читал уже отходную; вокруг нее стояла на коленях ее прислуга и горько плакала. Но ни графа, ни виконта не было дома. Мы напрасно искали их.

– Они на охоте, – прошептала больная... – Я их не увижу уж более...

И действительно, они были где-то в лесу, так что чужая рука закрыла ей глаза.

Она умерла ровно в десять часов утра, и последними ее словами было: «Андреа... неблагодарный сын!..»

И я слышала, как старый лакей, стоявший в углу, добавил при этом:

– Это виконт убил свою мать!

Но, представьте себе, мой милый друг, я уже находилась под влиянием этого человека и даже любила его, и он также признался мне в своей страсти ко мне. Не знаю, как это произошло... но не больше как через три месяца после смерти его матери наступила такая минута, когда я верила ему, как богу... когда он произвел на меня какое-то особое, потрясающее действие и приковал к себе.

Тогда-то однажды он сказал мне:

– Марта, клянусь тебе, что ты будешь моей женой, но так как мой отец никогда не согласится на этот брак, то уедем отсюда в Италию, там мы обвенчаемся, а со временем будем надеяться, что отец примирится с нами.

– Ну, а мой? – спросила я в испуге.

– Твой приедет к нам!..

– Но зачем же нам теперь скрываться от него?

– Твой отец замечательно честен, так что ежели мы откроемся ему теперь, то он немедленно отправится к моему отцу и сообщит ему все, и тогда мы должны будем расстаться.

Я верила этому человеку – уступила и последовала за ним.

Темною ночью, на почтовых лошадях, мы уехали с Андреа в Италию в окрестности Милана. Перед отъездом я написала своему отцу письмо, которое и оставила на столе в своей комнате.

В Милане Андреа нанял большой дом, познакомил меня, под видом своей жены, со всей знатью и начал вести веселую жизнь.

Несколько раз я просила его написать моему отцу, чтобы тот приехал к нам, но он всякий раз говорил мне, что имеет известие о том, что мой и его отцы так сердиты, что не захотят видеть нас, и при этом всегда добавлял:

– погоди!.. время все изменит!

Я писала сама несколько раз, но все письма мои оставались всегда без ответа; впоследствии я узнала, что людям было строго приказано не относить их на почту, а доставлять их Андреа. Так продолжалось несколько месяцев. У Андреа были лошади и множество знакомых; он веселился, и, пожалуй, можно было бы даже подумать, что я одна из самых счастливых женщин... так, по крайней мере, могло казаться по виду.

На все мои вопросы и напоминания о женитьбе он обыкновенно сердился и нетерпеливо отделивался от меня какими-нибудь пустыми отговорками. Однажды на мое новое напоминание о данном им слове он резко заметил:

– погоди... когда отец умрет, тогда я женюсь на тебе.

И при виде моего удивления он вынул из кармана листок почтовой бумаги и предложил мне прочесть написанное на нем.

Это было письмо от его отца, я читала его и чувствовала, как я бледнею. В нем было сказано:

«Мой милый сын! Я не вижу ничего дурного в том, что вы обольщаете девушек из наших окрестностей, но я вполне уверен, что вы не сделаете глупости и не женитесь ни на одной из них, так как у меня уже есть для вас подходящая богатая невеста...»

Это письмо выпало у меня из рук, и я с испугом посмотрела на Андреа.

– Что же вы намерены делать? – прошептала я.

– Ждать, – ответил холодно он, – я знаю своего отца... Он способен лишить меня наследства, если я не исполню его желания.

– Но чего же ждать?

– Его смерти, – ответил он, напевая какую-то арию.

С этой минуты я начала его понимать... Он хотел сделать из меня содержанку... я заболела: со мной сделалось что-то вроде горячки. Я молилась, призывала Бога, просила прощения у своего отца. Я валялась в ногах у Андреа, умоляя его возвратить мне мое счастье. Андреа фразировал и насмехался надо мной.

Когда я совершенно поправилась, то обратилась к одному старому священнику и спросила его совета, что мне делать.

– Поезжай, мое дитя, к своему отцу, – сказал он, – Бог милосерден и простит тебя и заставит этого человека исправить свою ошибку перед тобой...

Мой отец!

Я решила последовать его словам и просить Андреа отпустить меня.

Как-то утром я сообщила ему о моем отъезде.

– Куда же ты поедешь? – спросил он меня. – К отцу, – ответила я.

Ну, если так, то я должен, наконец, сообщить тебе всю истину, – сказал он и подал мне траурное письмо, извещавшее о смерти моего бедного отца.

– Мой отец умер от горя... и я была его убийцей...

– Бедная Марта! – прошептал скульптор, беря за руку молодую женщину.

Марта вытерла глаза и продолжала:

– Мой отец умер, я осталась одна. В первые дни траура он был особенно внимателен ко мне, но скоро все вошло в свою колею, и он по-прежнему стал смотреть на меня как на свою игрушку. Может быть, он и любил меня, но так, как любят статую, собаку, лошадь...

Тогда я решилась бежать от этого человека. Но куда бежать?.. Куда идти?..

Однажды вечером, в театре, Андреа поссорился с одним молодым австрийским офицером, вызвал его на дуэль, которая должна была состояться на другой день.

Оружием были выбраны пистолеты; согласно условию, противники должны были приближаться друг к другу и стрелять по желанию.

Офицер стрелял первый и сделал промах, тогда Андреа продолжал наступать на него.

– Стреляйте же! – кричали ему секунданты.

– Нет, еще не время, – ответил виконт и подошел так близко к своему противнику, что пистолет коснулся его груди.

Офицер не пошевелился и стоял самым спокойным образом.

Другого бы подобная смелость обезоружила, но негодяй не признавал жалости.

– По правде, – сказал он, улыбаясь, – вы еще так молоды, что для вашей матери будет большим горем узнать о вашей смерти.

И при этих словах он выстрелил.

– Презренный, – прошептал с отвращением Арман.

– Это еще не все, – продолжала Марта, вздохнув. – Андреа был игрок, по счастью, ему так везло, что он несколько месяцев подряд выигрывал громадные суммы... Наш дом превратился в игорный, где разорилось множество молодых людей из лучших миланских фамилий. Но наконец и его счастье отвернулось от него.

Однажды ночью, когда они играли в садовой беседке, Андреа проиграл громадные суммы. Все уже разъехались, и виконт играл только вдвоем с бароном Сполетти, который и был его счастливым партнером этой ночи.

Андреа был бледен и взволнован, и его бледность увеличивалась по мере того, как его банковые билеты переходили на сторону барона.

Сполетти играл совершенно хладнокровно, как вообще все люди, которые верят в свое счастье. Около него лежал портфель, туго набитый банковыми билетами, и он отвечал на все суммы, какие только ни назначал Андреа.

Наконец дело дошло до последнего билета в тысячу франков, и он был проигран.

Тогда Андреа дошел до того, что предложил Сполетти играть в долг.

– У меня, – сказал он, – нет здесь больше денег, но мой отец имеет триста тысяч ливров годового дохода. Я ставлю на слово сто тысяч экю.

Барон подумал и согласился.

– Хорошо, – ответил он, – я принимаю ваши сто тысяч экю, – на пять пуан.

Андреа был бледен и заметно взволнован; он лихорадочно стасовал карты и принял предложенное условие.

Ужасно было видеть эту партию и этих игроков, из которых для одного проигрыш составлял полное разорение, а для другого только потерю того, что им было выиграно.

Барон был спокоен и играл с полной уверенностью в своем счастье.

В две сдачи Андреа записал четыре очка и сразу оживился, но радость его была непродолжительна, в следующую сдачу он проиграл, затем еще раз, и барон, в свою очередь, записал четыре очка.

Партнеры переглянулись.

– Я откладываю партию, – сказал Андреа. Барон колебался.

– Нет, – наконец ответил он, – к чему? И он сдал и открыл карту.

– Король, я выиграл, – добавил Сполетти, – вы мне должны сто тысяч экю.

– Я их удваиваю, – пробормотал Андреа задыхающимся голосом.

Но барон холодно встал.

– Мой дорогой, – сказал он, – у меня принцип – не играть более одной игры на слово. Уже – светло, и я смертельно хочу спать. Прощайте.

Несколько мгновений Андреа оставался неподвижен и жадным взором следил за тем, как барон укладывал в портфель золото и банковые билеты.

Барон пожелал мне спокойной ночи и вышел из беседки.

Андреа встал тоже и пошел его провожать.

У нас в доме уже спали.

Я была тоже расстроена проигрышем виконта и задумчиво стояла у порога беседки.

Прошло несколько минут. Вдруг я услышала крик... – один только крик... а затем я увидела перед собой бледное лицо Андреа. Глаза его горели каким-то особенным блеском, вся одежда его была в беспорядке; в одной руке он держал маленький окровавленный кинжал, а в другой – портфель барона Сполетти. Вся рубашка его была в брызгах крови...

Теперь, в свою очередь, я вскрикнула и бросилась бежать – он не удерживал меня.

Я побежала через сад, наткнулась дорогой на что-то мягкое – это был труп Сполетти, и, уже не помня себя, выбежала из дома и побежала через город до той самой церкви, где ты нашел меня...

– А! Мой ангел, – прошептал Арман, – теперь я понимаю, почему ты постоянно опасаешься этого человека.

– Вы не знаете еще всего, – ответила тихо Марта. – Этот человек отыскал нас во Флоренции и прислал мне следующую записку: «Возвратись немедленно ко мне, иначе твой новый любовник умрет». Вы понимаете теперь, отчего я настаивала уехать из Флоренции. Этот человек был бы вашим убийцей... К чему нам оставаться в Риме, когда он уже нашел нас.

И Марта бросилась в объятия молодого человека и страстно прижала его к своему сердцу.

– Бежим, – говорила она с особенной нежностью, – бежим, мой милый друг, бежим от убийцы.

– Нет, – ответил с особенной живостью Арман, – мы не уедем отсюда, мое дитя, но если бы этот человек осмелился только прийти сюда, то я бы его убил.

Марта дрожала так, как дрожат осенью листья на деревьях во время сильного ветра. Арман посмотрел на часы.

– Я дойду только до своей мастерской, – сказал он, – и вернусь через час. Мне нужно захватить пистолеты. Моя милая Марта, я проведу ночь у порога этой комнаты, и горе изменнику Андреа, ежели он только осмелится показаться сюда.

И, сказав это, скульптор вышел. В дверях он встретился со старой служанкой Форнариной.

– Я видел твою хозяйку, – сказал он, – она ожидает тебя. Запри дверь на два поворота ключа и ни за что не отпирай никому. У меня есть свой ключ...

– Слушаю, синьор, – ответила почтительно старая служанка и низко поклонилась.

Но едва только Арман отошел от дома, как она слегка свистнула, и вместо того, чтобы запереть дверь, оставила ее полуоткрытой.

На улице было темно и пусто. Когда Форнарина свистнула, то на противоположной стороне улицы показалась какая-то тень, которая медленно отделилась от перил набережной и направилась к домику, где жила Марта; через несколько минут после этого дверь домика полуотворилась, и чей-то голос тихо шепнул:

– Форнарина?

– Я, господин. Это вы, ваше сиятельство?

– Да.

– Хозяин ушел, но он должен скоро вернуться.

– Хорошо, мы будем иметь достаточно времени, – пробормотала тень, и затем незнакомец сунул в руку старой итальянки кошелек, полный золота.

– Возьми и ступай, – приказал он.

– Да спасет вас само небо, – пробормотала старуха, вешая на ладони золото.

А между тем незнакомец вошел в дом и, поднявшись по лестнице, остановился перед комнатой Марты и постучал три раза в дверь.

Молодая девушка задрожала. Это не мог быть Арман, который ушел в свою мастерскую; это не была тоже и Форнарина, входившая всегда без шума.

А куда она обдумывала это, дверь отворилась, и на пороге появился человек.

При виде его Марта вскрикнула и в испуге отступила назад.

– Это я, – проговорил вошедший и, сбросив с себя плащ, подошел к молодой девушке.

– Андреа!.. – прошептала она, задыхаясь.

– Ну да! Андреа. Неужели тебя удивляет эта случайность?

Марта не отвечала и отступила от него.

– Моя милочка, – продолжал холодно Андреа, – вы оставили меня из-за связи... Но вы должны бы были подумать, что я не позволю вам бежать от меня безнаказанно.

– Послушайте!

– Неужели вы предполагали, что виконт Андреа позволит увезти у себя свою содержанку, и притом еще какому-то скульптору без имени и без состояния.

Виконт сопровождал эти слова насмешливой улыбкой.

Марта опустилась в изнеможении на диван.

– Ну-с, пойдемте, дорогой ангел, – проговорил он с предательской нежностью.

И при этом он сделал несколько шагов вперед и взял ее за руку.

Марта вскрикнула.

– Нет! Нет!.. Уйдите, – шептала она.

– Я так и сделаю, – ответил спокойно Андреа, – но я надеюсь, что вы последуете за мной?

И адская улыбка показалась на его губах.

– Так как, – продолжал он, – я приехал, собственно, за вами. Посмотрите, в конце этой улицы нас ожидают носилки, а на другой стороне Тибра приготовлен почтовый экипаж, который и доставит нас прямо в Неаполь. Я нанял отель в Ишиа... и, собственно, для тебя, дорогой друг.

– Никогда... никогда... – шептала, потерявшись, Марта. – Я вас презираю.

– Может быть, но я тебя люблю, – перебил Андреа. – Я тебя разлюбил в то время... но теперь я все еще тебя люблю. Ты меня презираешь и ненавидишь – это основание для того, чтобы я похитил тебя... Ну, поскорей, моя милочка, накинь на себя какую-нибудь мантилью и следуй за мной... Нам нужно торопиться.

И, говоря это, Андреа схватил молодую женщину на руки.

– Ко мне! Ко мне! Арман! Форнарина! – кричала Марта, тщетно стараясь освободиться из сильных рук виконта.

Форнарина не отвечала, но на улице раздались чьи-то торопливые шаги. Марта узнала их – это шел скульптор. Арман не дошел до своей мастерской и, мучимый особенным предчувствием, вернулся с дороги. Проходя по улице, он купил в одной лавке кинжал и спешил к своей Марте.

– Арман! Арман! Помоги! – кричала молодая женщина.

– Арман не получит тебя, – нагло ответил Андреа и, вскинув ее на плечи, начал сходить с лестницы.

Марта продолжала бороться.

Арман услышал ее, и в ту минуту, когда Андреа сошел с последней ступени, на пороге появился скульптор.

– Дорогу! – крикнул Андреа.

– Назад, разбойник! – ответил Арман, хватаясь за свой кинжал.

– А! А! – улыбнулся со злостью виконт. – Значит, нужно поиграть ножом.

И, подвинувшись назад, он бросил Марту на пол.

Затем он выхватил свой кинжал, и с минуту соперники оглядывали друг друга.

Комната, в которой они находились, полуосвещалась маленькой лампой, но ее света было вполне достаточно, чтобы молодые люди могли рассмотреть друг друга.

– Так это вы, Андреа? – спросил, наконец, скульптор.

– А это вас называют Арман? – задал, в свою очередь, вопрос виконт самым насмешливым тоном.

– Презренный! – крикнул Арман. – Прочь отсюда, негодяй! Пошел вон сейчас же!

– В таком случае отдай мне мою содержанку. Я беру свое... отдай мне ее, и я сейчас же уйду.

– Тварь! – пробормотал Арман, подходя к виконту.

Но Андреа сделал скачок назад и взмахнул своим кинжалом.

– Мне кажется, – заметил он, – что мы собираемся поиграть с этой бедной Мартой.

– Это будет игра смерти для тебя, – ответил ему Арман и бросился на него.

Но Андреа продолжал отступать, как делают это обыкновенно тигры для того, чтобы справиться с силами и вернее напасть.

И действительно, он наконец бросился на скульптора, но его кинжал ударился о кольчугу, которую скульптор имел на себе, и, не причинив ему вреда, соскользнул.

Тогда враги сцепились, нанося друг другу массу ран.

Это была ужасная, ожесточенная драка...

Бились на жизнь и смерть...

Обитатели улицы слышали крики и шум, но считали за лучшее не вмешиваться в чужое дело, говоря, что «у прекрасной француженки, вероятно, было два обожателя, которые и встретились теперь».

Битва продолжалась недолго – один из соперников нанес удачный удар другому в горло, и тот, обливаясь кровью, упал на пол.

Тогда победивший, несмотря на то, что сам истекал кровью, подошел к молодой женщине, которая лежала без чувств, и подняв ее, вынес из дома.

Это был виконт Андреа.

А побежденный – Арман...

И в то время, когда он находился в предсмертной агонии, его враг похищал у него ту женщину, которую он любил так, как никто еще, может быть, не любил.

* * *

Во вторник 1843 года в одном из громадных домов улицы Дюпери художник Поль Лора давал костюмированный бал.

Все художники, скульпторы, артисты, актеры и актрисы сошлись здесь братски, чтобы повеселиться и отдать должную дань могучему таланту хозяина праздника.

В мастерской, обращенной в большую залу, танцевали маски. И каких только представителей истории нельзя было тут встретить: дамы короля Людовика XV танцевали с пажами Карла V, а в первой кадрили сошлись одновременно королева Елизавета Английская, маркиз де Лаи-цун, Агнесса Зоре и Людовик XIII.

Покуда в мастерской танцевали, некоторые из присутствующих гостей сидели на террасе и наслаждались чистым и свежим ночным воздухом.

Было уже одиннадцать часов, около одной из колонн, на террасе, сидел замаскированный, по виду еще молодой человек в костюме придворного времен Марии Стюарт.

Облокотившись на руки, он, казалось, не принимал ни малейшего участия в веселье, и веселые звуки музыки нисколько не занимали его и не доходили до него.

– Так-то все идет в этой жизни, – шептал он тихо, – люди преследуют счастье и не достигают его... Как вы смешны... вы танцуете, вы поете, и вы ни о чем больше не думаете, и даже не подозреваете, что есть люди, которые плачут и мучаются.

Он мечтал.

Так прошло несколько времени, наконец, он встал и начал тихо ходить по террасе.

В это время на балкон вышел еще один человек в маске, в ярком костюме Дон-Жуана.

– Мне кажется, – начал он, подходя к придворному, – Марий Стюарт, – что вы так же мрачно настроены, как и ваш костюм.

– Вы находите? – ответил тот и невольно вздрогнул, услышав его голос, который, как казалось ему, он уже не раз слышал.

– Мне казалось, – продолжал насмешливо Дон-Жуан, – что вы мечтали о чем-то очень патетическом, если можно только так заключить по вашим последним словам.

– Может быть.

– Не сказали ли вы только что: «О! если бы у меня было золото, то я был бы этим человеком!» – и вы посмотрели при этом на Париж.

– Да, – отвечал придворный, – я даже добавил при этом, что если бы нашелся такой богатый человек, то ему предстояло бы выполнить в этом Париже, который простирается теперь у наших ног, великое дело.

– Вот как, – заметил Дон-Жуан, – ну, а может быть, я и есть этот человек... я...

– Вы?

– Мой старый отец, которому предстоит в самом непродолжительном времени отправиться к своим предкам, оставит мне после себя четыреста или пятьсот тысяч ливров, годового дохода.

– Вам?

– Мне.

– Сколько такой человек может принести истинной пользы...

– Конечно, я и думаю жить в свое удовольствие – похищать чужих жен, девиц и вообще наслаждаться вполне жизнью.

– Бесчестность, – прошептал придворный.

– Полноте, мой милый, бесчестность только и встречается в глупостях. К тому же, говоря таким образом, не нахожусь ли я в своей роли, не Дон-Жуан ли я?

И, смеясь каким-то особенным смехом, Дон-Жуан снял с себя маску.

Придворный Марии Стюарт вскрикнул и отступил.

– Андреа! – пробормотал, он.

– Постойте! – заметил виконт (так как это был он). – Вы меня знаете?

– Может быть.

– В таком случае, долой маску, добродетельный человек, чтобы я знал, перед кем я развивал свой взгляд на вещи.

– Если это вам угодно, милостивый государь, то я исполню это во время ужина.

– Это почему?

– Я держал пари, – ответил лаконически придворный и вошел в зал.

– Это странно, – пробормотал Андреа, – мне кажется, что я уже слышал этот голос.

– За стол! За стол! – раздалось в это время со всех сторон.

Ужин был подан.

Большинство гостей уже разъехалось, так что ужинало только человек тридцать.

Шумно и весело сели они за стол, и все тотчас же сняли маски.

Один только человек в костюме придворного двора Марии Стюарт не сажился и не снимал с себя маски. Он стоял молча сзади своего стула.

– Долой маску! – крикнул ему женский веселый голосок.

– Только еще не теперь, – ответил он.

– Как, вы ужинаете в маске?

– Я не ужинаю.

– Да вы будете же пить?

– Тоже нет.

– Боже мой! – раздалось с разных сторон. – Какой странный голос.

– Господа! Я держал пари.

– Посмотрим, в чем оно состоит.

– Я держал пари, что только тогда сниму маску, когда расскажу таким веселым господам, как вы, печальную историю.

– Черт побери... печальную историю... это что-то очень скучно! – протестовала молоденькая водевильная актриса, одетая пажом.

– Любовную историю.

– О, если это любовная история, то это другое дело, – крикнула одна из графинь, – это другое дело. Все любовные истории смешны.

– А моя история между тем печальна.

– Ну, рассказывайте же.

– Но она не очень длинна, – продолжал замаскированный.

– Вашу историю!.. Историю!.. – раздалось со всех сторон.

– Слушайте, господа, – начал рассказчик, – есть много людей, которые любят многих женщин, я же любил только одну, и любил ее чисто и свято, не спрашивая даже, кто она и откуда.

– А! Так это была незнакомка, – прервала его актриса-паж.

– Я нашел ее однажды ночью на церковной паперти и всю в слезах; она была похищена, обольщена и брошена. Ее обольститель был негодяй, убийца и вор.

Голос рассказчика был резок и производил глубокое впечатление на слушателей. Виконт Андреа вздрогнул.

– Итак, – продолжал человек в маске, – этот человек, которого она ненавидела и презирала, захотел однажды отнять ее у меня, он тайно, как вор, забрался ко мне и утащил ее. На пороге дома мы встретились. У нас не было другого оружия, кроме кинжалов... эта женщина была наградой победителю. Мы дрались. Не знаю, сколь ко времени продолжался бой, но этот человек остался победителем, и в то время, когда я лежал в луже крови, он похитил женщину, которую я любил.

Рассказчик приостановился и посмотрел на виконта Андреа. Андреа был бледен, и холодный пот покрывал его лоб.

– Три месяца, – продолжал замаскированный, – я находился между жизнью и смертью. Молодость и сила взяли свое. Я был, наконец, спасен; выздоровев, я хотел отыскать ту, которую я любил и которую похитили.

Я нашел ее, нашел умирающей, в одной из грязных гостиниц в верхней Италии, где она находилась, оставленная всеми и брошенная своим похитителем. Она умерла на моих руках, против воли своего палача.

Рассказчик остановился и окинул взглядом присутствующих.

Все внимательно слушали его, и ни у кого на лице не было заметно улыбки.

– Итак, – окончил он, – этот вор, этот убийца, этот палач женщины найден мною час тому назад... Этот негодяй здесь... между вами!

И при этих словах он поднял руку и, показав на виконта, добавил:

– Вот он!

Андреа задрожал на своем стуле, тогда незнакомец снял маску.

– Арман! Скульптор Арман!.. – раздалось с разных сторон.

– Андреа! – вскрикнул он. – Андреа! Узнал ли ты меня?

Но в эту минуту и в то время, пока присутствующие не могли еще прийти в себя, находясь под влиянием только что происшедшей сцены, дверь залы отворилась, и в нее вошел человек, одетый во все черное.

Этот человек – подобно старому служителю, который пришел к Дон-Жуану во время одной из его оргий сообщить ему о смерти отца, – этот человек, не обращая внимания на сидящих за столом, медленно подошел к виконту и громко сказал:

– Господин виконт Андреа, ваш отец, генерал Филиппоне, который уже давно серьезно и тяжело болен, чувствует себя очень нехорошо и желает видеть вас при своей смерти, то есть иметь то утешение, которого была лишена ваша покойная мать при своей смерти.

Андреа встал и, пользуясь тем впечатлением, которое произвело на присутствующих это известие, торопливо вышел; но в ту же минуту человек, который сообщил ему это известие, этот человек взглянул на Армана, который было хотел остановить Андреа, и громко вскрикнул:

– Боже! Лицо моего полковника!

* * *

За час перед этим в предместье С-Гонорэ произошла сцена совсем другого рода.

На конце улицы Экюрю-де-Артуа возвышался старый и мрачного вида отель; судя по его виду, можно было подумать, что он необитаем.

В этом отеле, в первом этаже, в большой комнате лежал одинокий умирающий старик. Другой старик, но только гораздо крепче и сильнее его, приготовлял ему питье.

– Бастиан, – прошептал умирающий слабым голосом, – я умираю. Довольно ли ты отомстил мне? Вместо того, чтобы отправить меня на эшафот, как ты это мог сделать, ты удовольствовался тем, что остался подле меня, живым укором моих преступлений; ты сделался моим управителем, ты, ненавидящий меня, называл меня постоянно вашим сиятельством, и я чувствовал каждую секунду горькую историю твоего голоса... А! Бастиан! Бастиан! Доволен ли ты своей мстью? И доволен ли я наказан?

– Нет еще, – ответил гусар Бастиан, который в продолжении тридцати лет мучил – своего убийцу, повторяя ему постоянно: «А! Бесчестный человек, если бы ты не женился на вдове моего полковника!..»

– Что же тебе надобно еще, Бастиан? Ты видишь, я умираю, и умираю, оставленный всеми.

– В этом и состоит моя месть, Фелиппоне, – возразил ему глухим голосом управляющий, – ты должен умереть, как умерла твоя жертва, твоя жена, не простившись с твоим сыном.

– Мой сын! – прошептал старик и, сделав громадное усилие, приподнялся на кровати.

– А! – говорил Бастиан. – Ты вспоминаешь своего сына... Да, твой сын такой же эгоист, как и ты; у него нет сердца: он похищает и обольщает молодых девушек, убивает людей, с которыми он дерется на дуэли, обманывает в играх, и это твой сын, а ты – не правда ли? – был бы теперь очень счастлив, если бы он находился около тебя:

– Сын мой! – повторил умирающий с особенной нежностью.

– Ну так нет, – продолжал Бастиан, – ты не увидишь его... твоего сына нет дома... он на балу, и я один только знаю, где он, но не поеду за ним.

– Бастиан! Бастиан! – умолял Фелипоне, задыхаясь. – Бастиан! Неужели ты будешь непоколебим!

– Послушай, Фелипоне, – ответил серьезным тоном старый гусар, – ты убил моего полковника, его сына и его жену. Неужели же я поступаю чересчур строго за трех человек?

Фелипоне вздохнул.

– Я убил Армана де Кергаца, – прошептал он, – я был виноват в смерти его вдовы, которая умерла с горя... но что касается его сына...

– Бесчестный! – воскликнул Бастиан. – Неужели ты будешь отрицать то, что ты бросил его в море!

– Нет, – ответил Фелипоне, – но он не умер.

Это известие произвело потрясающее действие на Бастиана, который невольно вскрикнул:

– Как! Ребенок не умер?

– Нет, – пробормотал Фелипоне. – Он был спасен рыбаками, отвезен во Францию и потом воспитан во Франции. Я это узнал только неделю тому назад.

– Но где он и как ты это узнал?

Голос больного слабел, и его конец быстро приближался.

– Говори, говори! – настойчиво требовал Бастиан.

– В последний раз, когда я выезжал из дому, – продолжал Фелипоне, – скопление экипажей на одной улице задержало несколько мою карету при въезде на одну площадь. Я выглянул из окна и рассматривал проходящих, но вдруг я был невольно поражен – передо мною, в нескольких шагах, стоял молодой человек лет тридцати – совершенный двойник Армана де Кергаца...

– Говорите, говорите! – повторял взволнованный Бастиан.

– Я последовал за этим человеком и узнал, что его зовут Арман, что он артист, не знавший своих родителей и помнящий только то, что его вытащили из моря рыбаки в ту минуту, когда он уже утопал...

При этих словах Бастиан выпрямился.

– Так слушай, – сказал он, – если ты хочешь видеть в последний раз своего сына и если ты не пожелаешь, чтобы я замарал скандальным процессом твою память, то ты должен сейчас же подписать документ, которым ты возвратишь настоящему наследнику все то, что ты украл у него. Я должен найти его.

– Это излишне, – пробормотал старик, – я наследовал полковнику Кергацу только потому, что предполагалось, что его сын умер; а теперь ему стоит только показаться, чтобы закон ввел его во владение всем имением.

– Это верно, – согласился Бастиан, – но как доказать, что это он?

Умиравший вместо ответа указал рукой на маленькую шкатулку.

– Мучимый совестью, – сказал он, – я написал историю моих преступлений и положил ее вместе со всеми бумагами, которые помогут узнать ребенка.

Бастиан подал шкатулку умирающему, который отворил ее дрожащими руками и вынул оттуда связку бумаг.

– Хорошо, – сказал тогда старый гусар, – я найду ребенка.

И потом добавил растроганным голосом:

– Я прощаю тебя – и ты увидишь своего сына в последний раз.

Сказав эти слова, Бастиан торопливо вышел из комнаты умирающего, спустился с лестницы и, проворно вскочил в стоящую у подъезда карету, крикнул кучеру:

– Пигаль – мигом!

Умирающий остался один – у него уже было только одно желание: свидеться в последний раз со своим сыном, и это желание поддерживало еще его утешающие силы.

Прошло около часа.

Наконец дверь открылась, и как будто само провидение пожелало еще раз опечалить последнее чувство этого человека.

В комнату, где уже витала смерть, вошел его сын в ярком маскарадном костюме.

– О! – пробормотал Фелипоне. – Это уже слишком!

И, повернувшись к стене, он испустил последний вздох, прежде чем его сын подошел к нему.

Андреа взял его за руку и приподнял ее – она уже начинала холодеть, он дотронулся до его сердца – оно уже не билось.

– Он умер, – заметил он хладнокровно, – а жаль.

В эту минуту на пороге комнаты появился еще человек.

Андреа обернулся и отступил на шаг.

Перед ним были два человека, скульптор Арман и Бастиан.

– Господин виконт Андреа, – начал Бастиан, подходя к нему, – ваш отец убил первого мужа своей жены, потом бросил в море вашего старшего брата, но этот брат не умер... вот он, – и он указал Андреа на Армана.

– Этому-то брату ваш раскаявшийся отец при смерти отдал все то, что он похитил у него и что было должно перейти к вам. Вы здесь у господина графа Армана де Кергаца, а не в своем доме... Выйдите отсюда.

Андреа в ужасе смотрел на Армана, который сделал несколько шагов вперед, грубо взял его за руку и, подведя к окну, сказал:

– Смотри, вот тот Париж, где ты хотел быть при помощи твоего громадного состояния злым, духом, я заменю тебя и постараюсь быть в нем добрым гением. А теперь – вон отсюда, так как я могу забыть, что у нас была одна мать, вспомнив твои преступления и женщину, которую ты убил... Вон!

Арман говорил повелительно, как хозяин дома, и первый раз Андреа трепетал и исполнял приказание.

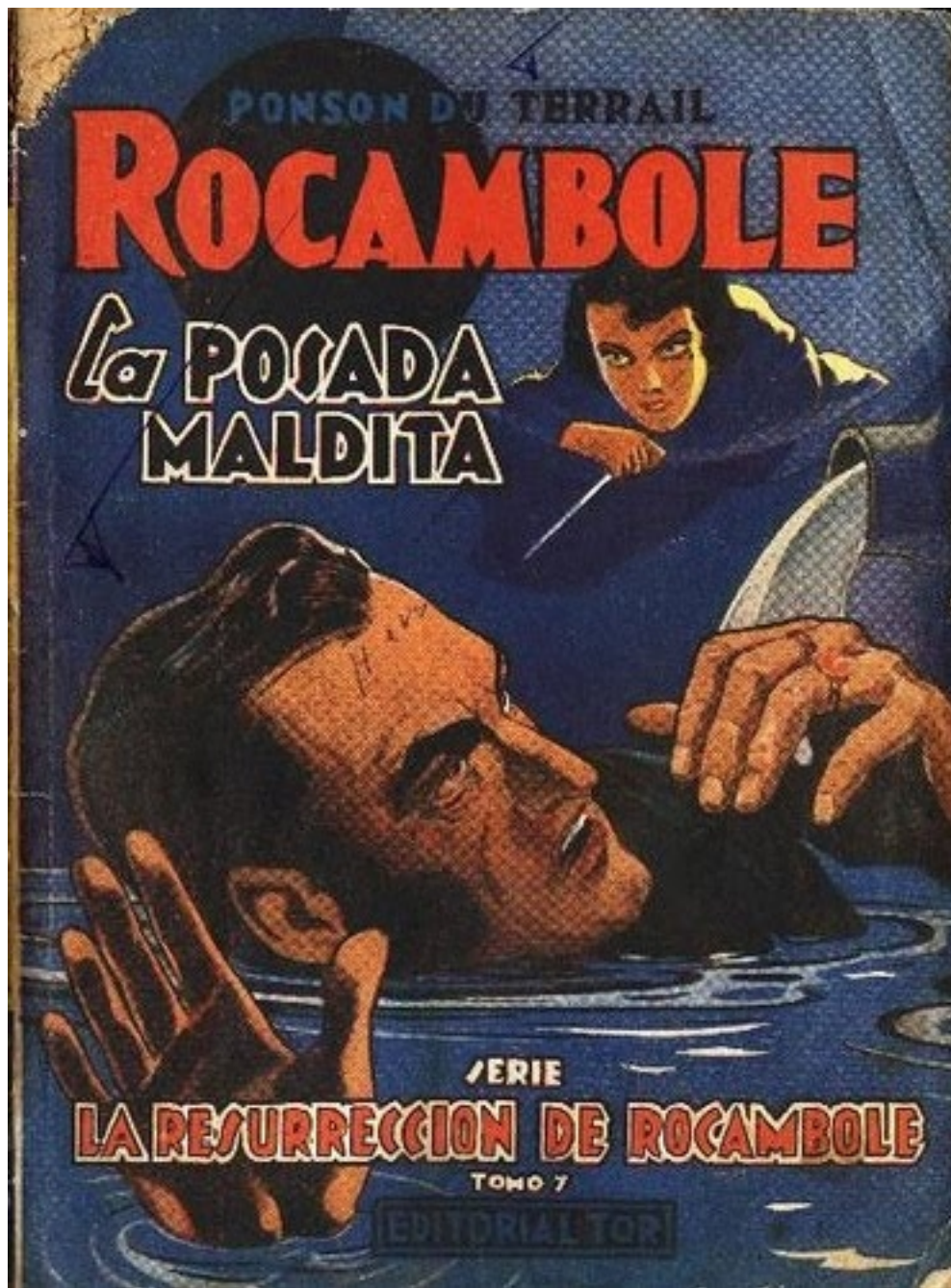
Он вышел медленными и тихими шагами, но в дверях он приостановился и, взглянув на Армана, крикнул вызывающим голосом:

– Кому-нибудь из двоих, добродетельный братец!.. Мы посмотрим, кто одержит верх: филантроп или разбойник, ад или небо... Париж будет ареной нашей битвы.

И он вышел, гордо подняв голову и улыбаясь сатанинской улыбкой, из того дома, который не принадлежал уже более ему и где его отец испустил свой последний вздох.

Книга II. Таинственное наследство

1. Сэр Вильямс

Была мрачная декабрьская ночь. Мелкая, насквозь пронизывающая изморозь покрывала мостовые парижских улиц, чуть освещенных фонарями.

Последний удар полуночи, пробивший на церковных часах, уныло дрожал в воздухе.

Париж как будто опустел в этот поздний час, и в городе царил мертвое молчание, нарушаемое по временам лаем цепных собак или шагами ночного обхода.

По набережной св. Поля медленно шел человек, закутанный в плащ. По временам он останавливался и пристально осматривал окрестности.

Пройдя мост Дамьетт, он вышел на набережную св. Людовика и быстро окинул глазами верхи окрестных кровель.

Позади отеля Ламбер в улице св. Луи, на самом верху шестиэтажного дома, светился, несмотря на эту позднюю пору, маленький огонек. Это было тем более странно, что этот дом отличался самою скромною наружностью и по виду был занят самыми скромными ремесленниками или мещанами, которые, как известно, не имеют привычки засиживаться долго по ночам.

Впрочем, огонек этот горел на окне и, очевидно, служил сигналом, так как господин в плаще, заметив его, проговорил: – Так, Коляр дома и ждет меня.

Затем он сложил пальцы особенным манером и свистнул так, как обыкновенно свищут ночные воры.

Почти вслед за этим огонек в окне погас и через каких –нибудь десять минут невядалеке от отеля Ламбер раздался протяжный свист, и вскоре слышались шаги, и близ незнакомца появилась какая – то человеческая фигура.

– Ты, Коляр? – прошептал незнакомец.

– Здесь, ваше сиятельство.

– Отлично, Коляр, ты верен своему слову.

– Конечно.... Ваше сиятельство, только знаете что: не называйте меня больше по имени. У *рыжей* отличный слух и память, а ваш друг Коляр побывал уже в каторге, где ему и теперь сберегается еще местечко – если, конечно, он вздумает вернуться туда.

– Пожалуй, что ты и прав, но ведь мы одни здесь.

– Нужды нет, а если вам будет угодно перетолковать со мной, то покорнейше прошу вас пожаловать со мной вон под мост, да, кстати, и разговаривать – то будем лучше по – английски. Это премилый язык, и его никто не понимает в Иерусалимской улице.

– Пойдем, пожалуй, – согласился незнакомец, следуя за своим провожатым.

Они вошли под мост и уместились на камне.

– Вот так – то будет гораздо удобнее, – заметил Коляр. – Хотя отчасти и холодно... но ведь мы, вероятно, не будем разговаривать особенно долго?

– Ты прав, – согласился незнакомец.

– Давно ли извоили пожаловать из Лондона?

– Сегодня в восемь часов, и, как видишь, не терял времени по пустякам.

– Это всегдашняя привычка моего бывшего капитана, – заметил почтительно Коляр.

– Ну, а ты что сделал здесь в эти три недели?

– Набрал маленькое общество...

– Недурно...

– Хотя, признаться вам, для нашего ремесла в Лондоне несравненно больше дельных людей. Я набрал лучших. из здешних, но все – таки нам придется поработать несколько месяцев, чтобы выдрессировать этих гусей. Впрочем, вы, ваше сиятельство, увидите сами.

– Когда же?

– Да хоть сейчас.

– Ты приказал им собраться?

– Да. И если вы захотите, то вы их увидите так, что они не будут вас видеть.

– Пойдем, – проговорил вместо ответа «их сиятельство» и; встал с камня.

– Одно только, – возразил было с замешательством Коляр, но незнакомец его тотчас же перебил:

– Что там еще?

– Если мы не сойдемся?

– Сойдемся.

– Гм! Я ведь уже стар, ваше сиятельство, Мне надо подумать о старости.

– Ты прав, но я не стою за ценой. Сколько тебе нужно?

– Пустяки: тысяч двадцать пять в год и еще хоть десятую долю с каждого дельца.

– Согласен.

– А об жалованье людям...

– Э, приятель, я знаю твою ловкость, но чтобы говорить об жалованье людям, когда я их не видал...

– И то правда, – согласился, в свою очередь, Коляр.

– Ну, идем же. Сколько их?

– Десять человек. Довольно ли?

– Покамест – да. Потом увидим.

Коляр и его капитан вышли на набережную и вошли в лабиринт кривых переулков.

– Тут, капитан, – проговорил наконец Коляр, останавливаясь в Змеиной улице, перед старым большим домом с закрытыми ставнями.

Коляр поспешил – вложить ключ в замок двери и, отворив ее, прошел в узкий и темный коридор.

– Вот и наша агентура, – проговорил он и осторожно запер за собою дверь.

Вслед за этим он высек огонь и засветил маленький фонарь.

В конце коридора находилась лестница, у которой вместо перил висела грязная, засаженная веревка.

Коляр и капитан поднялись на второй этаж.

– Отсюда, ваше сиятельство, вы будете иметь полную возможность оценить моих молодчиков.

И, оставив капитана одного впотьмах, Коляр прошел с фонарем в ближайшую комнату, которая прилежала к площадке, и почти вслед за этим капитан увидел перед собой свет, мелькнувший из отверстия в стене.

В это – то отверстие, действительно, было очень удобно видеть все, что делается и говорится в этой комнате.

Капитан начал с того, что осмотрел ее меблировку, напоминавшую собой гостиную мещанина средней руки.

– Вот, – сказал Коляр, возвратясь через несколько минут к своему начальнику. – Это квартира моего помощника, он известен за удалившегося от дел торговца, который живет с своею женою, как голубь с голубкой.

– А! Следовательно, он женат.

– Да, почти...

– Жена его?..

– Госпожа Коклэ – милейшая особа, – проговорил важно Коляр, – она может быть, смотря по надобности и делу, графинею, княгиней, благотворительницей и вообще всем, чем только понадобится. Здесь, в этой улице, она считается образцом набожности.

– Недурно... Где же сам господин Коклэ?

– Вы его тотчас же увидите, – ответил Коляр и три раза стукнул в потолок.

Почти тотчас же вслед за этим наверху послышался небольшой шум, и вскоре на лестнице раздались чьи – то шаги. В комнату вошел человек лет пятидесяти, лысый, худощавый и с приплюснутым лбом.

На нем был надет старый, истасканный халат с зеленовато – желтыми разводами и на ногах туфли с застешками.

На первый взгляд можно было подумать, что перед вами находится честный, смиренный лавочник, – он даже и улыбался как – то торжественно и простодушно.

Но капитан был настолько опытен, что сразу заметил в нем громадную силу, смелый характер и достаточно зверства.

Коклэ не походил ни на капитана, ни на Коляра.

Капитан был сухощавый молодой человек, безбородый, лет двадцати восьми. В Лондоне, где он составил себе таинственную известность, его называли Вильямсом; впрочем, вряд ли это было его настоящее имя.

Коляр был худощавый мужчина лет тридцати пяти, с черною бородою и усами. Он служил когда – то в военной службе и до сих пор сохранил красивую воинственную осанку.

Коклэ раскланялся с капитаном и искоса посмотрел на Коляра. «Это начальник», – ответил лаконически Коляр.

Тогда Коклэ посмотрел еще раз на капитана и тихо шепнул:

– Однако молод еще!

– Ничего, брат, – ответил ему также конфиденциально Коляр, – мы на это не обращаем внимания. Вот увидишь, что это за человек.

– Через несколько минут придут и наши кролики, – продолжал уже громко Коляр, – я распорядился, чтобы они были здесь около часа. Ты примешь их, Коклэ.

– Ну, а вы? – спросил мнимый лавочник.

– Я пойду потолковать с его сиятельством и, кстати, покажу ему наших молодцов и познакомлю, его с их биографией. Так наше дело пойдет гораздо скорее.

– Хорошо! – согласился Коклэ. – Понимаю.

В эту минуту у наружной двери дома раздался слабый, осторожный стук.

– Один уже идет, – заметил вполголоса Коклэ, и, взяв свечку, спустился с лестницы; между тем, Коляр с капитаном погасили фонарик и поместились в комнате, смежной с гостиной Коклэ.

Через две или три минуты после этого лавочник воротился назад, но уже не один, а в сопровождении сухопарого молодого человека, одетого довольно щеголевато, но от которого так и пахло Итальянским бульваром.

– Это артист, капитан, – отрекомендовал Коляр в то время, когда капитан Вильямс приготавлился заглянуть в отверстие. – Я вполне уверен, что из него вышел бы превосходный юрист или дипломат, если бы только он не поссорился с *рыжей*, которая отправила его на морские купанья в Рошфор. Хотя его настоящее имя шевалье д'Орни, он для предосторожности называет себя Бистокке.

Очень неглупый парень, недурно плутует в ландскнехт, а в случае нужды он умеет довольно чисто владеть и ножом. Он настолько сухопар, что, пожалуй, пролезет и в игольное ушко.

– Увидим еще, – заметил довольно презрительно капитан.

Вскоре вслед за Бистокке пришли один за другим рослый рыжий детина – Муракс и маленький человек с зеленоватыми глазками – Николо.

– Это друзья, – продолжал пояснять Коляр, – Муракс и Николо дружны между собою лет, пожалуй уж, двадцать; в Тулоне они десять лет носили одинаковые побрякушки и до того подружились, что по выходе из острога вступили в товарищество. По воскресеньям Муракс скачет через барьеры, одетый Геркулесом, а Николо – шутком или иногда для разнообразия паяцем. Они могут быть полезны для вашего сиятельства.

– Да, эти мне больше нравятся, – ответил лаконически капитан.

Вслед за этими уличными артистами Коклэ был осчастливлен посещением высокой личности с красно – рыжими волосами. На этом госте была надета синяя блуза, а его руки были черны, как у кузнеца.

– Это наш слесарь, – заметил Коляр.

Вильямс кивнул головой.

За слесарем следовал толстенький господин, отчасти плешивый, но очень пристойно одетый, в белом галстуке и синих очках. Он нес под мышкой черный кожаный, портфель.

– Это писец одного нотариуса, – пояснил Коляр, – разные обстоятельства вынудили г. Ниворде оставить своего хозяина и открыть свою конторишку. У него капитальный почерк, с помощью которого он может подделываться под все руки – что делать! Особенная страсть к перу!

– Ну, это увидим, – заметил опять Вильямс.

Остальные четыре посетителя были настолько незамечательны, что о них не стоит даже и говорить.

Скоро смотр окончился.

– Угодно вам выйти к ним, ваше сиятельство? – спросил тогда Коляр.

– Нет, – ответил Вильямс.

– Как! Разве вы недовольны ими?

– И да, и нет, но я желаю вообще оставаться неизвестным для них и иметь дело с этим обществом исключительно через тебя.

– Это как вам угодно.

– Завтра мы увидимся и тогда посмотрим, что можно сделать хорошего из этих молодцов.

Сказав это, Вильямс отошел от своего наблюдательного поста и тихо вышел на лестницу, предварительно шепнув Коляру:

– Завтра в тот же час и на том же месте.

И затем он скрылся на лестнице, а Коляр вошел к своим людям.

Вильямс из Змеиной улицы отправился на набережную, а оттуда вышел на площадь Шатле. В эту минуту из улицы Сент – Дени выехала карета. Кучер ее крикнул «берегись»! и проехал так близко от капитана, что Вильямс, бросив взгляд в карету, не мог не заметить сидящего в ней.

– Арман! – вскрикнул тогда он, но экипаж ехал так быстро, что человек, которого Вильямс назвал Арманом, наверное, не успел даже заметить его и услышать его глухой крик.

Капитан был глубоко поражен этой встречей и с минуту неподвижно смотрел на удалявшийся Экипаж, но потом вздрогнул и медленно, с глубокой ненавистью крикнул:

– А! Вот мы когда встретились – то, любезный братец, ты – бессмысленное воплощение добродетели, и я – олицетворенный дух зла и порока! Ты, конечно, мчишься утешить какое – нибудь горе украденным тобою золотом?! Хорошо же, я воротился и хочу золота и отмщения.

На следующий день Вильямс не заставил себя ждать и исправно пришел на свидание с Коляром, под мостовую арку.

Коляр уже был там и при первом свистке немедленно появился перед своим капитаном.

– Капитан, – проговорил он внушительно, – я, кажется, нашел превосходный след!

Вильямс молча взглянул на него.

– Дело идет о двенадцати миллионах, – добавил уже тихо Коляр и увлек своего начальника под мостовую арку.

* * *

Дня через два после свидания капитана Вильямса с Коляром, служившим еще в Лондоне под его начальством, в улицу св. Екатерины въехала барская карета и остановилась у одного старинного великолепного дома.

Из этой кареты вышел мужчина и вошел в этот дом, где его встретил старик с седыми волосами и бакенбардами.

Он торопливо подошел к приехавшему и сказал ему с живостью:

– Я сильно беспокоился за вас, вы никогда так не запаздывали.

– Бедный мой Бастиан, – ответил ему Арман де Кергац (так как это был именно он), – для того, кто хочет делать добро, время – ходячая монета, которую надобно тратить решительно и без всякого сожаления.

И, сказав эти слова, молодой человек вошел в отель. Войдя в свой кабинет, Арман сел в кресло к письменному столу.

– Вы, конечно, ляжете теперь почивать? – спросил его Бастиан.

– Нет, друг мой, мне необходимо написать еще несколько писем, – ответил ему тихо Арман.

– Вы убьете себя этой работой, – заметил ему отеческим голосом старик.

– Бог милостив! Я служу ему, и он подкрепит меня и сохранит мою бодрость и силу.

В это время в дверь комнаты слегка стукнули.

– Войдите, – сказал Арман, удивляясь подобному несвоевременному визиту.

Дверь отворилась, и на пороге появился уличный комиссионер в сопровождении слуги.

– Граф де Кергац? – проговорил вошедший.

– Я, – ответил ему Арман.

Комиссионер поклонился и подал письмо.

Почерк был незнакомый...

Граф взглянул на подпись и прочел: «Кермор». С этим именем у Армана де Кергаца не было сопряжено никаких воспоминаний.

– Посмотрим, что это, – прошептал он и тихо прочел:

«Граф! Ваше сердце великодушно и полно благородства. Всем известно, что вы посвятили все свое состояние на добрые дела. Теперь к вам обращается человек, терзаемый угрызениями совести и чувствующий приближение смертного часа. Врачи определили мне шестичасовой срок жизни: поспешите ко мне, я хочу возложить на вас святое, благородное дело. Вы один только можете выполнить его».

Арман пристально посмотрел на комиссионера.

– Как зовут вас? – спросил он, несколько подумав.

– Коляр. Я живу в отеле г. Кермора, и швейцар поручил мне отнести к вам это письмо. И при этих словах Коляр соорудил преглупую физиономию.

– Где же живет эта особа?

– Улица Сент – Луи.

– Лошадей, – лаконически приказал Арман.

И спустя двадцать минут после этого, карета графа де Кергаца въезжала уже в ворота мрачного, старинного дома. Окна первого и второго этажей этого дома были герметически закрыты так, что сквозь них не пробивалось почти ни малейшего света.

Старый слуга, отворивший ворота, высадил Армана из кареты и почтительно сказал:

– Не угодно ли будет графу следовать за мной?

– Иду, – ответил ему Арман.

Поднявшись по лестнице и пройдя целый ряд мрачных зал и комнат, слуга, наконец, приподнял портьеру, из – за которой блеснул свет.

Арман находился в спальне.

Посредине ее стояла кровать старинной работы, с позолоченными столбиками и шелковым полинялым балдахин. На ней лежал сухой, худенький старичок с пожелтелым лицом и совершенно лысою головой.

Он приветствовал Армана рукою и указал ему на стул, стоявший у изголовья его кровати.

Слуга осторожно вышел и запер за собою дверь.

Арман с удивлением смотрел на этого старика, ему не верилось, чтобы он был так близок к смерти.

– Милостивый государь, – начал старик, как бы угадывая его мысли, – я действительно не похож на умирающего, а между тем мой доктор – человек, вполне знающий свое дело и искусный, сказал мне, что в моей груди уже скоро должна лопнуть одна большая жила и что к девяти часам я не буду больше жить.

– Медицина иногда ведь тоже ошибается, – попробовал было утешить его Арман.

– О, нет, – ответил старик, – мой врач не может ошибиться. Но дело не в том, – продолжал старик, – я – барон Кермор де Кермаруэ и вместе со мною угаснет моя фамилия, по крайней мере, в глазах света; но во мне живет тайное убеждение, что в этом мире есть еще существо моей крови – мужчина или женщина. Я не оставляю по себе ни родных, ни знакомых, и вообще меня Некому будет оплакивать, так как я уже двадцать лет не выхожу за порог этого дома. Итак, в последние часы моей жизни мне стало грустно при мысли, что никто, кроме этого старика слуги – моего единственного собеседника этих последних пятнадцати лет, – никто не закроет мне глаз и что все мое громадное состояние за неимением наследников перейдет к государству. Мое же состояние громадно – в полном и точном смысле этого слова, и происхождение его столь же странно, как тягостна и ужасна для меня кара, которую господь бог Наслал за грех моей жизни.

Арман слушал его, не проронив ни одного слова.

– Выслушайте меня, – говорил барон де Кермаруэ, – мне на вид уже около семидесяти лет, а на самом деле мне только пятьдесят три года. В 1824 году, когда я был еще простым гусарским поручиком и когда вся моя будущность заключалась только в шпаге, мне пришлось однажды возвращаться из отпуска в свой корпус в сопровождении двух гусарских офицеров.

В тридцати двух километрах от Тулузы, у самой подошвы Пиренеев, нас застигла ночь, недалеко от дрянной гостиницы посреди дикой и уединенной местности; о продолжении пути нечего было и думать, а потому мы и покорились необходимости провести ночь под ее кровлей.

В гостинице было уже много посетителей и, между прочим, две дамы с погонщиком ослов, которые возвращались откуда – то с купаний и были тоже застигнуты ночью.

Одна из них была старуха, а другая прехорошенькая двадцатилетняя девушка.

Мы были молоды, милостивый государь, притом же достаточно пьяны и притом считали себя в завоеванной стране.

Один из нас, бельгиец по происхождению и человек без всяких правил, предложил нам такое дело, которое бы мы, будучи в здравом смысле, наверное, с негодованием отвергли бы, – но мы были пьяны и приняли его со смехом.

Я не буду говорить о том, что происходило затем, но скажу только, что наутро мы были уже далеко от этой гостиницы, оставив в ней мать и ее опозоренную дочь, о которой я знал только, что ее зовут Терезой и имел на память от нее только один медальон, который сорвался у нее с шеи.

Мы достигли Барселоны через несколько дней и как раз накануне большого сражения, в котором были убиты оба мои сотоварища по этому гнусному делу.

Но меня бог спас и сохранил, и во мне возникло тогда странное убеждение, что провидение щадило меня для того, что приготавлило мне более страшное возмездие, чем мгновенная смерть.

По окончании войны я поселился в Мадриде у одного старого еврея, торговавшего кожей. Он был французский выходец 1709 года; однажды ночью меня разбудили. Оказалось, что мой хозяин отчаянно болен и что он находится в ужасном бреду. Я знал, что у него нет никого близких и потому немедленно отправился к нему и стал ухаживать за ним. Через

несколько времени он пришел в себя; поблагодарив меня за мои хлопоты, спросил, как меня зовут.

– Кермор де Кермаруэ, – был мой ответ.

– Кермаруэ! – закричал тогда он каким – то странным голосом.

– Ну да!

– Перо! перо! – стал он умолять, указывая на свой письменный стол.

Я исполнил его желание, хотя решительно не понимал, что он хочет делать.

Старик написал две строчки и подписался.

В них было сказано: «Завещаю г. Кермаруэ все свое состояние».

Через четверть часа после этого его уже не было больше в живых.

В бумагах его мы нашли разъяснение его поступка. Мой дед – барон де Кермаруэ, эмигрируя из Франции, оставил ему на сохранение двести тысяч ливров.

Террор вынудил еврея удалиться из отечества; он приехал в Испанию, занялся торговлей и при помощи денег моего деда нажил громадное состояние. Дед оставил ему двести тысяч ливров, а он возвратил мне двенадцать МИЛЛИОНОВ; Я немедленно уехал из Испании в Париж и, право, готов был бы перевернуть весь мир, чтобы отыскать Терезу и предложить ей свою руку, но здесь, в Париже, меня ожидало достойное возмездие.

Бог покарал меня.

Двадцать лет уже, как я страдаю этим недугом и не выхожу из этой комнаты, а сегодня, когда мне остается всего несколько часов жизни, я решился обратиться к вам. Кто знает, может быть, опозоренная мной девушка еще жива... может быть, даже я отец... Теперь понимаете ли вы меня?

– Да, – прошептал Арман.

– Я узнал, – добавил умирающий, – что вы посвятили себя на добрые дела.

У вас есть свои агенты и своя полиция; вы отыскиваете самые скрытые бедствия. Я надеялся и думал, что вы можете найти ту, которой я завещаю все свое богатство.

– Но, – заметил скромно Арман, – сумею ли я...

– Постарайтесь.

– А если эта особа умерла и если у нее нет ребенка?

– Тогда я вас делаю своим наследником. Но, милостивый государь, я... Богатство мое пригодится на ваши добрые дела. Вот ключ – когда я умру, снимите его с моей шеи и откройте шкатулку: в ней вы найдете два завещания, составленные в разное время, – одно, делающее вас моим наследником, а другое – Терезу или ее ребенка, если вы их найдете; к этому завещанию приложен медальон, бывший на ней в роковую ночь. В этом медальоне волосы и портрет женщины – по всей вероятности, ее матери, вот что я вам могу дать для указаний.

Голос умирающего слабел, час кончины близился. «К шести часам, – прошептал он, – я пригласил священника».

В эту самую минуту раздался звонок: это был священник.

Спустя два часа после этого барон де Кермаруэ скончался.

Полицейский комиссар немедленно все опечатал, а Арман воротился домой, унося с собой два завещания.

При покойнике остался только один комиссионер, принесший графу де Кергацу письмо от барона де Кермаруэ.

Оставшись один, Коляр улыбнулся.

– Ах ты, старикашка, – пробормотал он, – ты, брат, умер спокойно. Я пришел к тебе нищим и вымолил у тебя позволение пожить для того, чтобы узнать, что можно извлечь из богатого человека, умирающего без наследников.

– Да... мы посмотрим теперь, – продолжал он, – кто из нас скорее найдет Терезу – ваш ли добродетельный граф де Кергац или наш капитан Вильямс. Нам достанутся, старикашка, твои миллионы...

И при этом Коляр расхохотался самым наглым образом.

2. Вишня и Баккара

Через две недели после свидания капитана Вильямса с Коляром в один солнечный январский день в пятом этаже одного из домов улицы Темпл, у окна, выходящего во двор, прилежно работала молодая девушка. Она была высока, стройна и бела, как лилия, между тем как волосы ее были цвета воронова крыла.

Ее прозвали в магазине, где она училась делать цветы, Вишней.

Вишня открыла окно и, продолжая работать, беззаботно распевала один из модных романсов Альфреда Мюссе.

При последнем куплете хорошенькие ручки молодой девушки dokonчили стебелек пиона.

– Ну, – заметила она при этом, – через десять минут моя работа будет кончена, и тогда я отнесу ее, а на обратном пути постараюсь побывать и в мастерской господина Гро.

И при этом Вишня улыбнулась.

– Да, наконец – то пришло воскресенье, – мечтала она, – если завтра будет такая же погода, как и сегодня, то я буду одна из самых – счастливейших женщин! Мой жених повезет меня обедать со своею матерью в Бельвиль.

– Бедный Леон, – проговорила девушка, принимаясь снова за работу, – как ему не хочется ехать домой за бумагой для продажи своей маленькой земельки. Ах! Если бы г. Гро не обещал назначить его через месяц в подмастерья, то он уже давно бы уехал.

И при этих словах Вишня полупечально улыбнулась и взглянула на клетку, в которой порхала маленькая синичка.

– У тебя, милочка, будет скоро прехорошенький хозяин, – сказала она при этом и встала со своего места, – мы будем тогда уже вдвоем насыпать тебе корм. Но это будет только через два месяца... А как это долго, когда кого –нибудь любят!..

И Вишня опять вздохнула.

В это время на лестнице раздались чьи – то шаги, и чей – то голос, не менее свежий, но гораздо звучнее, чем у Вишни, запел одну из арий Надо.

– Суббота, – подумала Вишня и подвинулась к двери. – Опять Баккара, зачем это моя важная сестрица повадилась так часто жаловать ко мне?

Дверь Вишниной комнаты отворилась, и вошла женщина.

Это была родная сестра Вишни, она была так же хороша, как и ее сестра, но отличалась от нее только тем, что была блондинка, ее звали Баккара.

За шесть лет перед этим она бежала от своего отца, резчика на меди, и против его воли сошлась с бароном д'О., который нарочно для нее построил дом; целых пять лет она не виделась со своей сестрой, так как отец проклинал ее.

Когда он умирал, она возвратилась к его смертному одру, и он простил ее.

Похоронив отца, Баккара перевезла к себе свою мать и снова зажила своей прежней жизнью.

Вишня же любила честного ремесленника Леона Роллана, по ремеслу столяра – краснодеревщика, и должна была в самом непродолжительном времени сделаться его женою.

Сестры постоянно виделись между собою, но Вишня никогда не была в доме своей сестры.

Сестры поцеловались.

– Здравствуй, Вишенка.

– Здравствуй, Луиза, – ответила молодая девушка, имевшая особенное отвращение к насмешливому прозвищу Баккара, которое дали ее сестре несколько кутил на одном пикнике, где она имела счастье выиграть груды золота в эту игру.

– Неужели это ты все сегодня сработала? – спросила Баккара, садясь около сестры и рассматривая ее работу.

– Да, сегодня, – улыбнулась Вишня, – мне нужно поскорей окончить эту работу. Я хочу сегодня кончить свое платье.

– Вот как, ты, кажется, собираешься нарядиться завтра?

– Конечно, ведь завтра воскресенье.

– Как! Только поэтому? Вишня сконфузилась.

– Леон повезет меня со своей матерью в Бельвиль.

– Следовательно, ты все еще любишь своего Леона?

– Разве ты могла сомневаться в этом? – ответила Вишня.

– Он такой честный и красивый.

– Положим, что и так, – возразила Баккара, – но ведь, выйдя за ремесленника, ты будешь всегда остро нуждаться.

– Что же такого? Леон скоро будет сделан мастером – тогда он будет получать уже целых десять франков в день, а – на эти деньги мы устроимся.

Баккара презрительно улыбнулась.

– Ты хорошо знаешь, – сказала она, – что я могу тебе всегда дать четыре и даже хоть десять тысяч франков.

– Ни за что, – возразила ей Вишня, – честная девушка может брать деньги от отца или мужа.

– Но ведь я тебе родная сестра!

– Я бы и взяла, если бы у тебя был муж.

Баккара нахмурилась и прикусила себе губы.

– Ты можешь возратить мне их, – добавила она как бы вскользь, – когда выйдешь замуж, ведь у Леона есть деньги.

– Нет, благодарю, – ответила Вишня, – я вообще не люблю занимать деньги.

Молодая девушка, разговаривая с сестрой, снова принялась за работу, между тем как Баккара подошла к окну и бросила мимолетный взгляд на одно окно соседнего дома.

Это окно было заперто и даже закрыто жалюзи.

– Его опять нет дома, – проговорила чуть слышно Баккара и обернулась назад.

Вишня работала, но между прочим потихоньку наблюдала за своей сестрой.

– Скажи мне, милая Луиза, наконец, – спросила она самым простодушным тоном, – к чему следует приписать то, что ты сделалась так любезна ко мне и стала бывать у меня чуть не каждый день?

Баккара вздрогнула.

– Или у тебя дело в нашем квартале? – продолжала Вишня.

– Нет, – ответила старшая сестра, – я бываю у тебя потому, что люблю тебя и имею чересчур много свободного времени.

Вишня улыбнулась:

– Да ведь у тебя всегда было много свободного времени. Однако ты...

– Изволь, душа моя, я тебе выскажусь в таком случае прямо, – перебила ее Баккара. – Я влюблена. Я, которая известна всему Парижу под именем бессердечной, я, про которую говорят, что она смеется над мужчинами, как француз над китайцем.

Вишня невольно приподняла голову и посмотрела на свою сестру.

– Да, – продолжала Баккара, – с месяц тому, когда я была у тебя и увидела там, в окне, молодого человека, который взволновал так мое сердце, что оно, никогда не любившее, сильно забилося... Там, – добавила она, – вон в этом окне.

– Вижу и знаю даже того, о ком ты говоришь, – заметила, улыбаясь, Вишня, – это Фернан Роше.

– Ты знаешь его? – радостно переспросила Баккара.

– Да.

– О, ты не знаешь, как я люблю его, – продолжала Баккара, – я люблю его так, как ты никогда не любила и не будешь любить своего Леона.

– Вот как! – проговорила недоверчиво Вишня.

– Я видела его всего три раза, но так влюбилась в него, что готова решиться на всякую глупость. Да кто же он? Говори мне скорей. Как ты с ним познакомилась?

– Очень просто, – ответила Вишня, не узнавая сестры. – Он, кажется, очень небогатый человек и служит в какой – то конторе. Когда он переезжал сюда, то ему пришлось купить письменный стол и кровать у хозяина моего Леона. А так как он получает всего двести франков в месяц, то ему было очень стеснительно отдать сразу всю сумму, которую он должен был за эту мебель. Леон, по своей доброте, устроил, что его хозяин, рассрочил ему этот долг. С тех пор мы и знакомы. Он всегда кланяется мне. Да вот и он сам!

В соседнем доме в это время растворилось окно, и в нем показался молодой человек.

Баккара мгновенно побледнела.

Вишня подошла к окну и начала что – то напевать.

Молодой человек обернулся к ней и вежливо поклонился, хотя, казалось, очень удивился, что сзади молодой девушки стояла другая, поразительно схожая с ней.

– Это моя сестра, – сказала ему Вишня.

Фернан поклонился.

– Пригласи его, – шепнула Баккара умоляющим голосом.

Вишне стало жаль сестру, и она, не подумав, предложила Фернану зайти к ней.

– Благодарю вас, – ответил молодой человек, – но мне некогда, я еду сейчас обедать в гости, и мне нужно еще успеть переодеться.

– Он уходит, – прошептала Баккара, – я хочу знать, где он будет, и узнаю это. Может быть, к какой – нибудь женщине... О, я буду ужасно ревнива.

Вишня с удивлением слушала сестру.

– Но ведь г. Фернан не муж и не любовник тебе? – заметила она.

– Он будет им.

– Твоим мужем?

Баккара пожала плечами и замолчала.

– Впрочем, – проговорила Вишня, – кажется, Леон говорил, что Фернан хочет жениться.

Баккара вздрогнула.

– Он? Жениться?

– Да, кажется, – ответила простодушно Вишня.

– Я не хочу этого!

– По какому же праву?

– Да разве в любви есть права! – воскликнула Баккара и, бросив взгляд в зеркало, казалось, в один миг вообразила всю силу и величие своей красоты.

– Однако мне пора, – заметила Вишня, вставая.

Сестры простились и расстались.

Вишня пошла в улицу Темплъ, а Баккара села в дорогой купе, запряженный серой лошастью, и приказала кучеру следовать за вышедшим из дому Фернаном.

Купе поехал, а Баккара осторожно опустила плотные шторы.

3. Фернан

Фернану было не больше двадцати шести лет, он был бледный молодой человек, с лицом скорее выразительным, чем красивым.

Фернан был сирота, воспитанный своим дядей, который после себя не оставил ему никакого наследства.

Он служил в Министерстве иностранных дел и получал по двести франков в месяц.

В свободное время он писал водевили и зарабатывал этой работой еще небольшие суммы.

Фернан был влюблен в дочь своего начальника Эрмину де Бопрео, у которой, как говорили, было около восьмидесяти тысяч приданого.

И Фернан знал, что ему придется долго бороться со всеми препятствиями, чтобы достигнуть своего заветного желания – руки Эрмины.

Итак, молодой человек был приглашен к г. Бопрео на обед, а потому и обратил особенное внимание на свой туалет.

Господин Бопрео, приглашая молодого человека к себе, и не подозревал никогда о взаимной любви его и своей дочери. Фернан был умен и трудился над большим сочинением о международном праве, и на это – то сочинение сильно рассчитывал де Бопрео, предполагая издать его под своим именем и надеясь, таким образом, добиться крестика Почетного Легиона и места директора департамента.

– Приходите в три часа, – сказал ему Бопрео, – мы до пяти часов поработаем.

Фернан прошел бульвар, поворотил в улицу Темпл и направился к дому, где жил его начальник.

Баккара видела, как он вошел в этот дом, и не теряя времени, вошла в ворота его и прошла прямо к привратнику.

Здесь жила какая – то болтливая старуха, которой Баккара немедленно сунула в руку луидор.

– Кто этот господин? – спросила она.

– Чиновник Министерства иностранных дел, – ответила старуха, пряча деньги поглубже. – Он идет к начальнику.

– А как зовут этого начальника?

– Г. Бопрео.

– Женатый?

– Да.

– Жена его молода?

– Нет, лет сорока.

– А... у них есть дочь?

– И прехорошенькая, – ответила старуха, – и, я думаю, молодой человек, собственно, и ходит из – за нее.

– Вы думаете? – спросила Баккара изменившимся голосом.

– Когда он уходит отсюда? – добавила она.

– Часов в десять вечера.

– Хорошо, – пробормотала Баккара и бросила еще один луидор.

* * *

А в это время Фернан входил к своему начальнику.

Г. де Бопрео был незначительный дворянин из графства Венсен, он приехал в Париж без всего, но благодаря своей гибкости, добился через двадцать лет своего теперешнего места начальника отделения, которое и занимал уже около десяти лет.

Лет за восемнадцать перед этим он познакомился с молодой девушкой – сиротой, у которой не было никогда родных, кроме старой тетки. Эта девушка, по имени Тереза д'Альтерив, была жертвой гнусной засады, вследствие чего у нее родился ребенок – дочь Эрмина.

Г. Бопрео увидел Терезу. Справился о ее приданом и сделал предложение. Тереза не скрыла от него ничего, а Бопрео сказал на это:

– Я признаю вашего ребенка своим.

Тереза не раздумывала и согласилась. В свете Эрмину считали законной дочерью г. Бопрео. От этого брака с Терезой у него было два сына, из которых один уже умер, а другой, пятнадцати лет, жил дома. Единственная служанка господина начальника была послана за провизией, а потому, когда Фернан позвонил у двери г. Бопрео, ему отворила сама Эрмина. Увидев молодого человека, девушка вся вспыхнула, а Фернаном овладело то сильное и наивное смущение, какое овладевает влюбленным в присутствии любимой женщины.

Тереза Бопрео сидела в гостиной и рукодельничала; увидев молодого человека, она ласково подала ему руку.

– Фернан, – предложила Эрмина, обращаясь к молодому человеку, – хотите аккомпанировать мне на фортепиано?

Эрмина при этих словах разложила ноты.

– Я принес вам хорошую весточку, – проговорил молодой человек, – моя драма принята и пойдет зимой, а тогда я буду иметь возможность сделать...

– Я уже говорила с мама, – шепнула Эрмина.

– И..?

– Она говорит, что если вы меня любите, то можно попробовать поговорить с папа.

В эту минуту подошла к влюбленным молодым людям Тереза и, обняв свою дочь, тихо спросила:

– А вы ее любите?

Фернан молча стал на колени.

– После обеда, – сказала она тогда, – господа, уйдите в кабинет, а я поговорю с мужем.

Но почти в ту же минуту в комнату вошел Бопрео.

Походка его была неровна, а лицо багрового цвета. Очевидно, с ним приключилось что –нибудь особенное, и его однообразная жизнь, вероятно, выдержала какое – то таинственное потрясение.

4. Гиньон

Получив деньги за свою работу, Вишня встретила с Леоном, узнала от него, что его уже сделали, совершенно неожиданно, мастером и что поэтому их свадьба может быть через две недели.

Простившись с ним, как прощаются все влюбленные, она отправилась к матери своего жениха в Бурбонскую улицу, но на дороге встретила с Гиньоном – худеньким сухопарым живописцем – маляром, другом Леоны.

Гиньон остановил молодую девушку и предупредил ее, чтобы она отсоветовала своему жениху продолжать знакомство со слесарем Росиньоном, с которым он познакомился только два дня и который, как кажется, большой мошенник.

– Словом, вы хорошо бы сделали, – добавил Гиньон, – если бы уговорили Леоны. У меня явилась преглупая мысль...

Простившись с ним, девушка пошла по направлению к Бурбонской улице, и в это – то время ей повстречался пожилой господин, маленький, толстенький, с багровым лицом и в синих очках.

На нем был надет синий сюртук с золотыми пуговицами и ленточкой Почетного Легиона в петлице.

Господин этот был не кто иной, как Гастон Исидор де Бопрео, начальник отделения Министерства иностранных дел. Сначала он приостановился и посмотрел на нее, а потом, заметив, что она не обращает на него внимания, поворотил назад и последовал за ней.

Итак, когда Вишня рассталась с Гиньоном, она встретила с г. Бопрео, который, повинаясь неопределенному влечению своего сердца, последовал за ней.

Хотя подобное приключение не было новостью для начальника отделения, так как он сотню раз ходил за гризетками и заговаривал с ними с дерзостью, отличающую пожилых мужчин, но на этот раз остановили ли его скромные, приличные манеры этой молодой девушки, но им овладела какая – то робость, необыкновенная в мужчине его сорта, и он удовольствовался только тем, что шел вслед за нею, пожирая ее своими глазами.

Вишня скоро заметила его преследование и прибавила шагу.

Начальник отделения сделал то же самое.

Девушка вошла в дом к матери своего жениха и просидела у нее более часа.

По выходе от нее она увидела г. Бопрео, стоявшего на тротуаре; тогда молодой девушкой овладел страх, и она, чтобы избавиться от него, пустилась чуть не бегом.

Но начальник отделения догнал ее и сделал попытку заговорить с ней.

– Милостивая государыня! – начал было старый ловелас, но Вишня сейчас же остановила его.

– Я не разговариваю с мужчинами, – сказала она, – которые преследуют меня на улице. Идите своей дорогой!

Но г. Бопрео не унимался и продолжал следить за молодой девушкой, хотя уже издалека.

Дойдя до своего дома, Вишня проворно вошла в свою комнату, а г. Бопрео, прождав на улице около часа, решил обратиться к дворнику, не позабыв при этом предварительно сунуть ему в руку сто су.

– Вы напрасно теряете время, сударь, – ответил ему дворник, пряча монету в карман, – эта девушка честная.

– Я очень богат, – возразил Бопрео.

– Будь вы хоть богаче короля, то и тогда вы ничего не добьетесь. Другое дело, если бы это была ее сестра.

– Какая сестра?

– Гулящая, – ответил простодушно дворник.

– Как ее зовут?

– Баккара.

В голове г. Бопрео промелькнула адская мысль.

– Где она живет? – спросил он торопливо.

– В Монсейской улице.

– Так, – проворчал Бопрео и ушел, погруженный в задумчивость.

Он испытывал первую боль неизлечимого недуга, известного под именем старческой любви.

Вот была причина того, что г. Бопрео вернулся домой в страшно раздражительном виде.

Впрочем, он скоро победил себя, так как, вероятно, нашел какое – нибудь средство добраться до Вишни.

После обеда Фернан ушел работать в его кабинет, а Эрмина, по знаку своей матери, удалилась в свою комнату.

Тереза Бопрео осталась одна с своим мужем.

– Мне нужно с вами поговорить, – начала она, обращаясь к нему.

– Что? – спросил начальник отделения, погруженный в свои любовные мечты.

– Дело идет о моей дочери, – продолжала госпожа де Бопрео, – она теперь в таком возрасте, когда ей пора уже выйти замуж.

– Положим, – прервал ее муж, – но для того, чтобы выйти замуж, нужно сначала отыскать мужа?

– Может быть, она уже нашла!

– Богат он? – спросил торопливо г. Бопрео.

– Это прекрасный молодой человек, и Эрмина может быть вполне счастлива с ним.

– Так. Богат он?

– Нет, но у него очень хорошая будущность.

– Мало...

– Но Эрмина любит его.

– Его имя?

– Фернан Роше.

Бопрео подпрыгнул на своем стуле.

– Этого никогда не будет! – вскрикнул он, вставая со своего места. – Это чистая глупость!

Тереза невольно заплакала.

– А, вы плачете! – заговорил он насмешливо. – Плачете потому, что я не хочу отдать вашу дочь за человека, у которого нет ничего!

– Но ведь вы же сами находили, что он честный и трудолюбивый молодой человек! Зачем...

– Зачем, зачем! – перебил ее Бопрео. – Да потому, что у него нет ничего.

– Но ведь и у вас не было ничего, – заметила холодно Тереза.

– Зато у вас был ребенок, – закричал он, выходя из себя. – Хотите, чтобы я согласился на этот брак? Это зависит вполне от вас.

– Что же нужно сделать?

– Отдайте все ваши деньги нашему сыну Эммануэлю, и тогда...

– Никогда! – вскричала Тереза. – Я не позволю себе обобрать одно дитя в пользу другого!

– Как хотите, – заметил холодно Бопрео. – Следовательно, нам нечего больше и толковать об этом. Женившись на вас, я признал Эрмину своею законною дочерью, следовательно, до ее совершеннолетия она не имеет права выходить замуж без согласия своего отца. Я не даю этого согласия.

– Мы подождем, хотя бы мне пришлось признаться во всем перед своей дочерью, хотя бы мне пришлось краснеть перед ней.

Но в эту минуту дверь залы отворилась, и на пороге ее появилась Эрмина, бледная и серьезная.

– Мама, – сказала она, – вы благородная и святая женщина, и вам никогда не придется краснеть перед своей дочерью.

И при этих словах она подошла к своей матери и опустилась перед ней на колени.

– Милая мама, – прошептала молодая девушка, – простите меня. Я все слышала. Я знаю, что вы лучшая из всех матерей и благороднейшая из всех женщин, дочь ваша гордится вами.

После этих слов она встала и посмотрела на Бопрео.

– Милостивый государь, – начала Эрмина, – мама не хотела лишать меня денег, но сама я вправе отказаться от своего наследства; я согласна на ваши условия.

И, холодно поклонившись, девушка подбежала к двери кабинета и позвала Фернана. Роше показался на пороге. Эрмина взяла его за руку и подвела к г. Бопрео.

– Не правда ли, – сказала она, – ты возьмешь меня и без приданого?

– Мне ничего не нужно, кроме вас, – ответил в восторге молодой человек.

– Ну, так я буду вашей женой. Садитесь и пишите расписку в получении моего приданого. Только на этом условии г. Бопрео и соглашается отдать вам мою руку.

И при этом молодая девушка бросила взгляд невыразимого презрения на начальника отделения, ошеломленного подобной самоотверженностью.

На другой день после этого, в воскресенье, уже известный нам Коляр шел около восьми часов утра по Шоссе д'Антенской улице. Оттуда он повернул по улице Виктуар и пошел к небольшому павильону, расположенному в конце сада одного старинного дома.

В этом павильоне с месяц назад поселился капитан Вильямс.

В Лондоне капитан предводительствовал шайкой мошенников и носил титул баронета, узаконенный за ним вследствие покупки им одной недвижимой собственности.

Теперь у капитана были черные волосы и усы, а в Лондоне он был рыжим.

Когда Коляр вошел к нему, то он сидел в халате у камина и причесывался.

– Я только месяц в Париже, – думал он, – а мои дела идут очень недурно, и если нечистая сила будет продолжать помогать мне, то я непременно овладею деньгами барона Кермора де Кермаруэ.

Монолог его был прерван двумя ударами в дверь. Вошел Коляр.

– А, это ты!

– Я исправен?

– Совершенно. Садись.

Вильямс закурил папиросу и пристально посмотрел на своего подчиненного.

Коляр начал свой рапорт:

– Жена де Бопрео есть именно нужная нам Тереза. Дочь ее Эрмина – дитя барона Кермора де Кермаруэ. У дочери есть обожатель. Они уже помолвлены. Свадьба назначена через две недели.

– Жених Эрмины, – продолжал Коляр, – ничтожный чиновник Министерства иностранных дел. Его зовут Фернан Роше, и он положительный бедняк, нанимающий небольшую комнатку в улице Темплъ.

Вильямс записал все это в свою записную книжку.

– Дальше? – заметил он холодно.

– Мне понравилась одна молоденькая девушка, по прозвищу Вишня, – продолжал свой доклад Коляр.

Капитан нахмурился.

– Я подружился с ее женихом, а он, в свою очередь, дружен с женихом Эрмины де Бопрео. От Леона Роллана я узнал, что Бопрео только тогда согласился на брак своей дочери, когда она отказалась от своего приданого. У Вишни есть сестра – распутная особа, по имени Баккара, которая влюблена по уши в Фернана Роше.

– Так, хороша она?

– Прелестна.

– Ловка?

– Замечательно, и женщина с железным характером.

– Хорошо, – заметил Вильямс, – она освободит меня от Фернана. Продолжай!

– Бопрео влюблен в Вишню. Вчера днем он следил за ней на улице Темплъ, а вечером бродил там, где она живет.

– Где квартира Баккара? – прервал его капитан.
– Мосейская улица, маленький дом на правой руке.
– Прекрасно. Теперь найди для меня небольшой дом в Елисейских полях, с сараем для двух карет и конюшней на пять лошадей.

– Будет исполнено, – ответил Коляр и вышел.

Сэр Вильямс приказал своему человеку заложить лошадь в тильбюри и стал одеваться.

Через полчаса после этого он был уже у подъезда отеля, где жила Баккара.

Она была еще в постели, когда приехал Андреа.

– Меня нет дома, – сказала она своей горничной, когда та доложила ей о приезде богатого англичанина.

Камеристка вышла, но вскоре снова вернулась с карточкой в руке.

– Сударыня, этот молодой человек, – сказала она, – имеет до вас какое – то серьезное дело.

Баккара с досадой взяла карточку и небрежно взглянула на нее.

«Сэр Вильямс Л., баронет», – прочла она и сердито обернулась к стене.

– Я не знаю его, – проговорила она, принимаясь снова за свои любовные мечтания.

– Милорд желает сказать вам только несколько слов, – настаивала горничная.

– Убирайся! Я не знаю его.

– Он поручил мне сказать вам только одно имя.

– И знать его не хочу.

Тон Баккары был повелителен и сердит.

– Барыне совершенно ничего не стоит выслушать это имя, – продолжала камеристка, которой, вероятно, было щедро заплачено.

– Фанни, – сказала сухо Баккара, – с этой минуты ты у меня больше не служишь.

– Милорд поручил мне сказать, – добавила с необыкновенным хладнокровием горничная, – что он приехал к барыне поговорить о г. Фернане Роше.

При этом имени Баккара спрыгнула со своей постели.

– Фернан! Фернан! – вскрикнула она. – В таком случае проси его. Беги, скажи ему, чтобы он подождал.

Голос Баккары прерывался от волнения.

Войдя к Баккара, сэр Вильямс начал с того, что выпытал у нее признание в том, что она влюблена в Фернана Роше, и, сообщив ей, что тот женится на Эрмине де Бопрео, предложил свои услуги, чтобы расстроить этот брак, и в несколько минут так овладел влюбленной Баккара, что та решилась, по его настоянию, принять к себе г. де Бопрео, приехавшего к ней, чтобы упросить ее продать ему ее сестру Вишню.

– Мое положение и богатство, – говорил начальник отделения, – позволяет мне сделать многое для женщины.

– Ну, любезнейший, – перебила его Баккара, выходя из своей аристократической роли, – вы, вероятно, не сорите миллионами, как ваш начальник Вилдье, который из – за меня разорился, или Леопольд Марлот, закуливший мне папироску своим последним тысячефранковым билетом.

– Вас обманули в справках обо мне.

На губах куртизанки появилась презрительная улыбка.

– У вас есть сестра, – продолжал смущенный Бопрео.

– Да, но вы напрасно теряете время, она вполне честная девушка, – проговорила Баккара и, взглянув на портьеру, за которой спрятался сэр Вильямс, увидела за ней бледное лицо баронета, который как будто говорил:

– Вы забываете мои приказания и слова и, вероятно, желаете женить Фернана?

– Я подумаю, сударь, – ответила она и сделала движение, что желает раскланяться с Бопрео.

– Ах! Будьте сострадательны, – начал начальник отделения.

Но Баккара встала и перебила его.

– Приходите завтра, – проговорила она отрывисто. Бопрео взялся за шляпу и тоже встал.

– Завтра? – спросил он.

– Да, – прошептала Баккара, опустив голову и выпроваживая старика.

После его ухода она осталась с глазу на глаз с сэром Вильямсом.

– О, какая мерзость! – прошептала она, – продать свою сестру? Никогда, никогда! Говорят, что у Баккара нет сердца, это правда, но своих кровных она любит. Никогда, никогда! – повторила она еще раз с особенной твердостью.

– Моя милая, – сказал холодно сэр Вильямс, – один Бопрео может только расстроить свадьбу своей дочери с Фернандом Роше, и вы напрасно обошлись с ним так сурово.

Этих слов было довольно, чтобы заставить молодую женщину ради своей любви решиться продать свою сестру.

В воскресенье, как мы уже знаем, Вишня собиралась ехать с Леоном за город.

Окончив свое платье, она оделась и, купив себе молока и булку, села за завтрак.

В это время к ней постучались.

– Войдите, – сказала она.

В комнату вошла бледная высокая девушка в черном платье.

– Ах, это вы, барышня! – проговорила почтительно Вишня, – как вы добры, что навести меня. – И при этом она с любовью пожала худенькие ручки молодой девушки.

– Я давно не виделась с вами, и мне также захотелось принести вам свой новый адрес. Я живу теперь на улице Мелэ, № 11.

* * *

История той, которую Вишня принимала теперь с таким почтением и удовольствием, была очень проста и вместе с тем глубоко трогательна.

Ее звали Жанной Бальдер, она была дочерью полковника, убитого при осаде Константины. Оставшись после смерти своего отца без всяких средств, Жанна поселилась вместе со своей матерью и старой кухаркой в том же доме, где жили родители Вишни.

Это было в то время, когда Баккара бежала от своего семейства.

Жанне было тогда восемнадцать лет. Она была хороша той смелой, горделивой красотой, которая составляет исключительное достояние и отличие чистокровных аристократов.

Госпожа Бальдер скоро умерла, и Жанна осталась одинокой в мире, но чистой, как цветок, растущий на краю пропасти.

– Так вы переехали? – повторила свой вопрос Вишня.

– Да, мы с Гертрудой (так звали ее кухарку) нашли, что для нас теперь слишком дорого платить шестьсот франков. А я пришла к вам теперь, моя милая Вишенка, попросить об одном деле, – продолжала с благородною откровенностью Жанна.

– Я всегда к вашим услугам, барышня, располагайте мною.

Жанна слегка покраснела.

– Гертруда очень стара и почти не видит, – начала она тихим голосом, – она, бедная, выбивается из сил для улучшения моего существования. Так мне бы хотелось помочь ей, но для этого нужно денег.

– Возьмите у меня! – вскричала Вишня. – У меня есть в сохранной кассе двести франков.

– Нет, благодарю тебя, моя милая подруга, – ответила Жанна, – я не об этом хотела говорить. Мне нужна работа. Рекомендуй, пожалуйста, меня в какой – нибудь магазин, где бы я могла брать работу.

– Как! Барышня, вы хотите портить ваши прелестные ручки? Разве они созданы для работы?

– Труд так благороден, что его никогда не нужна стыдиться, – ответила Жанна, вздохнув.

– Я сделаю вот как, – предложила тогда Вишня, – в одном магазине вышиванья я очень дружна со старшей мастерицей. Я буду брать у нее работу для вас, вы отдавайте мне ее каждую неделю, а я буду относить ее вместе со своей работой, тем более это будет удобно потому, что наши магазины рядом. Согласны вы на это, барышня?

Жанна поцеловала Вишню и от всего сердца поблагодарила ее за это доброе предложение.

– У меня есть тоже до вас просьба, – добавила нерешительно молоденькая цветочница. – Вы не откажетесь пообедать вместе с нами? Вы не будете стыдиться нас?

– Стыдиться! – воскликнула тоном упрека Жанна. – О, конечно, нет!

– Ну, сегодня, например?

– Извольте, моя милочка, – согласилась Жанна и, поцеловав Вишню, отправилась домой.

После ее ухода Вишня проворно собралась и отправилась в Бурбонскую улицу к матери своего жениха.

Леон тоже не заставил себя долго ждать и явился аккуратно в пять часов.

– Я пригласил с собой одного приятеля, славный малый, зовут его Коляр, – прибавил он, когда Вишня сообщила ему, что Жанна согласилась также сопровождать их.

В эту минуту постучались в дверь, и вошел сам Котляр.

Помощник капитана Вильямса был одет с некоторой щеголеватостью самого дурного тона и с первого же взгляда не понравился молодой цветочнице.

Он раскланялся чересчур непринужденно, и это – то окончательно раздосадовало девушку.

– Любезный друг, – сказал Коляр, обращаясь к Леону, – я не могу обедать с вами. Сегодня я был осчастливлен приездом ко мне моего старикашки – отца, а потому я и пришел извиниться перед вами.

Вишня улыбнулась при этих словах. Коляр раскланялся еще раз и вышел. Пройдя несколько шагов, он сел в ожидавший его фиакр, в котором уже сидели два человека в блузах. Поместившись в фиакр, он крикнул кучеру:

– К Бельвильской заставе! – и, не торопясь, стал менять свой костюм, снимая с себя сюртук и надевая вместо него синюю блузу и фуражку.

В это же самое время Леон с матерью, Вишней и Жанной ехали в другом фиакре в Бельвиль, к ресторану под названием «Бургонские виноградники».

Приехав в ресторан «Бургонские виноградники», Леон Роллан поместился вместе со своими дамами в общей зале второго этажа, куда скоро вошли Николо и слесарь, а почти вслед за ними вошел туда и Арман де Кергац, который еще дорогой слышал о том, что эти бандиты сговаривались напасть и убить Леона Роллана.

Арман де Кергац был одет в простонародную блузу, что и было причиной того, что все общество, находившееся в зале, приняло его за ремесленника.

Леон только что хотел сесть за стол, как к нему подошел слесарь.

– А, это ты, дружище, – начал он вызывающим голосом.

Леон посмотрел на него с удивлением.

– Вы верно, ошиблись? – заметил он.

– Ну нет. ведь тебя зовут Леон Роллан?

– Да.

– Ты столяр, у которого есть душечка с двумя детьми...

Но он не договорил, так как на него кинулся Арман и так сдавил его, что несчастный слесарь мгновенно понял, что у него сильнейший противник.

Николо не осмелился явиться на помощь к своему товарищу, так как он видел перед собой дуло револьвера, который Арман вынул из своего кармана.

Все это произошло так быстро, что Леон и его спутницы долго не могли прийти в себя.

Слесарь и Николо бежали, а Арман по просьбе Леона, который не переставал считать его простым ремесленником, остался с ними обедать.

Его в особенности занимала Жанна.

Убежав из ресторана, бандиты явились к Коляру и сообщили ему о своей неудаче.

Коляр сел к окну и стал наблюдать за всеми выходящими из «Бургонских виноградников», желая узнать, кто был тот человек, который помешал их плану.

Они ждали целый час, окидывая испытующим взглядом каждого прохожего, как вдруг слесарь глухо вскрикнул: «Вот он!»

И Коляр увидел Армана де Кергаца, которого он сейчас же узнал, несмотря на его одежду.

Арман шел под руку с Жанной, а за ним следовали Вишня и Леон с матерью.

– Силы небесные! – заорал Коляр, бросившись на

улицу. – Хороши мы! Это ведь Арман!

Выскочив на улицу, Коляр нанял первого попавшегося ему под руку извозчика и, пообещав ему на хорошую водку, полетел с докладом к сэру Вильямсу, которого он застал в то время, когда тот собирался ехать к Баккара.

Выслушав его, капитан хладнокровно зевнул и спокойно сказал:

– Ты говоришь, что Арман познакомился с Леоном Ролланом?

– Да.

– А Роллан знает Фернана Роше?

– Да.

– Ну, так мы должны спрятать посредника. Найду средство.

– Но ведь тогда Вишня может пойти к Арману.

– И ее уберем, – добавил Вильямс.

– Ого!

– То есть попросим Бопрео смотреть за ней.

Затем разговор между ними окончился, и капитан поторопился к Баккара, которая на этот раз уже не заставила его так долго ждать, как в первый раз. Она приняла его в своем будуаре.

– Я намерен предложить вам лучший предлог, какой только есть, чтобы вынудить Бопрео отказать Фернану Роше в руке своей дочери.

Молния злобной радости сверкнула в глазах куртизанки.

– В самом деле?! – вскрикнула она.

– Через двое суток, – ответил холодно Вильямс, – Фернан будет здесь, около вас.

Баккара была вне себя от восторга.

– Что нужно сделать? – спросила она с необыкновенной решительностью.

– Садитесь и пишите.

Баккара повиновалась.

«Мой возлюбленный Фернан! Уже четыре дня, как я не видела тебя.

Вот каковы мужчины. Они требуют, чтобы мы любили их вечно, а сами,

встретив какую – нибудь куклу – честную девочку, как они обыкновенно называют какую – нибудь дрянь с красными руками, бессмысленной улыбкой, костлявою шеей, и только потому, что у нее двести тысяч франков приданого, пускаются вздыхать с намерением жениться. Надеюсь, Фернан, что когда ты свершишь этот великий подвиг, то представишь меня своей жене.

Честное слово, мой возлюбленный, я повеселюсь на твоей свадьбе, и как мне забавно будет видеть, когда мой бывший любовник поведет под руку свою супругу, раздетую в померанцы.

Я ревнива, мой милый, и сделаю сцену твоей будущей, если ты сегодня же вечером не будешь здесь, на коленях передо мной; целую тебя.

Баккара

P.S. Это письмо доставит тебе Фанни. Дружок! Не делай ей глазок. Я еще не хочу верить, хотя меня и уверяли, что ты ухаживаешь за моей горничной. О, мужчины!»

– А теперь, – продолжал сэр Вильямс, – вы должны сделать так, чтобы Бопрео доставил возможность прочесть своим это миленькое письмецо.

– Но как это сделать?

– Очень просто: когда Бопрео придет сюда, то вы должны признаться ему, что любите Фернана, и если он женится на Эрмине, то ему, то есть Бопрео, не видать никогда Вишни, затем передайте ему эту бумажку и скажите: устройте, чтобы ваша дочь прочла ее и написала отказ своему жениху, и принесите мне его. А тогда в награду за это вы узнаете, как можно достать мою сестру. До свиданья!

Сэр Вильямс встал и, поцеловав руку Баккара, вышел из комнаты.

В этот вечер он был на балу в Министерстве иностранных дел, где его сейчас заметили и где он был представлен Эрмине и госпоже Бопрео.

В двенадцать часов он был уже дома.

Через три дня после описанной сцены в семействе г. Бопрео Фернан по приглашению своего будущего тестя пришел ранее обыкновенного к своей невесте и вместе с ней и Терезой Бопрео ездил в концерт.

В шесть часов вернулся домой сам начальник отделения, и все сели обедать.

После обеда и кофе он сопровождал Эрмине на фортепьяно, поговорил еще несколько минут и потом распростился, оставив у камина мужа и жену.

Проводив жениха до дверей гостиной и пожав ему руку, Эрмина села опять за фортепьяно.

В ту минуту, когда Тереза наклонилась за щипцами, Бопрео ловко подбросил уже известное нам письмо.

Тереза увидела его и, подняв, спросила мужа:

– Это ваше?

Бопрео покачал отрицательно головой и, взяв конверт, взглянул на адрес:

«Г. Фернану Роше», – прочел он.

– Вероятно... Фернан выронил его, – заметил он спокойно и самым добродушным тоном.

– Странный адрес, – продолжал он, – внизу написано: «Через мою горничную». Ого!

Бопрео при этих словах развернул письмо и стал читать.

– Ого! – воскликнул он. – Скажите, пожалуйста! Нет, это уже слишком.

Окончив чтение, он посмотрел на свою жену и сказал:

– Это письмо от Баккара – молодой камелии, оно адресовано к человеку, которого вы хотели сделать своим зятем. Поздравляю вас с подобным выбором. Не желаете ли прочесть? – И он протянул письмо к своей трепетавшей жене.

Тереза пробежала его и, вскрикнув, лишилась чувств.

В свою очередь, молодая девушка взглянула на письмо, прочла несколько строк и выронила его из рук.

Эрмина Бопрео не испустила ни одного вопля, не проронила ни одной слезинки.

Жизнь ее была разбита.

– Батюшка, – сказала она грустным, но твердым голосом, – попросите господина Роше забыть, что он был моим женихом.

– О! – вскричал старик, разыгрывая самое глубокое негодование. – Мерзавец! Если он только осмелится прийти сюда!

– Успокойтесь, батюшка, – продолжала гордо Эрмина, – господин Роше никогда не будет моим мужем!

И, сказав это, она подошла к столу и написала следующие строчки:

«Милостивый государь!

Событие, о котором я нахожу бесполезным напоминать, вынуждает меня отказаться от наших бывших намерений. Я решила поступить в монастырь. Посещения ваши будут совершенно напрасны».

Она подписалась и подала это письмо г. Бопрео.

«Теперь Вишня моя», – подумал он и тотчас же отправился в Монсейскую улицу.

Кучер, судивший по его синей одежде и орденской ленте, подумал, что он везет чуть не самого пэра, и помчался так быстро, что через каких –нибудь двадцать минут высадил своего седока у решетки небольшого отеля, где жила Баккара.

Между тем сэр Вильямс сидел у Баккара и уговаривал ее написать Вишне следующее письмо, которое, по его словам, было необходимо для того, чтобы осчастливить Баккара.

Баккара еще раз повиновалась ему и написала:

«Милая сестрица, если ты сейчас же не поспешишь ко мне на помощь, то твоя Луиза погибла. Дело идет о моей будущности и жизни. Беги сейчас в Змеиную улицу № 19, спроси там госпожу Коклэ и скажи ей: „Я пришла к моей сестре“, тогда ты узнаешь, что нужно сделать, чтобы спасти меня.

Твоя Луиза».

Перо выпало из рук Баккара, и две слезы, долго сдерживаемые, скатились наконец по ее щекам.

– Бедная сестра! – чуть слышно прошептала она.

– Теперь подождем Бопрео, – сказал хладнокровно Вильямс.

В эту минуту раздался звонок.

Бопрео был принят, и Баккара, взяв письмо с отказом Эрмины, взамен этой услуги сказала ему, чтобы в десять часов он был в Змеиной улице № 19, где он и найдет Вишню.

Бопрео уехал, а сэр Вильямс, отослав письмо Баккара с ее горничной Фанни к Вишне, последовал за начальником отделения в Змеиную улицу.

– Кто кого одолеет, господин Бопрео! – шептал он, садясь в свой тильбюри.

Вишня прочла вероломное письмо сестры и, ничего не подозревая, торопливо поехала в Змеиную улицу.

Она отыскиала дом № 19 и, поднявшись на лестницу, встретила на площадке с какой – то старухой.

– Где живет госпожа Коклэ? – спросила она.

– Это я, – ответила старуха, – что вам нужно?

– Я пришла поговорить с вами о моей сестре Луизе.

– О какой Луизе?

– Баккара, – добавила в смущении Вишня.

Старуха сейчас же переменилась и очень любезно попросила молодую девушку следовать за собой.

Она ввела Вишню в большой зал подозрительного вида, где вся обстановка носила на себе отпечаток бедности и какой – то постыдной роскоши, и, попросив подождать, вышла, не позабыв запереть за собой дверь.

Прошло около получаса, проведенного Вишней в догадках о том, что могло случиться с Баккара, когда, наконец, молодая девушка почувствовала сзади себя какой – то странный шорох. Она обернулась и вскрикнула от испуга. Подле дивана, на котором она сидела, отворилась дверь, оклеенная такими же обоями, как и стены комнаты, и в комнату вошел человек, которого Вишня не узнала с первого взгляда.

Это был де Бопрео.

Он затворил за собой дверь и сделал жест рукой.

– Здравствуйте, милое дитя, – начал он развязным тоном и снял шляпу, обнажив при этом свою лысую голову.

При виде его Вишня встала с дивана и инстинктивно отступила назад. Но пожилая наружность и лысая голова де Бопрео отчасти успокоили ее.

– Здравствуйте, здравствуйте, милое дитя, – повторил он отеческим тоном.

– Милостивый государь, – спросила Вишня, – вы и есть тот человек, которого я жду?

– Да, моя красавица.

И старик взял ее за руку.

Молодая девушка отдернула свою руку и не хотела садиться.

– Моя сестра – прошептала она.

– Такая же очаровательная особа, как вы? – перебил ее Бопрео.

– Сестра писала мне...

– Ах, да, знаю.

– Что же я должна делать?

– Да, да, Баккара действительно рассчитывает на вас. Э, да сядьте же здесь. Разве вы боитесь меня?

– Нет, – пробормотала Вишня, поддаваясь добродушному тону старика.

Она решилась сесть на диван.

– Ну – с, поговорим сначала о вас, – начал, улыбаясь, начальник отделения.

– Обо мне?

– Да, послушайте, – продолжал он, подвигаясь все ближе к ней. – Посмотрите – ка на меня хорошенько. Вы не узнаете меня?

Вишня тогда только вспомнила, что встретила с ним в Бурбонской улице.

– Милое дитя, – продолжал старик, – может быть, я кажусь вам... немного зрелым... мне, конечно, уже не двадцать лет... но верьте мне, я порядочный человек. и даже очень порядочный. И умею быть щедрым... Что вы, например, думаете о хорошенькой квартирке на улице Бланш или хоть в Сен – Лазар? Положим, тысяча франков за квартиру, горничная, пятьсот франков в месяц и сто луидоров на ваш туалет?

– Милостивый государь! – вскрикнула Вишня, задыхаясь от негодования.

Бедная девочка поняла, наконец, все, все – до самой низости и подлости своей сестры.

Вне себя от ужаса, она вскочила и хотела бежать – дверь была заперта.

А Бопрео, пользуясь ее смущением и испугом, обнял ее за талию и хотел поцеловать.

Вишня вырвалась.

– Негодяй! – кричала она. – Помогите!

Но ее никто не мог слышать, а Бопрео хохотал.

– Полно, крошечка, – говорил он, улыбаясь, – нас никто не услышит, мы одни в целом доме. Будь спокойна, я сдержу свои обещания, и в доказательство... – Он хотел снова обнять ее.

Но Вишня отскочила от него и, вооружившись подсвечником, который стоял на камине, приняла такую оборонительную позу, что Бопрео невольно задумался; но, впрочем, это продолжалось недолго. Бопрео ободрился и только хотел снова накинуться на молодую девушку, как дверь подле дивана снова отворилась, и на пороге показался человек.

Бопрео отступил.

– Сэр Вильямс, – проговорил он с ужасом.

Это был тот самый баронет сэр Вильямс, которого накануне представили ему в Министерстве иностранных дел.

Вид этого человека, встреченного им в высшем обществе и знавшего его положение и административные обязанности и застающего его теперь в покушении на честь молоденькой и незащитной девушки, – все это произвело на Бопрео поражающее действие.

Сэр Вильямс подошел между тем к молодой девушке и ласково сказал:

– Не бойтесь ничего, сударыня, этот негодяй не посмеет вас больше тронуть. Коляр! Коляр! – крикнул он, оборачиваясь назад.

Дверь опять отворилась, и на этот раз Вишня узнала в вошедшем нового приятеля своего Леона. Она бросилась к нему, как дитя к матери.

– Ты проводишь эту девицу, – сказал ему Вильямс, – и отвечаешь мне за нее...

– Ба! Да это же мамзель Вишня! – вскричал, в свою очередь? Коляр. – Так нас не обманули!

И вслед за этим он взял молодую девушку за руку и вышел с ней, оставив г. Бопрео один на один с сэром Вильямсом.

Оставшись наедине, капитан начал с того, что запугал начальника отделения каторгой, а затем постепенно сообщил ему о том, какое громадное наследство должно принадлежать Эрмине, и, наконец, вошел с ним в сделку, по которой Бопрео обязался выдать за него свою дочь и вообще исполнять все то, что капитан ему прикажет, взамен чего сэр Вильямс обещал ему полное молчание о происшествии с Вишней и эту девушку в тот день, когда он женится на Эрмине.

И когда Бопрео вышел из Змеиной улицы, то его уже связывал темный договор с сэром Вильямсом.

Погибель Фернана Роше была решена.

На другой день после этого де Бопрео пришел в присутствие около десяти часов утра.

Вильямс держал его в своих руках двойной приманкой: Вишней и миллионами таинственного наследства.

Не успел он сесть в свое зеленое кожаное кресло, как вошел Фернан Роше.

Он не знал еще ничего про ужасное письмо.

– Я пришел отдать вам отчет о вчерашнем вечере, куда вы поручили мне вчера съездить.

– А! Я уверен, что вы скучали, – ответил ему Бопрео, протягивая руку.

– Кстати, у меня есть еще просьба до вас: мне надо уйти на несколько времени, так будьте добры, побудьте здесь вместо меня. Вот вам ключи от кассового сундука – в нем теперь около тридцати двух тысяч франков. Если кому –нибудь понадобятся деньги, то вы потрудитесь выдать, – добавил Бопрео, вставая с кресла.

Здесь надо заметить, что он заведовал кассой так называемых «негласных пособий», а потому и имел особенные ключи от общего кассового сундука всего министерства.

– Но... – начал было Фернан.

– Полноте, – перебил его Бопрео, улыбаясь. – Заприте вашу контору и приходите сюда.

Фернан вышел.

Тогда Бопрео подошел к сундуку, отпер его и, вынув оттуда зеленый портфель, спрятал его в обширном кармане своего белого пальто.

Когда Фернан воротился, Бопрео как ни в чем не бывало передал ему ключи и дружески усадил его на свое место.

– Господа! – сказал он, выходя в соседнюю комнату, – я уйду на час, меня заменит г. Роше. В случае нужды обращайтесь к нему.

Затем начальник отделения спокойно спустился по главной лестнице министерства и, завернув за угол бульвара, сел в наемную карету и велел кучеру везти себя в улицу св. Лазаря.

Оставшись один, Фернан занялся корреспонденцией своего начальника. Так прошло около четверти часа, как вдруг в залу вошел комиссионер, который был не кто иной, как Коляр, и, подойдя к Фернану, подал ему письмо, добавив:

– За труды мне заплачено.

Коляр подал ему письмо Эрмины, данное ему сэром Вильямсом,

Фернан узнал почерк своей невесты и, распечатывая его, невольно радовался, но едва он взглянул на первые строки, как внезапно побледнел, зашатался, и в глазах его все потемнело. Что означал этот презрительный отказ? И что заставило ту, которая еще вчера улыбалась ему, написать это жестокое письмо? Фернан все позабыл: свои обязанности, кассу, вверенную ему Бопрео, и стремительно выбежал из комнаты.

Он бросился в улицу св. Лазаря и хотел во что бы то ни стало увидеться с Эрминой.

Швейцары, видя, что он уходит без пальто и шляпы, воображали, что г. Роше идет в верхний этаж.

Фернан унес с собой ключи от кассы, которые ему – вверил его начальник г. де Бопрео.

Прошло около получаса, Фернан не возвращался. Наконец вернулся и Бопрео.

– Г. Роше ушел, – сообщил ему один из швейцаров.

– Ушел? Странно...

– Они, вероятно, где – нибудь в отеле, потому что ушли без шляпы и пальто.

– Странно! – повторил он еще раз и, войдя в свою залу, принялся за дело, как будто Фернан должен был сейчас же воротиться.

Через несколько минут после этого к господину начальнику отделения явился какой – то музыкант, присланный самим министром, и предъявил документ на выдачу ему тысячи франков из негласного пособия.

Бопрео послал тогда за главным кассиром всего министерства и попросил его отпереть сундук теми ключами, которые были у него.

Касса была открыта, и в ней не оказалось портфеля с тридцатью двумя тысячами франков.

А Фернана Роше все еще не было, и на него всецело пало обвинение в похищении им этих денег, тем более, что ключи от кассы были у него, и он вышел из министерства в сильном волнении, без шляпы и пальто.

Фернан Роше погиб!..

Пока в Министерстве иностранных дел происходили все эти события, Фернан Роше бежал со всех ног в улицу св. Лазаря.

Единственная служанка де Бопрео отперла ему дверь. Фернан хотел войти в комнату, но она, остановясь на пороге, загородила ему вход.

– Барина нет дома, – сказала она.

– Я желаю видеть дам.

– Их нет дома.

– Я подожду, – сказал тогда Фернан и хотел отстранить служанку.

Но здоровенная нормандка пересилила его и оттолкнула.

- Вы напрасно трудитесь, – добавила она при этом. – Они не вернутся.
- Не воротятся? – переспросил он как – то глупо.
- Они уехали на три дня.
- Уехали?
- Да – с
- Но это невозможно!..
- Я вам верно говорю! Они уехали в провинцию к тетке барыни.

У Фернана потемнело в глазах; он, не помня себя, сбежал с лестницы и бросился бежать.

Но вскоре силы покинули его, он вдруг остановился и грохнулся на тротуар.

Фернан пришел в себя только вечером, когда он уже находился в квартире у Баккара, которая подняла его на улице и перевезла его в своей карете в свой отель.

Открыв глаза и придя несколько в себя, Фернан увидел в Баккара ту женщину, которой удивительная и поразительная красота осуществила бы самые идеальные творения скульпторов и живописцев.

По приказанию доктора Фернана уложили спать и, само собой, ему надо было прийти немного в чувство.

Баккара, подобно какому – нибудь стратегу – полководцу, составляющему в несколько мгновений план будущего сражения, успела в один миг, одним движением руки, сделать себя еще прекраснее и обольстительнее прежнего.

Синий бархатный пеньюар обрисовывал до половины ее гибкий стан и прекрасные формы, на полуобнаженных плечах рассыпались золотистые локоны; горе, смешанное с радостью, придавало ее лицу какое – то восхитительное одушевление, а любовь делала ее столь прекрасной, что красота Эрмины, Вишни и даже самой Жанны с ее аристократическим профилем померкли бы перед этой чарующей красотой.

Фернан мысленно задал себе вопрос, не ангел ли перед ним и не находится ли он уже в лучшем мире?

Баккара была действительно прекрасна до того, что могла свести с ума и мудреца.

Быстро приближалась ночь. Бледный свет сумерек уже не проникал больше через шелковые занавески окон; угасающий огонь камина бросал только быстрые, причудливые отблески на предметы, окружавшие Фернана, а Баккара была все тут, наклоняясь над ним и пожимая его руки.

Прошла ночь, настал день, и солнечный луч, скользя по обнаженным деревьям сада, проник за мягкие занавески алькова Баккара и играл в белокурых волосах куртизанки и на бледном лице бедного Фернана.

Роше мгновенно забыл Эрмину и думал, что он все еще бредит.

Баккара держала его голову в своих руках, смотрела на него с любовью и восторженно повторяла:

– О, как я люблю тебя!

Но вдруг, часов в девять утра, на улице послышались чьи – то шаги и несколько голосов.

Баккара едва успела накинуть на себя капот, как у дверей сильно постучали.

– Именем закона, отворите! – послышалось снаружи.

Фернан Роше был арестован по обвинению его в краже тридцати двух тысяч франков из кассы министерства, где он служил.

Его увели в полицейскую префектуру.

Баккара упала без чувств.

Когда она пришла в себя, то лежала в кровати и около нее находились Фанни и какой – то маленький человек, выдавший себя за доктора, – это был агент Вильямса, они уверили

Баккара, что она видела все, что только произошло перед этим, в бреду, так как она уже больше недели как больна.

Через несколько времени после этого Баккара убедилась, что ее обманывают, и хотела заявить обо всем префекту полиции, тогда сэр Вильямс без дальних церемоний отправил ее насильно в Монмартр – сумасшедший дом к доктору Бланш.

Вишня, выведенная Коляром от Коклэ, была посажена в закрытый фиакр и отвезена им в Буживаль, где ее поместили в принадлежавший сэру Вильямсу уединенный дом, находящийся среди огромного пустынного сада.

Здесь она была поручена строгому караулу и попечениям одной из отвратительнейших женщин – мегер – вдове Фипар – любовнице уже известного нам акробата – шута Николо.

Когда Фернана потребовали к допросу, то он, как и следовало ожидать, заявил, что не виновен.

Тогда сделали обыск в его квартире и у Баккара, в спальне которой было найдено его пальто, в кармане которого находился украденный портфель.

Тогда Фернан Роше был переведен в Консьержери.

Теперь мы вернемся назад и посмотрим, что делал в это время граф Арман де Кергац.

Расставшись с Жанной, которую, как мы знаем, он проводил до самой ее квартиры, он вернулся домой

и тогда же почувствовал, что он начинает любить эту молодую прелестную девушку.

Проведя самую тревожную ночь, он на другой день позвал к себе Бастиана.

– Мой старый дружище! – сказал он ему. – Надень свой синий сюртук и отправляйся в улицу Мелэ, № 11 и посмотри, нет ли в этом доме свободной квартиры. И вообще, постарайся устроить так, чтобы ты мог переехать туда.

Поместившись в этом доме, ты должен навести самые точные справки о девице Жанне, которая живет там, и если только она окажется честной и достойной девушкой, то познакомься с ней.

Бастиан в точности выполнил приказания Армана и под благовидным предлогом познакомился с Жанной, которая жила вместе со старой кухаркой Гертрудой.

Дня, через два после этого Бастиан устроил совершенно свою новую квартиру в улице Мелэ, № 11 и, заперев ее на ключ, отправился к Арману за получением новых инструкций.

На повороте в улицу Лошадиных шагов мимо него промчался щегольский тильбюри, запряженный английской лошастью, которой правил молодой человек; возле него сидел грум.

При виде этого молодого человека Бастиан невольно вскрикнул.

– Боже мой! – проговорил он, несколько оправившись. – Да ведь это Андреа, но Андреа с черной бородой и волосами.

Проговорив это, старый гусар проворно вскочил в первый попавшийся ему на глаза фиакр и крикнул кучеру:

– Луидор! Два луидора – но только не теряй из виду этого тильбюри!

– Ого! – ответил извозчик, – барин, вероятно, русский князь, и ежели он обещает заплатить так хорошо, то у моей лошади вместо ног будут крылья.

И он изо всех сил стегал свою лошадь.

Лошаденка помчалась быстрее стрелы.

Бастиан гнался за сэром Вильямсом и догнал его тогда, когда он только что вошел в свой павильон.

Старый гусар, не теряя времени, вступил в разговор с его грумом и узнал, что его барина зовут сэр Вильямс и что он английский баронет.

Бастиан не удовлетворился этим и пробрался к самому баронету под предлогом купить у него лошадь.

Но сэр Вильямс ни малейшим признаком не выдал себя, хотя Бастиан сказал ему прямо, что он узнает в нем виконта Андреа.

Хладнокровие англичанина окончательно сбило его с толку.

– Я хочу раздеть вас, – проговорил тогда Бастиан.

– Это зачем? Разве я каторжник?

– Нет, но у вас на теле должно быть неизлечимое родимое пятно.

– Вы думаете? – усмехнулся джентльмен, притворяясь испуганным.

– Я уверен в этом, – настаивал Бастиан. – На левой груди у вас должно быть черное пятно. Я видел вас ребенком. Я видел вас нагим.

– У меня много родимых пятен, – ответил англичанин и при этом раскрыл ворот своей рубашки.

Вся его грудь была мохнатая, как у обезьяны. Бастиан между тем помнил, что у виконта Андреа все тело было совсем белое.

Этого вполне было достаточно, чтобы поколебать его глубокое убеждение в тождестве баронета сэра Вильямса с виконтом Андреа, и лицо его, за минуту перед этим базовое от гнева, покрылось вдруг смертельной бледностью.

– Это не он, – прошептал Бастиан.

Тогда, в свою очередь, сэр Вильямс нашел выгодным для себя выпытать у бедного гусара все то, что тот знал про Армана и Жанну, и затем вызвал Бастиана на дуэль, найдя, что ему будет гораздо лучше отвязаться от него раз и навсегда.

– А, ты опять влюблен, Арман де Кергац? Ну, так это обстоятельство позволит мне рассеять тебя немножко и остановить твои деятельные розыски наследников Кермона, – проговорил сэр Вильямс после ухода Бастиана.

– Да, добавил он, немного подумав, – я сделаю из этой Жанны себе любовницу, когда убью Бастиана,

Воротившись в отель, Бастиан рассказал Арману о своей встрече.

– Уверен ли ты, что это не он? – спросил еще раз граф.

– Да, я теперь почти убежден в этом.

– Так, но ты не будешь драться с ним, лучше буду драться я. – Бастиан молча пожал плечами.

– А теперь расскажи мне о Жанне, – спросил его опять Арман.

Бастиан рассказал ему все то, что он узнал относительно молодой девушки, и Арман решился в тот же вечер посетить ее.

Сэр Вильямс дрался с Бастианом и выбил у него из рук оружие, но не воспользовался тем, что мог убить старика.

Накануне этой дуэли Жанна, уже познакомившаяся с графом Арманом и полюбившая его от всей души, неожиданно получила письмо без подписи.

Она распечатала его и прочла:

«Я вас люблю. С первого раза, как я увидел вас, я понял, что моя судьба и жизнь связаны с вашей и что мое счастье находится в ваших руках».

Жанна невольно приложила руку к своему сердцу.

– Это от него, – прошептала она.

«Сегодня я осмелился писать вам потому, что завтра мне угрожает большая опасность: я дерусь на дуэли в семь часов утра».

Письмо выскользнуло из рук молодой девушки, она вскрикнула и упала без чувств на пол.

Когда она очнулась, было уже совсем темно, она лежала на кровати, и Гертруда ухаживала за ней.

Подле Гертруды Жанна увидела незнакомое лицо. Это была женщина еще молодая, но с изнуренным лицом.

Она жила как раз над квартирой Жанны, слышала ее крик и падение тела и, побуждаемая Коляром, с которым находилась в коротких отношениях, поспешила спуститься вниз и предложить свои услуги.

Эта особа подсыпала Жанне в чашку бульона усыпляющий порошок.

Минут через десять после этого Жанне захотелось уснуть, и голова ее тяжело опустилась на грудь, а тело скатилось на пол, но на этот раз Гертруда уже не могла прийти поднять ее.

Старуха тоже была опоена и уснула, сидя на стуле в двух шагах от своей хозяйки.

Через час после этого Коляр с помощью фальшивого ключа отпер двери комнаты Жанны и смело подошел к молодой девушке, которая спала непробудным сном.

– Теперь, – заметил он, улыбаясь, – будущую любовницу сэра Вильямса не разбудишь и пушкой.

Жанна проснулась уже не в улице Мелэ, а в богато убранной спальне загородного павильона сэра Вильямса, куда ее перевезли во время ее летаргического сна.

Теперь мы вернемся несколько назад, то есть к дуэли сэра Вильямса с Бастианом.

– Экий я болван, – ворчал старый гусар, – только я и мог допустить обезоружить себя таким образом. Просто срам!

Баронет в это время подошел к графу Кергацу

– Кажется, граф, – сказал он, – я очень похож на вашего брата, которого вы отыскиваете по всему свету?

– Поразительно! – ответил задумчиво Арман, – только у Андреа были белокурые волосы.

– У меня черные. Мои отлично выкрашены.

– Однако, граф, – продолжал сэр Вильямс, – если у вас осталось хоть малейшее сомнение, то не откажите почтить меня своим приездом к завтраку – когда вы назначите. Я могу показать вам для удостоверения подлинности моих документов наше генеалогическое древо.

– Милостивый государь!..

Баронет принял откровенный вид и обратился ко всем со следующими словами:

– Господа, вы, вероятно, были влюблены хоть один раз в жизни. Я же влюблен теперь. Честь встретиться здесь с вами в это утро лишила меня удовольствия видеть мою *maitresse* вчера вечером, и я спешу наверстать потерянное время. Она живет в таинственном коттедже у опушки леса, и никто не бывает и не входит туда. Я стерегу ее с ревностью дракона. А потому я и вынужден оставить вас теперь.

Сэр Вильямс проворно вскочил в тильбюри и обратился еще раз к графу де Кергацу.

– Не правда ли, граф, что храм счастья есть не что иное, как дом, в котором живет любимая женщина?

– Может быть, – ответил ему нехотя Арман, подумав о Жанне.

– А когда имеешь невесту, которую боготворишь, то ее следует прятать от всех взоров.

При этих словах сэр Вильямс насмешливо захохотал, и в этом смехе вылилась вся сатанинская душа Андреа.

Арман вздрогнул: все подозрения снова зашевелились в его душе.

– Если вы любите какую – нибудь женщину, – добавил сэр Вильямс, – то советую вам беречь ее. – И при этом он хлестнул по лошади и быстро умчался.

Арман побледнел, как смерть; он еще раз вспомнил про Жанну, и ему сделалось страшно.

Сэр Вильямс говорил последние слова насмешливым голосом Андреа, и его сатанинский хохот отозвался в душе Армана как погребальный звон.

Между тем сэр Вильямс побывал в коттедже, посмотрел на спящую Жанну и решил:

– Мне нужно не обладание ей, нет, мне нужно ее сердце! Она начинала любить тебя. Теперь она полюбит меня!

– О, господин граф, – добавил он, хохоча, – у меня явилась великолепная идея: теперь уж не вы граф де Кергац, а я! А когда я женюсь на Эрмине, когда золото Кермаруэ перейдет ко мне, в тот день я тебе крикну: «Арман! Арман! Твоя возлюбленная Жанна стала моей любовницей, а тебя она приняла за лакея!»

И он тотчас же распорядился, чтобы вся прислуга выдавала его их новой хозяйке за графа де Кергаца.

– Теперь надо подучить Вишню, и если Жанна не поверит прислуге, то поверит ей, – решил он и направился к павильону, где помещалась бедная цветочница.

Ему стоило очень небольших хлопот спутать Вишню; выставив ей себя каким – то небесным ангелом и выдавая себя за графа де Кергаца, он уверил неопытную девушку, что хочет жениться на Жанне де Бальдер и что они все были жертвами его лакея Бастиана, который нарочно подкупил мошенников, чтобы разыграть с ними историю, происшедшую в «Бургонских виноградниках».

Затем он сообщил ей, что Баккара продала ее одному старому чиновнику, г. Бопрео, который готов решиться на все, лишь бы овладеть ей.

– Дитя мое, – закончил сэр Вильямс выразительным тоном, – я обладаю громадным состоянием и трачу его на благотворения и на препятствование злу. У меня есть своя полиция, через посредство которой я и узнаю все. Извещенный об угрожающей вам опасности, я поспешил к вам на помощь. Вот теперь вы и знаете всю тайну моего поведения относительно вас. Я прошу вас довериться мне и позволить спасти как вас, так и Леона Роллана, от общей опасности и даже смерти.

Этих последних слов было вполне достаточно, чтобы она окончательно доверилась сэру Вильямсу.

– Теперь послушайте меня, моя милая Вишенка, – продолжал капитан. – Жанна в настоящее время спит и проснется тогда, когда я уже уеду. Мне необходимо уехать на неделю. Вы останетесь в замке и в продолжение нескольких дней, пока я должен скрывать вас от вашей сестры и Бопрео, замените ей друга, сестру и поверенного всех её тайн.

– Слушаю, граф, – прошептала Вишня.

– Я буду писать ей каждый день. Она, вероятно, будет читать вам мои письма. Не старайтесь доказывать ей, что настоящий граф де Кергац не этот мошенник Бастиан. Предоставим все времени и письмам.

Вишня восторженно взглянула на сэра Вильямса и тихо сказала:

– Ах, граф, как может она, видя вас, не полюбить? – Прощайте, мне пора ехать, – ответил ей капитан.

– Когда же я увижу Леона? – спросила она еще раз.

– Не знаю. Но надейтесь на меня. Ручаюсь вам, что через две недели вы будете его женою.

И сэр Вильямс спокойно вышел из комнаты.

– Кажется, – пробормотал он, – шутка вполне удалась. Я сделал больше, чем предполагал. Я не только лишил Армана жены, но даже отнял у него его имя. Теперь надо заняться миллионами простака Кермора. Месть моя удалась.

Итак, бесчестный Андреа торжествовал во всех отношениях: Фернан был в тюрьме, Вишня и Жанна спрятаны, Баккара помещена в сумасшедший дом, и теперь граф Арман де Кергац больше не найдет и следов наследников покойного барона Кермора де Кермаруэ.

В тот день, когда Вишня поверила письму своей сестры и пошла в Змеиную улицу, ее жених Леон Роллан был послан своим хозяином на два дня в Монморанси.

Вернувшись оттуда, он, по обыкновению, дождался восьми часов вечера, то есть окончания работы в своей мастерской, и поторопился к Вишне.

У дверей ее маленькой комнаты не было видно света, а потому Леон подумал, что она еще не возвращалась, и стал дожидаться ее на нижней ступеньке лестницы.

Прошел час. Вишни все не было, тогда Роллан спустился в комнату к привратнику.

– Девицы Вишни нет дома? – спросил он.

– Ах, это вы, Леон?

– Да, я.

– Я ее не видел уже два дня.

– Как два дня?

– Я говорю вам чистую правду, Роллан, третьего дня приходила сюда Фанни – служанка госпожи Баккара; мне кажется, что случилась какая –нибудь история или с ее сестрой, или с матерью. Я предполагаю это потому, что девица Вишня что – то очень проворно собралась и у нее было такое печальное лицо. Ее уже нет три дня.

Леон в недоумении бросился со всех ног в Монсейскую улицу, в дом, где жила Баккара.

Но и здесь он не узнал ровно ничего, Баккара уехала еще, вчера.

Тогда он направился к своей матери, но крестьянка не видела Вишни уже более трех дней.

У Жанны он застал Гертруду всю в слезах. Жанна тоже исчезла. Добрая кухарка показала ему письмо, найденное ею в той комнате, где она оставила Жанну.

Письмо это было написано почерком Жанны.

Вот его содержание:

«Добрая Гертруда!

Когда ты проснешься, то меня уже не будет. Я уезжаю. Надолго ли, сама не знаю. Куда – еще не могу сказать, Впрочем, знай, что я бегу от человека, которого я думала, что люблю. Это граф де Кергац. Я теперь еду с человеком, которого действительно люблю, но не могу назвать.

Прости твоей Жанне, которая так любит тебя».

– Нет, тут, наконец, с ума сойдешь, – пробормотал Леон, хватаясь за голову.

В это время на лестнице послышались шаги, и вскоре на пороге комнаты показались Арман де Кергац и Бастиан.

Андреа, расставаясь с графом, смеялся так едко, что Арман, казалось, узнал в нем своего брата.

Граф сел в карету и велел кучеру ехать, как можно скорее.

– У меня ужасное предчувствие, – сказал он Бастиану. – Поедем в улицу Мелэ.

При виде горя Роллана и плачущей Гертруды он мгновенно догадался, что случилось какое –нибудь несчастье.

– Жанна! Где Жанна? – вскрикнул он.

Леон молча протянул ему письмо, Арман прочел и прислонился к стене, чтобы не упасть.

– Андреа! – прошептал тогда он. – Это все его дела. Теперь я узнаю его. Это непременно Андреа!

* * *

Пора вернуться нам теперь к госпоже Бопрео и Эрмине.

На другой день после ужасной истории с письмом они уехали в Бретань к тетке госпожи Бопрео – баронессе де Кермадэк и поселились в ее родовом замке Женэ.

Начальник отделения был от души рад тому, что он оставался один, так как теперь мог свободно приняться за поиски Вишни, которую он уже привык считать своей.

Баронесса де Кермадэк была женщина восьмидесяти лет, и хотя она вела очень однообразную и экономную жизнь, но все – таки была очень довольна приезде племянницы с дочерью.

Она охотно прервала чтение своего любимого Амадиса и поставила весь штат своего замка на ноги, чтобы принять как можно лучше приехавших гостей.

Но здесь мы должны добавить, что весь ее штат состоял из двух стариков и пятнадцатилетнего мальчика Ионы.

Прожив у нее три дня, госпожа Бопрео и Эрмина окончательно свыклись со своим новым образом жизни.

Перемена местности и окружающих лиц действовали исцелительно на Эрмину.

Но вдруг совершенно неожиданно на третий день вечером на двор Женэ въехала с шумом карета, и, к удивлению госпожи Бопрео и ее дочери, из нее вышел сам начальник отделения.

Поцеловавшись с женой и дочерью, он счел нужным сказать: «Я взял отпуск, чтобы приехать к вам». Но при этом он, конечно, не счел нужным сообщить, что приехал, в Женэ только по приказанию сэра Вильямса.

На другой же день после приезда в замок он остался наедине с своей женой и сообщил ей, что за Эрмину сватается тот самый молодой англичанин, которого ей представили на бале в Министерстве иностранных дел.

– Сударь, – заметила ему на это Тереза, – когда женщина любит одного, то она не в состоянии полюбить другого.

– Но если она видит, что обманута, – возразил с горячностью Бопрео, – и если она видит, что человек, которого она любит, – вор, преступник, вы думаете, женщина устоит, если человек, молодой, красивый, богатый, одаренный самыми возвышенными качествами, предлагает ей руку, если она может, наконец, забыть с ним свое прошлое.

Госпожа Бопрео прежде всего была мать: у нее в голове мелькнула надежда, что, может быть, ее дочь еще будет счастлива.

– И вы говорите, что он любит Эрмину? – спросила она в сильном волнении.

– Без памяти.

– Следовательно, надо возвратиться в Париж?

– Зачем? Он может приехать сюда.

– Как сюда? Под каким же предлогом?

– Мы уже придумали средство – сэр Вильямс уполномочил меня.

– Вас?

– Ну да. Сударыня, итак, вот это средство: сэр Вильямс, как англичанин, очень любит путешествовать. Он приедет в Бретань, затем собьется с дороги и попадет в Женэ.

– Ну, а потом?

– Потом он едет к соседу баронессы, к г. де Ласси, откуда он может опять и опять приехать в Женэ.

– Но как же он попадет к де Ласси?

– У него будет к нему рекомендательное письмо от племянника де Ласси, маркиза Гортрана де Ласси.

Бопрео еще много говорил своей жене относительно его будущих планов, но она уже давно во всем согласилась с ним.

В тот же день вечером Бопрео отослал сэру Вильямсу письмо, в котором уведомлял, что благодаря его стараниям дело поставлено так, что вся остановка теперь только за ним, а потому – чтобы он немедленно приезжал в Женэ.

Возвратясь из Буживаля, сэр Вильямс был уверен, что найдет у себя письмо от Бопрео, и не ошибся.

Прочитав его, он съездил к Гортрану де Ласси, достал у него посредством обмана рекомендательное письмо к его дяде и затем немедленно возвратился домой, где Коляр хлопотал уже, укладывая его чемодан.

– Поговорим теперь серьезно, – сказал ему капитан.

– Я вас слушаю.

– Я поеду заняться теперь двенадцатью миллионами. Но ты останешься здесь лицом к лицу с нашим врагом, которого надо очень остерегаться.

– Вы говорите про Армана де Кергаца?

– Конечно.

– За ним надо наблюдать.

– Ну да! Фернан в тюрьме и не страшен. Вишня и Жанна в Буживале, и ты мне отвечаешь за них своей головой.

– Головой?

– Ну да.

– Кроме этого, надо опасаться Леона Роллана.

– Надо его упрятать.

– И я тоже думаю. – Баронет несколько задумался.

– Как ты думаешь, твой Николо в состоянии убить его одним ударом кулака?

– Одним? Право, не знаю, но двумя...

– Да хоть тремя; дело только идет о том, чтобы его убить.

– Но где и как?

Баронет сэр Вильямс улыбнулся.

– Разве трудно затащить человека куда – нибудь за город – да хоть в кабак.

– О, – прервал его Коляр, – мне пришла в голову великолепная мысль.

– Поделись – ка ей со мною.

– Ведь я считаюсь его другом, а потому и скажу ему, что знаю, где Вишня, а затем как – нибудь вечером повезу его в Буживаль, а на дороге Николо и слесарь покончат с ним.

– Мысль не дурна. Исполни ей по возможности скорее. Впрочем, дождись лучше моего письма.

Дав ему еще несколько приказаний и инструкций, сэр Вильямс в этот же вечер поторопился уехать в Бретань.

Приехав в Женэ, сэр Вильямс прикинулся разочарованным молодым влюбленным и в короткое время овладел всеми. Даже сама Эрмина относилась к нему с большим сочувствием, видя в нем жертву любви, так как Бопрео рассказал про него, что он влюблен, но что предмет его страсти не отвечает ему.

Баронесса де Кермадэк, начитавшаяся старинных рыцарских романов, находила сэра Вильямса героем и сочла своим долгом устроить его судьбу.

И эта старая барыня, охотно покидавшая действительную жизнь для мира романов и повестей, решила так:

– Так как сэр Вильямс отправился к моему соседу шевалье де Ласси, – говорила она, – то нам нужно будет снова повидаться с ним и познакомить его покороче с Эрминой. Мне более всего нравится для этого охота, встреча в лесу. – И, решив таким образом, она немедленно написала письмо к де Ласси, прося его устроить охоту.

Таким образом, сэр Вильямс торжествовал, и Бопрео приобрел себе новую союзницу в старой вдове. Эрмине предстояло теперь вести борьбу против своей родни, поощрявшей оболъщение и преданной совершенно гнусному негодяю Андреа.

Покуда все это происходило в Бретани, граф Арман де Кергац, по просьбе Леона Роллана, отправился в тюрьму, где содержался Фернан Роше.

Он нашел его в самом ужасном положении.

Молодой человек был близок к помешательству.

Роше сидел на кровати, опустив голову на руки.

Несчастный прошел уже все степени расслабления и отчаяния, а теперь находился в полуидиотизме.

Де Кергац внимательно выслушал рассказ заключенного и, когда тот окончил, пристально посмотрел на Леона.

– Все это, – проговорил медленно граф, – более запутанно, чем в какой – нибудь мелодраме бульварного театра. Исчезновение Жанны, Вишни, обвинение этого молодого человека – все это, я уверен, действия одной и той же руки. Скажите, хороша ли собой ваша бывшая невеста?

– Я не знаю, – ответил Фернан, – но я люблю ее.

– Богата она?

– Нет, и даже Бопрео согласился на нашу свадьбу только при условии, чтобы я не требовал приданого, хотя имение шло к ней от матери, а де Бопрео даже и не отец ее.

– Как! – воскликнул де Кергац, вдруг осененный какой – то мыслью, – госпожа Бопрео уже второй раз замужем?

– Мне кажется, что в первый раз была просто ошибка.

Арман невольно вздрогнул: ему пришло на память то сведение, что наследница Кермаруэ вышла в Париже замуж за чиновника Министерства иностранных дел.

Имя ее?! – вскричал он.

Тереза, – ответил Фернан.

При этом имени Арман вскрикнул.

– Да, ее зовут Терезой, разве вы не знаете?

Граф де Кергац не отвечал.

– Все это, – думал он, – очень странно и совершенно согласуется с сообщенными мне сведениями. Неужели Эрмина де Бопрео дочь барона Кермора де Кермаруэ? Нужно повиаться с госпожой де Бопрео, и – кто знает? – может быть, тогда мы и найдем ключ к этой тайне.

– Граф, – проговорил Леон, следивший за всеми движениями Армана, – мне пришла в голову одна мысль.

– Я слушаю, говори.

– Если вы полагаете, что девица де Бопрео действительно наследница двенадцати миллионов и что тот или та, которые погубили Фернана, знают об этом обстоятельстве и что даже это – то наследство и было причиной их поступков, то тогда можно и даже следует предположить, что им хорошо известно, в чьих руках находятся деньги.

– Это верно, – заметил Арман.

– Но если они это знают, то, может быть, им выгодно, чтобы девица де Бопрео до известного времени не знала ничего?

– Это действительно может быть.

– Таким образом, Эрмина Бопрео, владея 600 000

ливров годового дохода, очень может захотеть выйти замуж только по своему выбору, а следовательно, если она узнает о своем новом положении...

– Все это верно и логично – но к чему же было похищать Вишню и Жанну?

– Ну, это – то, – ответил работник, – очень нетрудно понять: Жанна и Вишня знают Фернана, а Фернан, в свою очередь, знаком с Бопрео, следовательно, все это и составляет цепь, в которой необходимо оборвать звенья.

Арман невольно вздрогнул.

– И, – добавил Леон, – вы знаете Жанну и Вишню.

Де Кергац, наконец, отгадал.

– Да, – прошептал он, – ты прав. Но эта истина еще темнее прежних сомнений.

– Что случилось с Вишней? – думал честный Роллан.

– Жанна... моя Жанна, – прошептал Арман.

И при этом с его губ сорвалось гнусное, но роковое имя Андреа!

Затем граф послал Бастиана и Леона – первого к сэру Вильямсу, а второго к госпоже Бопрео.

Через четверть часа после этого оба вернулись и сообщили, что ни Бопрео, ни сэра Вильямса нет в Париже и никто не знает, куда они уехали.

– Все это совпадает и сцепляется между собою, – пробормотал он, – это рука Андреа; теперь я готов поклясться в этом.

В это время камердинер графа приотворил несколько дверь и доложил Арману, что его желает видеть какая – то дама.

Де Кергац вздрогнул.

– Ее имя? – спросил он живо.

– Его сиятельство не знает этой особы.

– Впустите.

Дверь отворилась, и на пороге комнаты показалась женщина, закутанная в большую шаль. Леон Роллан попятился назад.

– Баккара! – вскрикнул он радостно. – Баккара!

Это была действительно та, которую сэр Вильямс выдал за сумасшедшую.

Она явилась для того, чтобы спасти Фернана.

Баккара бежала из сумасшедшего дома, связав свою бывшую горничную Фанни, которую оставил при ней сэр Вильямс, и одевшись в ее платье.

В таком виде она явилась к своему барону д'О., который, по ее просьбе, дал ей рекомендательное письмо к префекту полиции.

Баккара была у него, рассказала ему все дело, и хотя ей почти ничего не удалось сделать, все – таки увиделась с Фернаном, который и посоветовал ей ехать к графу де Кергацу.

Отыскав таким образом первую нить тайны, Арман решил прежде всего укрыть Баккара от преследований и захотел уже начать действовать как можно осторожнее, чтобы не возбудить подозрение своего неприятеля.

Но, как и предвидела куртизанка, люди капитана не дремали – тем более, что они были встревожены побегом Баккара.

Баронета не было в Париже, а потому. Фанни уведомила об этом побеге его заместника Коляра.

– Черт побери! – вскричал Коляр. – Если Баккара найдет Леона – то мы погибли, и мне придется вернуться в каторгу.

Коляр невольно задумался.

Он колебался отзываться баронета, чтобы не затянуть дело о браке и двенадцати миллионах.

Поэтому он отказался от этого и решил на другое, что, по его мнению, могло принести еще лучшие плоды.

Коляр, долго не думая, бросился прямо в мастерскую господина Гро и вызвал Леона Роллана.

– Что ты так грустен? – спросил он, встречая столяра.
– Э, брат, до веселья ли теперь, когда Вишня исчезла.
– Вот о ней – то я и хочу поговорить теперь с тобой, – ответил ему на это многозначительно Коляр.

– Как! – вскричал радостно Леон, – ты знаешь, где она?!

Коляр, по – видимому, колебался.

– Да говори же!

– Я ее видел с каким – то молодым человеком, брюнетом и одетым, как принц.

– Но этого быть не может, – прошептал несчастный работник. – Она, вероятно, сопротивлялась, звала на помощь?

– Бедный мой друг, – проговорил печально Коляр, – как ты еще мало знаешь женщин. Я тебе должен сказать печальную новость. Она была совершенно спокойна и даже улыбалась.

– Коляр! Коляр! – возразил горячо Роллан. – Или ты ошибся, или ты лжешь.

– Ну нет, брат, я ее отлично узнал.

– Куда же ехал их экипаж?

– Я не знаю. Я не следил за ними.

– Коляр! – вскричал Леон, сильно сжимая руку мошенника. – Ты пойдешь со мной.

– Куда? Теперь ночь. Буживаль далеко.

– Мы там будем ночевать.

Коляр подумал.

– Пожалуй, – наконец проговорил он, – пойдем, только не раньше, как через час: мне еще нужно кое – куда сбегать.

Ему было нужно успеть приготовить западню.

– Ты придешь сюда через час или подождешь меня? – прибавил он.

Подожду, – ответил Леон, лицо которого было мертвенно бледно.

Коляр ушел.

Леон Роллан задумался.

Этот час казался ему целой вечностью, однако, ему пришлось в голову уведомить как – нибудь Армана, и он написал карандашом следующую записку:

«Господин граф! Один рабочий из нашей мастерской видел Вишню в Буживале, я иду туда с ним искать ее».

Когда он оканчивал эту записку, мимо него проходил человек в блузе, напевавший вполголоса какую-то песню.

– Гиньон, – окликнул его Леон, узнав в нем своего друга.

– А, это ты, Леон?

– Вишню видели.

– Где? – спросил с живостью Гиньон.

– В Буживале, мой друг.

– Кто же ее видел?

– Коляр.

При этом имени на лице Гиньона выразилось полное отвращение.

– Я нахожу, – сказал он, – что этот Коляр просто мерзавец.

– Ты ошибаешься, он отличный малый.

– По – твоему, может быть, но, по – моему, я верю в свои слова.

– Все равно, – пробормотал Леон, – я пойду с ним в Буживаль.

– Когда?

– Я его жду. Кстати, отнеси это письмо графу.

– Изволь, приятель, охотно готов.

– Я его уведомляю, что отправляюсь с Коляром искать Вишню.

Гиньон нахмурился.

– Послушай моего совета, – сказал он, – не ходи.

– Да ведь он видел Вишню.

– Может быть, а все – таки...

– Ты глуп, – оборвал его Леон. – Коляр честный человек и мой истинный друг.

– Ну так исполни же хоть мою просьбу, я ведь тебе тоже друг.

– Какую?

– Обещай мне, что ты скажешь Коляру, что писал графу о том, что идешь в Буживаль.

Между тем Коляр уже успел распорядиться и нанял Николо за двадцать пять луидоров задушить и утопить Роллана.

Затем он вернулся к Леону.

– Пойдем, – сказал он столяру, беря его за руку, – пора! Через час будет уже темно, да и теперь уже не светло, а небо черно, как в аду.

И Коляр повел с собой Леона Роллана, гибель которого уже была решена.

Когда Арман прочел письмо Роллана, он несколько удивился.

– Что это за Коляр? – спросил он.

– По – моему, он просто мошенник, – ответил Гиньон.

– В таком случае этого нельзя оставлять без внимания, – проговорил Арман и послал нанять извозчика.

Затем он посадил с собой Гиньона, заметив:

– Поедем туда, я хочу посмотреть на этого человека.

Несмотря на то, что они собрались и ехали скоро, они уже не застали Роллана и Коляра.

5. Рокамболь

Выйдя с Леоном на улицу, Коляр нанял фиакр, стоявший на бульваре и с виду совершенно похожий на тот экипаж, в котором была похищена Вишня, и, усадив в него Леона, приказал кучеру везти их в Буживаль.

– Вот и ночь наступила, – заметил столяр. – Что мы теперь будем делать?

– Ночью, – проворчал Коляр, – меньше видно, но зато ум изощряется гораздо больше, чем днем.

– Что ты говоришь? – переспросил его Леон.

– В Буживале, на самой проезжей дороге, есть кабак, куда обыкновенно по вечерам собираются слуги из соседних замков и окрестные крестьяне. Мы слушаем, что они будут болтать, и узнаем, может быть, кое – что без всяких расспросов.

– Отлично, – согласился Леон. – Далеко это?

– Нет. Мы сейчас подъедем.

Минут через пять после этого фиакр выехал на шоссе и вскоре по знаку Коляра остановился.

– К кабаку неловко подъезжать в фиакре, – заметил он при этом, как – то странно улыбаясь.

Они сошли, а кучер повернул лошадей и уехал.

Если бы столяр не был так рассеян, то он, конечно бы, заметил, что кучеру не было ничего заплачено, да он и не требовал платы.

Кабак, о котором, говорилось, был уединенный домик, построенный на берегу реки.

Трудно было бы представить себе что – нибудь более, мрачное: он был слепок из разных обломков и глины и выкрашен краской. Над его дверью красовалась вывеска с надписью:

«Свидание гвардейских гусаров. Напитки и кушанья. Содержит Дебардер».

Прежде всего у всякого являлся вопрос, что это за Дебардер? Это была женщина, наполовину мужчина, с резким хриплым голосом, в деревянных башмаках и резиновом пальто. Она жила одна с мальчуганом лет 12—ти — хитрым, наглым и уже развращенным, которого звали Рокамболь.

Рокамболь был найденышем: однажды он зашел в кабак, спросил чего — то и потом хотел было уйти, не заплатив денег. Старуха схватила его за ворот, началась борьба, во время которой Рокамболь схватил нож и хотел убить старую кабатчицу, но вдруг опомнился.

— Старуха, — крикнул он, — ты видишь, что я человек бывалый и мог бы сразу покончить с тобой, но у тебя не найдется, вероятно, и двадцати франков, а потому — то заключим лучше союз.

И между тем, как старуха дрожала от ужаса, смотря на этого негодяя, он спокойно продолжал:

— Я тебе говорю, что я человек уже бывалый, попробовал и исправительного, побывал и в пенитенциарной колонии, и к тебе зашел, удрав оттуда. Я, пожалуй, согласился бы и назад, потому что у меня нет ни гроша, но ведь и ты не останешься внакладе, если возьмешь меня к себе. Ты живешь одна. К тому же уж старуха, и хоть воровка, а не годишься для дела, и во мне ты приобретешь себе здоровую руку.

Эта циническая откровенность вполне понравилась кабатчице; она приняла Рокамболя, и он действительно сделался вскоре ее верным помощником и называл с какою — то насмешливою нежностью «маменька».

Рокамболь распоряжался продажей напитков, поджидал посетителей и, выпивая вместе с ними, тщательно обыскивал их карманы, когда они, пьяные, валились под стол.

Эта кабатчица была не кто иная, как вдова Фипар, любовница Николо, та ужасная старуха, которой Коляр поручил Вишню.

Когда Коляр и Леон вошли в это милое заведение, буфет которого был украшен дюжиной бутылок с этикетками самого разнообразного сорта, вроде «Напиток счастливых любовников», «Совершенная любовь» и т. д., то в кабаке было пусто и за стойкой сидел Рокамболь и читал какую — то комедию, его достойная «маменька» дремала, сидя на стуле, стоявшем у печки.

— Эй, старуха, — крикнул Коляр, войдя и стукнув кулаком по столу, — нельзя ли у вас выпить?

— Входите, братцы, — ответил ему Рокамболь, не отрывая своих глаз от книги.

Вдова Фипар проснулась и, протерев глаза, узнала Коляра.

— А, это вы, господин Коляр, — заговорила она необыкновенно вежливо, — с тех пор, как мы вас не видели...

Коляр сделал таинственный знак и громко сказал:

— Отведи — ка нам зеленую комнату, старуха.

— Нельзя, г. Коляр.

— Это почему?

— Оттого, что она занята до семи часов.

— Кем еще?

— Людьми очень почтенными, — проворчала старуха, выпрямляясь во весь рост, — кучером и камердинером из соседнего замка.

— Гм! — промычал Коляр, толкая локтем Леона. — Так отведи нам желтую комнату.

— Рокамболь, — приказала вдова Фипар величественным тоном, — проводи этих господ в свободную комнату и выслушай их приказания.

— Ладно, идет! — крикнул молодой негодяй и, взяв свечку, пошел впереди Коляра и Леона по маленькой круглой лестнице, ведущей наверх. Этот верхний этаж кабака состоял

из трех каморок: одной довольно большой и двух маленьких нечистоплотных чуланчиков, которые на языке вдовы Фипар получили название кабинетов. Они были отделены один от другого довольно тонкой перегородкой.

Рокамболь с шумом отворил дверь желтого кабинета, меблированного столом и четырьмя стульями.

Коляр и Леон сели.

– Что прикажете? – спросил Рокамболь.

– Вина – пятнадцать бутылок.

– Так! Что еще?

– Сыру.

– А дальше?

– Фазана.

Рокамболь вышел.

– Ты думаешь, что мы здесь что –нибудь узнаем?

– Я даю голову на отсечение, что лакеи, про которых сейчас говорила вдова Фипар, – ответил Коляр, – что –нибудь да выболтают про этого молодого человека.

Леон яростно сжал кулаки.

Рокамболь принес две бутылки вина, хлеба и сыру и только что начал было рассказывать Коляру о том, какой у них рядом поселился богатый англичанин, как внизу раздался голос вдовы Фипар, громко кричавшей:

– Рокамболь! Рокамболь!

– Сейчас, маменька, сейчас, – ответил негодяй и поторопился сбежать вниз.

– Тише, идут! – прошептал Коляр, кладя палец на губы и показывая этим, что надо молчать.

Два посетителя, оставившие за собой зеленый кабинет, всходили по лестнице. Коляр приотворил дверь и выглянул, но затем мгновенно захлопнул ее.

Николо явился со слесарем. Посетители заняли зеленый кабинет и потребовали вина.

– Господа могут делать здесь все, что им угодно! – заметил Рокамболь, – шум не воспрещен.

– И даже бить бутылки?

– Если заплатят за них, – крикнул Рокамболь и сбежал вниз.

– Знаешь, – сказал потихоньку Коляр Леону, – это преудобный дом; здесь можно убить человека – и никто об этом и не узнает.

Леон с удивлением посмотрел на своего собеседника. На губах Коляра играла мрачная улыбка, придававшая его лицу странное выражение:

– Да, – продолжал он, – предположим, что здесь убит человек, я хочу сказать, утоплен. Река ведь под боком, и колеса машины постоянно вертятся. Обыкновенно берут человека уже мертвого и бросают его под машину. Колесо подхватывает труп, и тогда разберите, что было причиной его смерти: преступление или просто несчастный случай. Трудновато.

– Действительно, – заметил Леон, изумляясь обороту, который принял их разговор.

– Т – с – с... слушай... – проворчал Коляр.

Разговор, происходивший в зеленом кабинете, был на самом деле очень интересен.

– Видишь ли, братец, – говорил Николо своему товарищу, – чтобы покончить с человеком, надо поступать так: берут его за шею всеми десятью пальцами сразу и нажимают посильнее, как раз на адамово яблоко, понимаешь? И вот и вся штука. Человека как и не было.

– Ты находишь, что так лучше? – спросил слесарь.

– Я уже не раз испытал, и мне всегда блистательно удавалось.

Все, что говорилось в зеленом кабинете, было отлично слышно сквозь тонкую перегородку. Леон посмотрел на Коляра.

– Там убийца, – сказал он.

– Гм! – промычал экс – каторжник. – Как для кого.

– Что?

– Отделаться от человека, который мне мешает, еще, собственно говоря, не большое преступление.

Леон невольно вздрогнул.

– Вот, например, хоть ты, – продолжал Коляр – ты мне мешаешь.

– Я?! – вскрикнул работник, все еще ничего не подозревая.

– Это, братец, так говорится. Но все – таки можно все предполагать.

– Так, – пробормотал Леон, задумываясь о Вишне.

– Ты, друг мой, дружен с людьми, которые мне мешают... с этим твоим графом де Кергацем.

Леон опять вздрогнул и посмотрел с беспокойством на Коляра.

– Так ты его знаешь? – спросил он.

– Да, несколько слышал о нем. Граф этот да ты... вы оба мне мешаете.

На этот раз Леон посмотрел еще беспокойнее на Коляра. Его речь казалась ему чересчур странной.

– И что особенно мне мешает, – продолжал Коляр насмешливым тоном, – так это ваше знакомство. У меня, конечно, будь уверен, есть на это свои причины. Итак, я тебя привожу сюда... положим, вечером... вот как сегодня.

– Коляр – проговорил взволнованно Леон, – ты что – то очень странно шутишь со мной. Вместо того, чтобы говорить о Вишне, ты...

– Ах, да! – спохватился Коляр. – Я было и забыл о ней.

– Да я – то не забыл. Ты здесь ее видел?

– Может быть.

– Как! Может быть?..

И Леон привстал со стула.

– Если я привел тебя сюда, – ответил ему прехладнокровно Коляр, – то, конечно, у меня были на это причины...

И при этом он постучал в перегородку и громко крикнул:

– Друзья, сюда! Голубок попался и не вырвется, как в Бельвиле.

И Леон увидел, как распахнулась дверь и на пороге появились Николо и слесарь.

На их лицах можно было ясно прочесть смертный приговор столяру.

Леон узнал в них тех двоих негодяев, которые привязались к нему в «Бургонских виноградниках».

Только теперь он понял, что Коляр был предателем, что Вишни не было в Буживале и что он попал в западню. Он понял, что гибель была неминуема.

Но, повинуясь чувству самосохранения, он невольно схватил нож, лежавший на столе, и отпрыгнул назад.

– А, подлец! – крикнул он Коляру. – Ты хочешь меня убить!

– Ты мне мешаешь, – ответил ему на это лаконично Коляр и, обратясь к своим молодцам, спокойно добавил:

– Малый хочет поиграть с ножом. Ну пусть поиграет. А все будет лучше его утопить: следов не останется.

Комната, где происходила эта сцена, была не больше шести футов в ширину, посередине стоял стол, а окно приходилось как раз против двери.

Так как Роллан отпрыгнул к окну, то между ним и его противниками находился стол. Леон прислонился к стене и, угрожая им ножом, овладел стулом, сделав из него себе щит.

Предчувствуя смерть, он сделался неустрашим.

– Подходите, – крикнул он, – подходите! Хоть одного, да убью.

И при этом он махал перед собой ножом.

– Эй, малый, не балуй, – посмеялся еще раз Коляр, – ты делаешь глупости – ведь не уйдешь от нас, будь спокоен. Смело и навсегда можешь распрощаться со своей Вишней. Ты, братец, останешься здесь и отлично уляжешься на дне реки.

– Помогите! – крикнул столяр, пытаясь отворить окно.

Но Николо схватил бутылку и с ловкостью акробата пустил ее прямо в голову Леона.

Этот удар ошеломил столяра, он глухо вскрикнул и упал на колени, выронив нож.

Тогда – то клоун в один прыжок очутился возле него и обхватил его своими крепкими руками.

– Душить его, что ли? – спросил он.

– Нет, – крикнул Коляр, – утопить, это будет проще.

И Коляр, не сходя с места, бросил Николо черный шелковый платок, служивший ему вместо галстука.

Леон, хоть и был оглушен, но все еще отбивался и глухо кричал. Бутылка рассекла ему лицо, и он был весь залит кровью.

– Живо, – крикнул Коляр, – хотя мы здесь и в совершенной безопасности, но все же не надо копаться.

И в то время, как слесарь и Николо боролись с Леоном, Коляр обвязал ему вокруг шеи платок и принял на себя обязанность душителя.

Но вдруг за окном показалась тень. Раздался выстрел – и Коляр, как сноп, упал навзничь.

Спасителем Леона Роллана был граф де Кергац, который, не застав столяра, поехал за ним в погоню.

Де Кергац, стоя под окном кабака на громадной куче хворосту, видел все, что происходило в зеленом кабинете, и узнал в Коляре того комиссионера, который приходил к нему от барона Кермора де Кермаруэ.

Тогда – то он понял, откуда Андреа мог узнать о двенадцатимиллионном наследстве.

Вслед за выстрелом Арман вышиб раму и с другим пистолетом в руке вскочил в комнату.

– Бельвильский господин! – крикнул Николо, тот час же узнав графа, и со всех ног бросился бежать по лестнице.

Внизу вдова Фипар и Рокамболь спокойно сидели друг против друга и играли в карты.

Когда раздался выстрел, вдова невольно вздрогнула, но Рокамболь прехладнокровно сдал карты и спокойно заметил:

– Вот и нет человека! Однако, право, глупо так стучать из – за пустяков.

И, сказав это надгробное слово, он опять взялся за карты.

– Ну, маменька, играйте внимательнее, я уже...

Но шаги Николо, бежавшего со всех ног по лестнице, прервали негодая, и перед взволнованною вдовою Фипар предстал ее незаконный супруг.

– Мы погибли! – крикнул он. – Коляр убит. Бельвильский господин... граф... ты знаешь?... Я бегу... старайся тоже удрать.

И Николо мгновенно и одним прыжком очутился за дверью и исчез в темноте.

– Мы погибли, – пробормотала в испуге вдова Фипар.

Но Рокамболь уже овладел собой.

– Не бойся, маменька, – сказал он. – Рокамболь с тобой! Мало ли что у нас может случиться. Из этого еще не выходит, чтобы ты была виновата во всем. Упади поскорее в обморок... это прекрасно и, главное, отлично доказывает невиновность.

Распорядившись таким образом, смелый мальчуган бросился на лестницу и заорал во все горло:

– Воры! Разбойники!

Когда он влетел в желтый кабинет, то ему представилась следующая картина: граф де Кергац стоял наклонившись над умирающим Коляром, а Леон Роллан, пришедший уже в себя, сидел на слесаре.

При виде Рокамболя Гиньон, бывший до сих пор простым зрителем, бросился на молодого кабатчика.

– Разбойники! – продолжал кричать Рокамболь и, сообразив, что здесь произошло что – то недоброе, хотел уже повернуть назад, но Гиньон догнал его и, схватив очень удачно руками, повалил на пол.

– Воры! Разбойники! – орал по – прежнему Рокамболь.

Но Гиньон, подняв нож, который только что перед этим выронил. Леон, приставил его к горлу Рокамболя и сказал:

– Если ты пикнешь еще, то будешь убит.

– Так как ты скотина, то я помолчу, – проворчал негодяй, не потерявший и в эту минуту своего дикого хладнокровия.

– Хорошо сыграно, – ворчал между тем Коляр, смотря с ненавистью на Армана, – вы в выигрыше, но капитан отомстит за меня!

– Негодяй! – вскрикнул де Кергац. – Неужели ты и перед смертью будешь скрывать преступление и умрешь без покаяния в грехах?!

– Вы ничего не узнаете, – пролепетал умирающий.

– Во имя бога, перед которым ты скоро предстанешь, – умолял де Кергац, – скажи мне: где Жанна и Вишня?

– А, – засмеялся Коляр, – вы хотите знать это, ваше сиятельство, ну, так знайте же, что Жанна любовница сэра Вильямса! А теперь вы больше ничего не узнаете. – И, произнеся эту фразу, он конвульсивно вытянулся и окончил свою грешную жизнь.

Тогда граф перешел к слесарю и, приложив свой пистолет к его лбу, грозно сказал:

– Говори, что ты знаешь, или прощайся с жизнью.

– Я ничего не знаю, – прохрипел тот, – мальчик должен знать кое – что.

Рокамболь слышал эти слова и прехладнокровно крикнул:

– Я – то все знаю! Арман вскрикнул.

– Я знаю, где они, – повторил Рокамболь.

– Говори же! – крикнул Гиньон, приставляя нож к его горлу.

– Ничего не скажу. Если хотите, то можете смело зарезать меня.

Тогда Арман подошел к нему.

– Денег, что ли, нужно тебе? – сказал он.

– Да, барин. Жизнь без денег ужасно глупая штука.

– Сколько же тебе нужно?

– На первый случай – всего десять луидоров.

Арман молча бросил ему кошелек.

– Теперь велите оставить меня.

Граф сделал знак рукой – и Гиньон немедленно отпустил Рокамболя.

Мальчуган был совершенно хладнокровен и спокоен. Он посмотрел на Армана, зевнул и сказал:

– Коляр все наврал. Сэр Вильямс похитил особу, но она еще не любовница его. Она, видите ли, не хочет этого.

– Где же она? – с живостью спросил граф.

– Недалеко отсюда. Я вас сейчас туда провожу.

– Идем же скорей!

– Идемте, идемте, – проговорил Рокамболь и, спрятав кошелек в карман, подошел снова к нему.

– Господин граф, – сказал он, – вы ведь человек рассудительный. Ведь это стоит дороже десяти луидоров.

– Ты получишь пятьдесят, если я только найду Жанну.

– Это дело, – проворчал Рокамболь и пошел вперед.

Арман, Гиньон и Леон последовали за ним. Слесарь был отпущен и немедленно убежал. Гиньон продолжал все еще держать Рокамболя за шиворот.

– Дурак ты, дурак, – заметил ему ребенок, – ты все еще думаешь, что я убегу. Я, брат, право, не прочь заработать пятьдесят луидоров.

Проходя через кабак, они увидели вдову Фипар, лежащую в обмороке.

– Бедная маменька, – проговорил Рокамболь, – она уж очень испугалась. Надо хоть поцеловать ее, – прибавил он насмешливым тоном.

И при этом наклонился, делая вид, что целует ее, а на самом деле быстро шепнул ей на ухо:

– Беги скорей... Я сыграю с ними шутку, и они ничего не узнают.

Старуха не пошевелилась и, казалось, была в самом деле в обмороке.

Рокамболь шел вперед, а за ним шел Гиньон, не выпускавший все – таки его из своих рук.

– Обе женщины, то есть Вишня и Жанна, находятся в маленьком домике, – говорил мальчуган. – Вот вы увидите.

Он вошел на мостик водяной мельницы и сказал Гиньону:

– Идите направо, приятель; если упадете в воду, то это будет очень плохая штука.

– Ступай сам направо! – ответил ему Гиньон.

– А плавать умеете? – спросил опять Рокамболь.

– Нет, – ответил работник.

– Ну, это плохо, – проворчал мальчуган, и, дойдя до середины мостика, где уже не было колеса, он сделал быстрое движение и, толкнув Гиньона, подставил ему подножку и вместе с ним полетел в воду.

– Посмотрим, по шерсти ли тебе дана кличка Guignon¹, – проговорил в это время маленький негодяй.

И в то же время он крикнул графу:

– Прощайте, господин граф, вы не узнаете, где Жанна.

Ребенок пошутил и надсмеялся над взрослым и остался верен сэру Вильямсу.

Делать было нечего.

Де Кергац и Леон Роллан проворно вернулись в кабак, рассчитывая узнать что – нибудь от старухи.

Но вдова Фипар уже исчезла.

Кабак был пуст, и Арман нашел в нем только один еще неостывший труп Коляра.

А теперь мы снова вернемся в Бретань.

¹ Неудачник (фр.).

Сэр Вильямс не терял здесь времени понапрасну; он поместился у кавалера де Ласси, который принял его со всем радушием скучающего человека, и в короткое время заслужил его полное расположение и привязанность.

Заручившись такими вескими данными, сэр Вильямс приступил уже к более решительным действиям.

Он открылся перед де Ласси в том, что любит Эрми – ну, но что, к несчастью, не пользуется ее расположением.

Де Ласси принял это сообщение близко к сердцу и решил помочь бедному англичанину, который так страдал из – за своей любви к Эрмине.

По его предложению была устроена большая охота на старого кабана, на которой присутствовал и господин Бопрео с дочерью.

Во время этой охоты сэр Вильямс имел возможность порисоваться в глазах молодой девушки, убив в двух шагах от нее старого кабана, на которого он бросился один.

Сцена была настолько потрясающая и вместе с тем страшная, когда сэр Вильямс храбро бросился на рассвирепевшего зверя, что с Эрминой сделалось дурно, и молодой англичанин стал представляться ей чем – то вроде героя.

– Каково? – пробормотал сэр Вильямс, возвращаясь с охоты и нагибаясь к господину де Бопрео.

– О, отлично, великолепно! – проговорил тот.

– Если бы у вашей дочери не двенадцати миллионов приданого, – заметил также тихо сэр Вильямс, – то я бы, поверьте, не стал рисковать: я ведь ставил на карту свою жизнь.

Вскоре после этой охоты он сделал предложение, но Эрмина письмом поблагодарила его за оказанную ей честь и ответила, что она все еще любит Фернана и не может забыть его.

Рокамболь, как и следовало ожидать, преспокойно себе выплыл на берег, обогрелся на барке и явился на другой день утром чуть свет в кабак.

Дверь этого милого заведения была отперта.

Вдова Фипар удрала отсюда еще вчера и скрывалась

теперь в павильоне, где жила Жанна. Рокамболь взобрался в первый этаж.

Труп Коляра все еще лежал в луже крови.

– Это скверно, – подумал он, – граф удрал и, конечно, не скоро явится сюда. Но первый, кто пожалует сюда, уведомит кого нужно, и тогда мы действительно пропали. Эх, бедняга, – продолжал он, поднимая труп, – и твое дело не лучше Гиньона.

В это время в нижнем этаже раздался маленький шум.

Рокамболь проворно схватился за нож.

Но в ту же минуту до него долетел хорошо знакомый ему голос:

– Эй, Рокамболь!

– Ладно, – пробормотал мальчик, – это наш Николо, трусить нечего.

Это был на самом деле паяц Николо, который пробродил всю ночь по полям, к утру немного успокоился и решил сходить узнать, что произошло после его бегства.

– Идите, тятенька, идите сюда! – крикнул ему мальчуган.

Николо взошел по лестнице и остановился, дрожа всем телом, на пороге желтого кабинета.

Юморист Рокамболь посадил труп Коляра и прислонил его к стене.

– Шабаш, – сказал он, показывая на него пальцем.

– А старуха? – спросил паяц.

– Улизнула, – ответил Рокамболь. – Ну, папенька, болтать некогда. Сначала нужно припрятать покойного господина Коляра. Это его нисколько не огорчит, а мы будем в выигрыше.

– Да ведь не мы же его убили, – заметил Николо, – и кто же смеет нас обвинять!

Рокамболь пожал плечами и презрительно посмотрел на паяца.

– Папенька, – сказал он, – хотя вы и не виновник моих дней, но, между нами сказать, я об этом не жалею.

– Что такое? – спросил Николо.

– А то, что вы глупы, как настоящий паяц, – продолжал Рокамболь, – у вас ум в ногах, а не в голове.

– Дурак, – проворчал Николо.

– Предположим, что сюда пожелает полиция, – продолжал Рокамболь. – Ну, конечно, нас с вами немедленно забирают и засаживают. Затем начинают рыться в разных бумагах; оказывается, что папенька Николо жил в одном портовом городе, откуда и вышел с волчьим паспортом и со всеми признаками бывшего каторжника.

– Черт побери! Я об этом действительно не подумал, – проворчал старый паяц.

– Что же касается до меня, – начал опять мальчуган, – так я улизнул из пансиона, куда меня поместила исправительная в ожидании моего совершеннолетия, и меня возвратят на старое место.

– Ты прав, – проворчал опять Николо, – но куда же мы денем твоего милого господина Коляра?

– Если бы дело было ночью, то я бы сказал, что мы похороним его в саду, но так как теперь уже день, то я думаю, что будет гораздо лучше спустить его в погреб. У нас есть старая пустая винная бочка, мы выбьем у ней с одной стороны дно, а потом заколотим отверстие.

Николо и Рокамболь подняли труп и спустили его в погреб, где мальчуган выбил у большой бочки дно.

Покойный господин Коляр, как выражался о нем шутник Рокамболь, был помещен в этот импровизированный гроб, и бочка была приперта к стене.

Затем распорядители этого погребения замыли кровь в желтом кабинете и привели все в порядок.

Когда все окончилось, Рокамболь налил себе стакан водки, закурил трубку, уселся на скамейку и, посмотрев на паяца, насмешливо сказал:

– Теперь, тятенька, мы можем потолковать и относительно наших дел.

– О чем толковать? – переспросил Николо.

– Черт побери, – ответил ему весело Рокамболь, – уж, конечно, не о политике.

Николо засмеялся.

– Конечно, – продолжал мальчуган, – господин граф, убивший покойного Коляра, не будет трубить об этом, но он, вероятно, захочет узнать, где сидят теперь девочки. А потому – то, если мы и безопасны в отношении полиции, то не то мы должны чувствовать в отношении к графу, поэтому мое мнение, что нам нужно удрать: вам с маменькой в Париж, а мне в порт Марли, где меня приютит дядя Морис. (Дядя Морис был содержатель кабака, пользовавшегося почти такою же славой, как и заведение вдовы Фипар).

– Твоя правда, – сказал Николо, одобряя совет мальчика. – Но как нам поступить с девочками?

– Я устрою все как нельзя лучше, – ответил ему на это Рокамболь, – я займу место Коляра.

– Ну, теперь, – добавил он, – марш вперед!

Они вышли.

Рокамболь взял кусок угля и написал им на двери кабака, которую запер на ключ: «Заперт по случаю банкротства».

Жанна, сидевшая все это время в павильоне, постоянно получала письма от сэра Вильямса, в которых он, выдавая себя, за графа де Кергаца, писал ей о своей глубокой любви к ней, о том глубоком счастье, которое ожидает его, если она полюбит его, и т. д. Все эти

письма были без подписи, и только два последних он осмелился уже прямо подписать «де Кергац».

Жанна ждала его приезда и не могла дожждаться.

Наконец, вечером, на закате солнца, раздался стук колес экипажа, катившего по песку главной аллеи. Жанна побледнела, хотела подняться, но силы оставили ее, и она не смогла встать со стула.

Дверь отворилась, и служанка Мариетта доложила: – Граф Арман де Кергац!

Жанна глухо вскрикнула; ей казалось, что все силы ее вдруг оставили.

Вернемся немного назад.

Когда Арман и Леон вышли из кабака в ночь убийства Коляра, то они скоро поняли, что им ночью здесь ничего не отыскать и не сделать, а потому и воротились в Париж.

– Граф! – проговорил Бастиан, встречая Армана. —

Мы теперь знаем, где сэр Вильямс, – и при этом он подал ему рапорт его тайной полиции.

В этом извещении было сказано, что сэр Вильямс едет по дороге в Бретань к кавалеру де Ласси. Арман задумался.

– Андреа, – сказал он, наконец, – это он. Надо торопиться, если мы хотим спасти Эрмину.

– Конечно, – заметил Бастиан.

– Ты сейчас же поедешь туда, мой друг, – сказал Арман. – Из Керлована ты можешь отлично наблюдать за всем, что делается в Манцаре и Женэ. Ты будешь писать мне ежедневно, и если понадобится, то я тотчас же приеду.

Бастиан уехал в Керлован ровно за двадцать четыре часа до начала охоты, на которой сэр Вильямс убил кабана.

Баронет явился Эрмине при романтических и драматических условиях; он явился ей героем темных приключений, человеком, играющим жизнью из – за улыбки. А теперь он хотел, чтобы она увидела в нем истинного джентльмена, холодного, сдержанного, меланхолического англичанина, строго следующего всем условным приличиям.

После охоты на кабана был большой обед, и во время этого стола он едва поднимал на нее свои глаза, но говорил умно и старался выказать и свое умственное превосходство, – словом, заботился выставить ей на вид свои нравственные качества в таком же ярком свете, как и физические. Простившись в этот день с Бопрео и баронессой, сэр Вильямс вздумал убедиться, не вернулся ли Арман в Керлован и не наблюдает ли он за его действиями.

Он направился по направлению к старому замку и дорогой от попавшегося ему навстречу крестьянина узнал, что в Керлован приехал управляющий графа Бастиан.

Сэр Вильямс не знал о побеге Баккара и о том, что теперь уже Арман де Кергац не мог больше сомневаться в его личности. Поэтому он хотя и опасался отчасти соседства Бастиана, но надеялся, что тот при встрече с ним все – таки его не узнает.

– Мне хочется, – сказал он себе, – постучаться в ворота замка и сделать визит этому Бастиану.

Баронету понравилась эта мысль. Достигнув дна лощины, где был поворот на Керлован, сэр Вильямс увидел на противоположной стороне утеса силуэт человека. Он увидел, что этот человек медленно спускался и направлялся ему навстречу. Затем явилась еще одна тень, и вдруг баронет очутился лицом к лицу с двумя людьми.

– Сэр Вильямс, – произнес чей – то голос, заставивший мнимого англичанина невольно содрогнуться.

– Это он. Я его узнаю, – твердила другая личность.

Баронет узнал голоса Бастиана и старого сумасшедшего Жерома, некогда жившего у его отца Фелипоне.

Тогда сэр Вильямс инстинктивно схватился за седельные кобуры, ища своих пистолетов. Но их не было.

Конюх кавалера де Ласси, седлая накануне его лошадь для охоты, вынул пистолеты, чтобы вычистить их, и забыл потом положить на место.

Бастиян разговорился с сэром Вильямсом, дал ему понять, что он знает все о двенадцати миллионах и зачем баронет вздумал жениться на Эрмине, и, наконец, предложил ему сойти с лошади и поговорить с ним.

Хотя сэру Вильямсу все это было больше чем неприятно, но ввиду необходимости он исполнил это требование Бастияна.

– Милостивый государь, – начал хладнокровно старый гусар, – раньше всего я хочу поговорить с вами об одной вашей знакомой.

– Как ее зовут?

– Баккара.

– Я ее не знаю, – ответил спокойно баронет.

– Вам, конечно, изменяет ваша память, потому что вы же засадили ее в дом умалишенных.

Сэр Вильямс заметно побледнел.

– Да, – продолжал Бастиян, – она вышла, и мы теперь все знаем...

– Так вот, эта Баккара вышла оттуда.

– Вышла! – вскрикнул баронет, выходя из своей роли.

– А, наконец вы себе изменили, – заметил при этом Бастиян. Сэр Вильямс кусал себе губы.

Затем Бастиян вскочил на лошадь сэра Вильямса и предложил ему идти перед собой.

Сэр Вильямс видел в его руке пистолет, а потому и не счел нужным заставлять упрашивать себя. Они двинулись в путь.

– На этот раз, – думал Бастиян, – он у нас в руках, и, хотя бы пришлось убить его, он не ускользнет из моих рук.

Вдруг сэр Вильямс споткнулся и упал, потом, когда доверчивый Бастиян думал, что он сейчас подымет и пойдет дальше, ловкий и быстрый, как змея, баронет скользнул под брюхо лошади и всадил ей кинжал в бок. Лошадь зашаталась. Бастиян страшно вскрикнул и полетел с крутизны вниз. Сэр Вильямс сбросил лошадь и всадника с высоты утеса в море.

Вслед за криком Бастияна раздался глухой шум, и потом наступило мертвое молчание. Лошадь и человек разбились о скалы, покрытые пеной морского прибоя.

На этот шум вернулся безумный Жером и, не видя Бастияна и лошади, бросился на сэра Вильямса, который держал в своей руке кинжал.

Баронет был молод, изворотлив и силен, но и старик, несмотря на свой возраст, сохранил редкую силу.

Но вдруг старик глухо застонал, руки его разжались.

– Убийца! – прошептал он в последний раз и упал навзничь.

Тогда баронет спокойно скрестил руки и сказал:

– Я решительно сильнее всех этих людей.

И затем он отправился дальше пешком.

– Жалко лошади: мне за нее давали две тысячи экю, – проговорил он.

Это было надгробное слово в память старого гусара.

И на этом сэр Вильямс опять торжествовал.

* * *

Прошло еще несколько дней, и, наконец, Эрмина согласилась выйти за сэра Вильямса, но только тогда, если он докажет невиновность Фернана Роше.

Баронет вполне согласился с ее желанием и в тот же день уехал в Париж.

Теперь он был уже вполне уверен, что двенадцать миллионов не минуют его карманов.

Приехав в Париж, сэр Вильямс очень удивился, когда его камердинер доложил ему, что Коляр не был уже несколько дней.

– Что бы это значило? – подумал баронет.

Но его размышления были прерваны появлением Рокамболя, который насвистывал самым беспечным образом.

При виде Вильямса он тотчас же перестал свистеть и снял почтительно свою шапку.

– Иди сюда! – крикнул ему баронет.

– Двигаюсь по вашему приказанию.

– Откуда ты пришел и где Коляр?! – крикнул на него сэр Вильямс.

– Отчего же и не сказать, – ответил мальчуган, и при этом он принял таинственный вид.

Вильямс не возражал, он понял, что в его отсутствие произошли какие – то важные события. Он ввел мальчугана в зал своего отеля и запер за ним дверь.

– Ну, рассказывай теперь!

– Птички чуть не улетели.

– А что же делал Коляр?

– Он в матушкином кабаке в Буживале, вот уже пять дней, как покоится в погребе – в пустой бочке.

– Что ты врешь?!

– Да чем же, черт возьми, бочка не приличный гроб.

– Да что ты толкуешь о гробе?

– Коляр умер, надо же было похоронить его.

– Как! Умер?!

– В Буживале, пять дней тому назад, от выстрела в грудь. Его убил граф.

– Граф! – вскричал баронет, задрожав всеми членами.

– Да, граф де Кергац.

– Следовательно, Арман отыскал Жанну! – с ужасом вскрикнул опять капитан.

– Ну нет. – И Рокамболь рассказал ему все, что произошло.

Сэр Вильямс выслушал все очень внимательно.

– Ну, это еще не важность, – заметил он. – Итак, кабак опустел со времени его убийства?

– Да, капитан.

– А предполагаешь ли ты, что Коляра можно еще узнать?

– Конечно, в подвалах люди долго сохраняются.

Капитан несколько подумал и решил, что для освобождения Фернана всего удобнее взвалить всю вину на мертвого.

Затем он расспросил Рокамболя о Николо и нашел нужным пожертвовать им для этого же дела.

– Твоя мать и ты покажете, что Коляр был убит Николо, – приказал он.

Рокамболь пожал плечами.

– Да ведь он поплатится за это головой, – заметил мальчуган.

– Конечно. Так что же?

– Да ведь он невиновен!

– Ты еще молод, – проговорил баронет равнодушным тоном.

– Следовательно, эта неудача – великая преступница, – сказал Рокамболь. – Впрочем, – добавил он уже про себя, – это не огорчает меня, он уже успел порядочно надоесть нам.

А теперь несколько слов о Жанне.

Когда сэр Вильямс вошел к ней, то она сейчас же увидела, что это не то лицо, которое она знала как графа Армана де Кергаца.

Для того, чтобы уверить её в противном, сэр Вильямс призвал служанку Марианну и Вишню, которая тоже подтвердила его слова.

Он рассказал ей, что тот, кто выдавал себя за него, просто негодный мерзавец, – его лакей Бастиан, который нарочно и устроил всю историю в «Бургонских виноградниках».

– Этот негодяй был мой лакей – добавил он.

Жанна вскрикнула и упала без чувств.

Она любила лакея!

Когда она очнулась, около нее уже не было баронета и сидела только одна Вишня, которая и подала ей письмо от него.

В этом письме сэр Вильямс писал ей, что он хорошо сознает, что она не может полюбить его сейчас же, и потому он надеется на время, которое, быть может, устроит все так, что по его возвращении она и согласится принять его руку и имя.

Жанна прочла это письмо и залилась слезами.

Уже поздней ночью сэр Вильямс и Рокамболь спустились в погреб, где лежал Коляр.

Здесь баронет вынул из его кармана часы и кошелек с деньгами и на место их вложил письмо, писанное рукой Коляра к одной девице, живущей в Лондоне, в котором он уведомлял ее, что ему удалось обокрасть начальника отделения в Министерстве иностранных дел г. Бопрео и что он скоро приедет к ней с кучей банковских билетов.

На другой день после этого Николо по заявлению вдовы Фипар был арестован, и на обыске в его комнате были найдены часы и кошелек убитого, которые ему подбросил Рокамболь.

Коляр был вынут из бочки и доставлен в полицейскую префектуру. Письмо, написанное сэром Вильямсом, было найдено, и Фернан Роше был немедленно освобожден, а сэр Вильямс, не теряя понапрасну времени, уехал в Бретань с известием, что ему удалось оправдать Фернана, хотя тот и был вполне виноват в этой краже.

Эрмина решила сдержать свое слово и сделаться его женой.

К Арману прискакал его лесничий из Керлована и рассказал ему все, что произошло там.

Трупы Бастиана и Жерома были найдены на берегу моря.

Но Арман де Кергац не поддался на этот обман – ор понял, что низость, Андреа опять восторжествовала, и немедленно собрался в дорогу.

Еще несколько минут – и Эрмина должна была подписать свой свадебный контракт.

Это было в замке баронессы де Кермадэк.

Гости уже все собрались, жених с невестой были тоже готовы, наступила торжественная и главная минута.

– Господин нотариус, – сказала баронесса де Кермадэк, – не угодно ли прочитать контракт?

Но в эту самую минуту во двор замка въехала почтовая карета.

Из нее вышли три человека. Сэр Вильямс почувствовал, что ему дурно.

Эрмина задрожала, и ее сердце радостно забилося новой надеждой.

Дверь комнаты отворилась, и на пороге появился человек.

– Граф Арман де Кергац, – доложил человек.

Арман медленно подошел к баронессе.

– Извините меня, – сказал он, – что я осмелился явиться к вам без приглашения в это торжественное время, но меня принудили к этому особенно важные обстоятельства.

– Граф, – ответила ему баронесса, – что бы ни заставило вас быть теперь здесь, я от души рада вас видеть в своем замке.

– Я душеприказчик покойного барона Кермона де Кермаруэ, умершего два месяца тому назад и оставившего после себя двенадцать миллионов наследства.

Затем Арман попросил баронессу предложить нотариусу оставить на несколько минут эту комнату.

Когда это было исполнено, граф подошел к госпоже де Бопрео и, показав ей ее медальон, спросил:

– Сударыня, не узнаете ли вы эту вещь?

Арман видел, как бедная Тереза опустила голову, и по выражению ее лица убедился, что это была именно та, кого он так долго искал.

– Надо будет изменить свадебный контракт, – сказал тогда граф, – так как барон Кермор де Кермаруэ назначил своей наследницей госпожу Эрмину де Бопрео.

Сэр Вильямс был ошеломлен, госпоже Кермадэк показалось, что она видит все это во сне. После этого Арман подошел к Вильямсу.

– Вы были очень ловки, но все ваши козни рушились. Мне даже говорили о мошеннике, бежавшем из Лондона и переименовавшем свое имя. Но теперь все нити вашей интриги против наследства этой девушки находятся в моих руках.

Затем он позвал Фернана и Баккара, которые рассказали все, что произошло.

– Слышишь ли, демон, твои козни и тут рушатся. Зло побеждено. Слышишь ли, Андреа?

И при этом же де Кергац показал на дверь проклятому брату и грозно крикнул:

– Вон!

Фернан и Эрмина упали в объятия друг друга. Сэр Вильямс уходил, но его глаза сверкали мрачным огнем.

В дверях он обернулся к Арману и злобно сказал:

– Брат! Ты еще торжествуешь, но наступит и мой час: я буду отомщен.

И почти в то же время госпожа Бопрео подошла к своему мужу и резко проговорила:

– Я надеюсь, милостивый государь, что вы не будете присутствовать на свадьбе моей дочери и человека, которого вы так низко оклеветали.

Господин Бопрео молча вышел и последовал за сэром Вильямсом.

Тогда встала и Баккара.

– Прощайте! Прощайте, господин Фернан, будьте счастливы, – пробормотала она и тихо хотела выйти.

Но Арман подбежал к ней и удержал ее за руку.

– Погодите, дитя мое, – сказал он, – подите сюда и обопритесь на меня. Как бы ни были велики ваши ошибки и преступления, но бог простит вас, так как он прощает тех, кто много страдал.

– Идем, тестюшка, – говорил сэр Вильямс, усаживаясь с Бопрео в почтовую карету графа де Кергаца, – нас победили, но мы отомстим за себя. Поедем. Вы получите Вишню, а я сделаю из Жанны свою любовницу.

И они уехали.

Когда сэр Вильямс приехал в Буживаль, он застал обеих девушек вместе.

Жанна увидела его, и ей овладел какой-то панический испуг, она дрожала, как молодая лань.

Сэр Вильямс бросился к ее ногам.

– Вас ли я вижу? – говорил он, покрывая страстными поцелуями руки молодой трепещущей девушки.

Через несколько минут после этого сэр Вильямс вспомнил о Вишне.

– Дитя мое, – сказал он, – вы сейчас увидите с Леоном.

Вишня радостно вскрикнула, вздрогнула и опустилась на стул, тогда сэр Вильямс подбежал к ней и, вынув из кармана маленький флакончик, дал из него молодой девушке несколько капель. Вишня сейчас же оживилась.

– Моя милая, – сказал ей тогда Вильямс, – бегите скорее в павильон, где вас мучила эта старуха. Будьте спокойны, ее уже больше нет там. Войдите в ту комнату, где вы жили, и ожидайте там, Леон сейчас придет.

Сказав это, сэр Вильямс проводил Вишню до двери и запер за ней дверь.

Затем он вернулся опять к Жанне.

Сердце Вишни сильно билось.

Она живо добежала до известного ей павильона и нашла там все в том же виде, как было и при ней.

Прошло несколько минут, дверь павильона отворилась, и в комнату вошел человек.

– Леон, – подумала девушка и, обернувшись назад, испуганно вскрикнула.

Перед ней была гаденькая личность начальника отделения Бопрео.

Вишня сразу узнала этого человека в длиннополом синем сюртуке и с орденской ленточкой в петличке.

Бопрео вошел и запер за собою дверь.

– Ах, моя миленькая крошка, – начал он полулюбезно, полунасмешливо, – как я рад увидиться вновь с вами.

Вишня в ужасе отступила несколько шагов назад.

– Как! – засмеялся Бопрео, – вы думаете и теперь убежать от меня, от вашего друга. Ай! ай! ай!

И он побежал к ней, но Вишня отскочила от неге и забежала за стол.

– Перестань глупить, моя душечка, успокойся, – заметил насмешливо старый ловец, – будь уверена, что теперь ты не уйдешь от меня.

– Леон! Леон! Ко мне, сюда! – кричала молодая девушка, совсем потерявшись.

Бопрео расхохотался.

– Экий шутник сэр Вильямс, – сказал он, – он вас уверил, что придет Леон. Это я вас ждал, душечка! Леон не придет. Мы здесь совершенно одни. Дверь заперта, а сэру Вильямсу нет нужды в этот раз разыгрывать роль протектора.

– На помощь, ко мне, Леон! – кричала, чуть не задыхаясь, Вишня.

Она поняла, что ее ждет гибель, и молодая девушка попробовала опять убежать, но Бопрео догнал ее.

В продолжение нескольких минут Вишня бросалась в разные стороны и не находила нигде себе защиты от преследований старичка.

Но вскоре она почувствовала, что ею начинает овладевать глубокий сон и голова ее становится тяжелей.

Сэр Вильямс дал ей принять какую – то наркотическую жидкость.

Бопрео уже начинал торжествовать, но в эту минуту на лестнице раздались чьи – то шаги, громкие крики, и через секунду дверь была выломана.

В комнату вбежали два человека.

Один из них бросился прямо на Бопрео, мгновенно свалил его с ног и, наступив на его грудь коленом, грозно крикнул:

– Презренный негодяй! Ты напрасно сказал ей, что я не приду.

Эти два человека были граф Арман де Кергац и Леон Роллан.

– Леон, – прошептала в это время чуть слышно Вишня, – мне кажется, что я умираю. Но в эту минуту она вздрогнула, встрепенулась и, как бы придя на мгновение в себя, проговорила:

– Жанна... там... в большом доме... Спасайте Жанну!

Но как же они успели попасть вовремя?

Это случилось при помощи Рокамболя.

Сэр Вильямс, уезжая в Бретань, нанял мальчугана оберегать Вишню и Жанну и обещал уплатить ему за это двадцать тысяч франков при получении двенадцати миллионов приданого Эрмины.

Когда он вернулся из Бретани, то Рокамболь сейчас же смекнул, что дело, должно быть, не удалось.

Арман тоже не медлил и достиг Парижа только двумя часами позже сэра Вильямса.

Зная, что Жанна находится еще в руках этого негодяя, он тотчас же по приезде в Париж и не заезжая домой, поскакал в Буживаль.

Здесь Леону Роллану посчастливилось схватить Рокамболя, который и нашел более выгодным для себя сторговаться с Арманом и, взяв с него обещание, что тот: ему уплатит пятьдесят тысяч франков, указать, где находились молодые девушки.

Оставшись наедине с Жанной, сэр Вильямс употребил все свое красноречие и всю силу своих демонских способностей, чтобы увлечь молодую девушку.

Еще несколько мгновений – и... кто знает, что бы было. Но сэр Вильямс чересчур уж забылся и начал целовать ее.

Жанна вздрогнула и отшатнулась.

– Нет, – проговорила она, – вы не Арман де Кергац. Он не сделал бы этого.

Тогда сэр Вильямс, в свою очередь, вздрогнул и, как ужаленный, приподнялся.

– Да, – ответил он зло – насмешливым тоном, – я не Арман де Кергац. Я брат его, тот несчастный Андреа, которого он проклял. Но, несмотря на это, вы меня все – таки полюбите.

И он бросился на Жанну.

– Мы одни, – говорил он, – Арман не спасет вас!

Но при этих словах дверь комнаты, где происходила эта сцена, с шумом распахнулась, и на пороге ее показался граф Арман де Кергац.

– Ты ошибаешься, Андреа, – крикнул он, – и для тебя наступил час смерти, но не мщения. На колени! На колени, негодяй! – И Андреа увидел перед собой дуло пистолета.

Как он ни был храбр, но, наконец, понял, что теперь для него все потеряно.

Тогда Арман обратился к Жанне.

– Этот человек вас обидел и оскорбил, – сказал он, – но мы дети одной матери. Хотите или нет простить его?

– О, прости! Мой Арман! – прошептала Жанна, и в этих словах вылилась вся глубина ее души.

Тогда Арман поднял свой пистолет и обратился к сэру Вильямсу.

– Ради нашей матери, которую ты убил, ради твоей жертвы Марты и, наконец, во имя этого честного ребенка, которого ты оскорбил, – я прощаю тебя. Иди, проклятый, и да помилует тебя когда – нибудь бог, как ты никогда и никого не миловал.

А в той части церкви, где обыкновенно в средние века помещались кающиеся, стояла на коленях, одетая во все черное, молодая послушница – сестра Луиза.

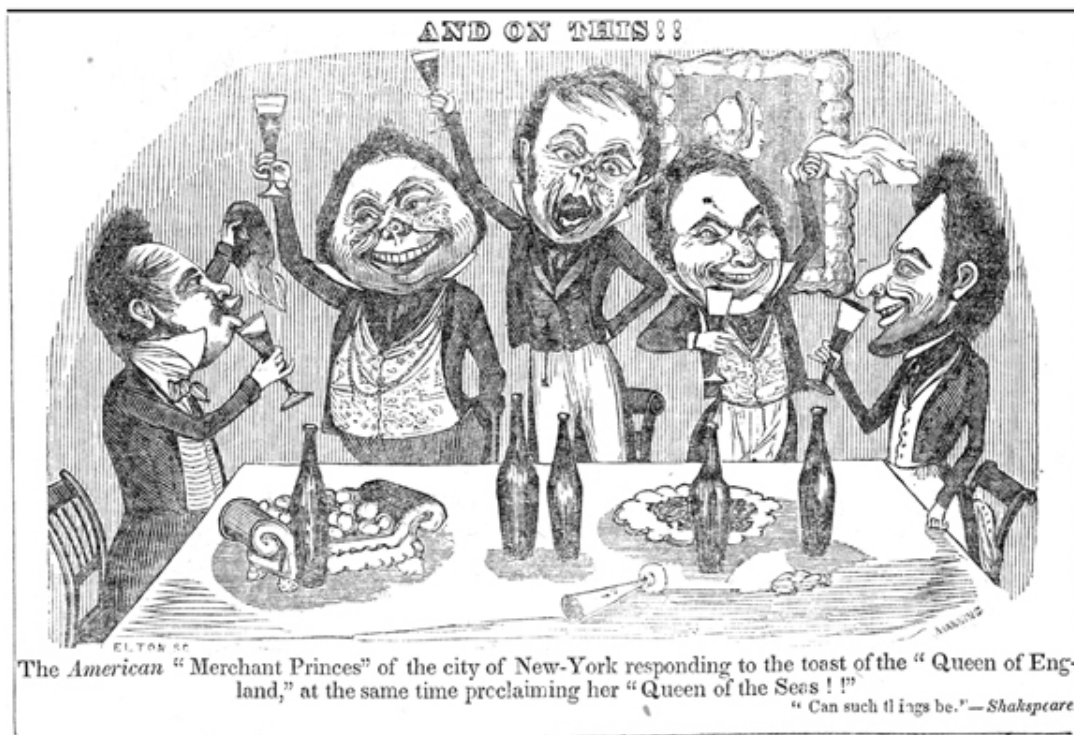
В мире кутил и камелий она была известна под именем Баккара.

* * *

Через неделю после этого, в одно прекрасное утро, часов в одиннадцать в церкви св. Луи венчались одновременно три пары: граф Арман де Кергац женился на Жанне де Бальдер, Фернан Роше – на Эрмине де Бопрео, а Вишня выходила замуж за честного работника Леона Роллана.

* * *

Книга III. Клуб червонных валетов

I

Однажды вечером по дороге в Ниверне ехала почтовая коляска.

Это было осенью, то есть, вернее, в конце октября 1849 года.

В этой коляске, верх которой был опущен, сидели мужчина и дама и между ними помещался прехорошенький четырехлетний ребенок.

Господину было не больше тридцати семи или восьми лет. Он был высокого роста, брюнет с голубыми глазами.

Женщине могло быть не больше двадцати пяти лет, она была блондинка с выразительным и привлекательным взглядом, хотя во взгляде ее больших черных глаз проглядывало как будто затаенное горе.

Сзади их коляски помещались два лакея.

Эти путешественники были не кто иные, как граф и графиня де Кергац, возвращавшиеся из Италии в свое прелестное имение Магни, где они хотели провести остаток осени, чтобы вернуться в Париж не раньше как в половине декабря.

Граф и графиня уехали из Парижа через неделю после их свадьбы и провели медовый месяц в Италии, на берегу Средиземного моря, в прелестной вилле, которую граф купил в окрестностях Палермо.

После этого они возвратились опять в Париж и поместились в отеле графа, в улице св. Екатерины.

Но перемена воздуха подействовала так губительно на здоровье Жанны де Кергац, что граф, опасаясь за ее жизнь, тотчас же вернулся опять в талию, где и прожил с лишком три года.

Но, наконец, они вспомнили и о своей родной Франции; желание увидеть старые родные места заставило их решиться вернуться домой.

Они доплыли на пароходе до Неаполя, проехали всю Италию, побывали в Риме, Венеции и Флоренции и возвратились во Францию через Варнский департамент – эту миниа-тюрную Италию. Через две недели после этого мы уже встречаем их в почтовой коляске на дороге в Ниверне, в нескольких часах езды от замка де Магни, который был куплен графом де Кергацем года три тому назад, то есть до вторичной поездки в Италию.

– Жанна, моя милая, – говорил Арман, играя белокурыми волосами маленького Гон-трана, – тебе не жалко теперь нашей виллы в Палермо, этой обетованной земли?

– О, нет! – ответила Жанна, – для меня будет везде обетованная земля, где ты будешь со мной.

Ангел мой, – говорил Арман, я так счастлив с тобой, что бог, может быть, лишит меня даже части рая.

– Если ты хочешь, друг мой, – добавил он, – то мы проведем всю осень в Магни и вернемся в Париж только в январе.

– О, как бы я хотела этого, этот город так черен... и наводит на столько ужасных вос- поминаний.

Арман вздрогнул.

– Бедная моя Жанна, – проговорил ласково граф, – я вижу то беспокойство, которое проглядывает теперь в твоих глазах, и я понимаю тебя.

– Нет, Арман, ты ошибаешься. Но знаешь, счастье так подозрительно и беспокойно.

И при этих словах она ласково, но как-то грустно посмотрела на Армана.

– Так как, – продолжал граф, – даже и в Палермо у тебя не раз срывалось с языка одно роковое и проклятое имя.

– Андреа, – прошептала в сильном волнении молодая женщина.

– Да, Андреа. Помнишь, как я часто повторял: «Я боюсь адских замыслов этого чело- века». Мне кажется, что наше счастье преследует его, как угрызение совести. Боже! Если бы он знал, что мы здесь.

– Да, – прошептала графиня, – я говорила тебе это, мой милый Арман, но я была тогда в каком-то сумасшествии, забывая, как ты благороден и силен. С тобой я могу жить повсюду, не опасаясь ничего.

– Ты права, дитя мое, – ответил ей растроганный граф. – Я силен, чтобы защитить тебя, силен потому, что бог со мной и назначил меня твоим покровителем.

Жанна бросила на своего мужа взгляд глубокой надежды, доверия и любви.

– Я очень хорошо знаю, – продолжал Арман, – что Андреа принадлежит к числу тех людей, к счастью, очень редких в настоящее время, которые подняли знамя зла на нашей земле. Знаю также и то, что его адский гений долго не унимался в борьбе со мной и что эта борьба была ужасна и жестока, но, успокойся, дитя мое, наступил час, когда и этот демон осознал, что его борьба бессильна, и этот-то час наступил уже давно для Андреа, и он оста- вил нас в покое, не думая больше преследовать нас.

Арман вздрогнул и опять продолжал:

– На другой день после нашей свадьбы, мой дорогой ангел, я послал этому недостой- ному брату через Леона Роллана двести тысяч франков, приглашая его оставить Францию и уехать в Америку, где все могло Постепенно забыться и он мог раскаяться. Не знаю, оза- рил ли господь бог светом душу этого человека, но, по крайней мере, моя полиция, которую я вверил на время моего отсутствия Фернану Роше, эта полиция может подтвердить, что Андреа выехал из Франции и не возвращался больше назад. Кто знает, может быть, он и умер.

– Арман, – прошептала молодая женщина, – к чему делать подобные предположения?

Вместо ответа граф нежно поцеловал ее в лоб.

– Но к чему, – продолжал он, – вспоминать о старом горе. Будем жить счастливо, заботясь о своем ребенке, помогая бедным и утешая их, насколько возможно.

Коляска продолжала быстро катиться вперед и вперед, когда вдруг ямщик громко и грубо крикнул кому-то: «Берегись!»

Этот крик невольно заставил молодых супругов прекратить их разговор и посмотреть на ту личность, из-за которой это произошло.

Посередине дороги лежал неподвижно какой-то оборванный человек.

– Берегись, пошел! – повторил ямщик.

Но он не двигался, хотя передние лошади были всего в нескольких шагах от него.

Ямщик крикнул еще, но, видя, что человек не поднимается, он остановил лошадей и сошел с козел.

– Верно, пьяный, – заметил де Кергац и, обратившись к своим лакеям, приказал одному из них посмотреть, чтобы человеку не сделали какого-нибудь зла.

Лакей соскочил с заднего сиденья и подбежал к лежавшему.

Это был нищий, весь в рубище, он был без чувств.

– Бедняга! – прошептала графиня, между тем как у ней на глазах показались слезы, – может быть, он упал от истощения и голода.

– Поскорей, Франсуа, достаньте из корзинки бутылку малаги и что-нибудь из кушанья.

Арман вышел из коляски и подбежал к нищему.

Он был почти молодой человек, хотя на его лице уже ясно отпечатались глубокие следы горя и лишений.

Граф нагнулся к нему, заглянул в его лицо и невольно вскрикнул:

– Боже! Какое ужасное сходство с Андреа!

Госпожа де Кергац подошла к нему и, взглянув на лицо лежавшего, подобно графу, не могла заглушить в себе крик удивления, смешанного с ужасом.

– Андреа! – прошептала она.

Хотя между тем было почти невероятно, чтобы сэр Вильямс – этот элегантный молодой человек – мог дойти до такого ужасного положения и бродить по дорогам в почти раздетом виде и без обуви.

Но как бы то ни было, если даже это был и он, то лицо этого человека ясно говорила, сколько он вынес страданий и горя.

А между тем, это были его черты, его рост, его волосы.

Лакеи подняли этого человека, а Арман дал ему понюхать спирту.

Многих хлопот стоило привести этого бедняка в чувство. Наконец, он вздохнул и пробормотал несколько непонятных слов.

– Было очень жарко... я был очень голоден... я не знаю, что произошло, но я упал...

Говоря таким образом, нищий бессмысленно оглядывался по сторонам.

Но вдруг он взглянул на Армана, задрожал и, сделав несколько усилий, хотел вырваться у поддерживавших его лакеев и бежать.

Но его ноги были распухшими от долгой ходьбы, и он не был в состоянии сделать даже двух шагов.

– Андреа! – вскрикнул Арман, – Андреа, ты ли это?

– Андреа? – повторил нищий глухим голосом, – зачем вы мне говорите об Андреа? Он умер. Я его не знаю. Меня зовут Жером, нищий.

И при этом все его члены дрожали. Но силы изменили ему опять, и он снова упал в обморок.

– Это мой брат! – проговорил граф, который уже при одном виде его в таком ужасном и жалком положении простил ему мгновенно все те преступления, которые он сделал против графа и его жены.

– Твой брат, – повторила графиня де Кергац, и ею овладело то состояние, в котором находился Арман.

Нищего перенесли в коляску, и граф крикнул ямщику:

– До Магни остается всего три лье – хоть убей лошадей, а доезжай до этого замка в три четверти часа.

Ямщик ударил по лошадям, и коляска понеслась быстрее молнии.

Когда через некоторое время после этого нищий открыл свои глаза, он находился уже не на большой дороге, но в постели, стоявшей в обширной и хорошо меблированной спальне.

Около него сидели мужчина и женщина и внимательно слушали, что говорил низенький человек – доктор.

– Эта продолжительная бесчувственность, – говорил врач, – происходит от чрезмерного изнурения организма голодом, сопряженным с громадными переходами. Вы видите – ноги распухли. Он сделал со вчерашнего дня, вероятно, не менее двадцати лье.

– Андреа, – прошептал де Кергац, нагибаясь к нищему, – ты здесь у меня... у своего брата... у себя.

Андреа, так как это был действительно он, продолжал смотреть на него испуганным взором. Судя по выражению его лица, можно было подумать, – что он видит какое-нибудь ужасное видение, которое тщетно желает прогнать от себя.

– Брат, – повторил де Кергац растроганным ласковым голосом, – брат, ты ли это?

– Нет, нет, – бормотал он, – я не Андреа, я нищий, у которого нет ни родных, ни крова. Человек, которого преследует страшная судьба и которого постоянно мучают угрызения совести. Я один из тех великих преступников, которые добровольно приняли на себя обет скитаться всю жизнь.

Граф де Кергац радостно вскрикнул.

– О, брат! – прошептал он, – наконец-то ты раскаялся.

И при этих словах он сделал знак рукой. Жанна поняла его и вышла вместе с доктором. Когда Арман остался один с виконтом Андреа, он взял его за руку и сказал:

– Мы дети одной матери, и если ты искренне раскаялся...

– Наша мать... – прервал его глухим голосом Андреа. – Я был ее палачом, – и затем добавил:

– Брат, когда я отдохну немного и когда мои распухшие ноги позволят мне продолжать мой путь, ты мне позволишь, конечно, опять идти. Кусок хлеба и стакан воды – вот все, что мне нужно. Нищему Жерому ничего больше не нужно.

– Боже! – прошептал граф де Кергац, сердце которого болезненно сжималось при виде его. – До какого ужасного, брат, ты дошел положения?

– До добровольной нищеты, – ответил ему тихо Андреа. – Раз раскаяние осенило мою душу, и я решился искупить все мои преступления.

Я не растратил те двести тысяч франков, которые получил от тебя, но положил их в нью-йоркский банк, а проценты с этого капитала поступают ежегодно в кассу для бедных и больных. Я теперь не нуждаюсь ни в чем. Я посвятил себя хождению по миру и прощению милостыни. Я ночую обыкновенно в конюшнях или просто где-нибудь около дороги. Может быть, когда-нибудь в будущем бог, которому я молюсь и день и ночь, смилуется надо мной и простит меня.

– Аминь! – прервал его граф. – Во имя великого бога, я прощаю тебя, брат!

И, обняв Андреа, он добавил:

– Мой возлюбленный брат, хочешь ли ты жить вместе со мной, не как мошенник или преступник, но как мой друг, мой равный – сын моей матери, как заблудившийся грешник, для которого, после его раскаяния, открылись объятия всех? Оставайся, брат, между мной, моей женой и ребенком ты будешь счастлив, так как ты прощен!

Через два месяца после этой сцены мы встречаемся с графом Арманом и его женой во время их разговора в маленьком кабинете их старого отеля в улице св. Екатерины в Париже. Это было в начале января, часов в десять утра.

– Мое милое дитя, – говорил граф, – я был вполне счастлив твоей любовью ко мне, но теперь я положительно счастливейший человек во всем мире с тех пор, как раскаяние моего дорогого брата возвратило нам его.

– О, – возразила Жанна, – бог велик и добр, и он настолько смиростивился над ним, что он сделался теперь человеком святой жизни.

– Бедный Андреа, – прошептал граф, – какую примерную он ведет теперь жизнь. Какое раскаяние! Моя милая Жанна, я открою тебе ужасную тайну, и ты увидишь, насколько он изменился.

– Боже! Что же это еще? – спросила она с беспокойством.

– Ты ведь знаешь, на каких условиях Андреа поселился у нас, то есть он по наружности только живет нашей жизнью, на самом же деле он занимает маленькую холодную комнатку на чердаке, проводит все свое время в посте и молитвах и не позволяет себе никогда ни малейшей прихоти, ни излишества.

– И, – добавила Жанна, – молится ежедневно с раннего утра до десяти часов.

– Это все еще пустяки, – перебил ее снова граф, – ты не знаешь, дитя мое, самого главного.

– Я знаю, – возразила Жанна де Кергац, – что нам стоило громадного труда и усиленных убеждений, чтобы удержать его от поступления в монастырь. Я знаю даже и то, что он ежедневно в десять часов утра уходит из отеля в улицу Коломбьер, где под скромным именем Андре Тиссо занимается в каком-то коммерческом доме перепиской бумаг, просиживая за этим делом до шести часов вечера и получая за свой труд скромное вознаграждение в сто франков в месяц.

– И он вынудил меня брать с него ежемесячно восемьдесят франков, – добавил Арман.

– Такое раскаяние, такое самоуничуждение, такая примерная жизнь, – пробормотала Жанна в восхищении, – должны быть угодны богу, и я уверена, что он уже давно прощен.

– О, это все еще пустяки, мой друг, – продолжал граф, – если бы ты знала...

– Да говорите же, – возразила Жанна, – говорите, Арман, я хочу все знать.

– Андреа носит на себе власяницу, и все его тело представляет из себя сплошную рану. Госпожа де Кергац вскрикнула.

– Это ужасно! – сказала она. – Это ужасно! Но как ты...

– Узнал, ты хочешь сказать?

– Да, – ответила графиня, кивая утвердительно головой.

– Сегодня ночью я долго не спал, занимаясь с Фернаном Роше и Леоном Ролланом. Они ушли от меня в два часа ночи. Еще за обедом я заметил, что Андреа был очень бледен, да к тому же и он сам жаловался на свое нездоровье. Итак, беспокоясь об нем целый вечер, я вздумал ночью навестить его. Ты ведь знаешь, что он сделал распоряжение, чтобы в его комнату никогда не входили слуги, так как он уверял, что делает это для того, чтобы самому убирать ее и делать себе постель. Но сегодня ночью я убедился, что ему незачем было делать постель, которая оставалась всегда нетронутой, – Андреа спал на голом холодном полу, не покрываясь ничем, кроме своей власяницы.

– Боже! – вскричала графиня, – и это в январе месяце!

– Он убьет себя, – проговорил, глубоко вздыхая, граф. – Я поднялся осторожно по лестнице и подошел к его двери. Постучав в нее и не получив никакого ответа, я приотворил ее и вошел в его комнату, и какую же ужасную картину я увидел перед собой: Андреа лежал на полу, около него горела свеча, а рядом с ней открытый том сочинений св. Августина. Несчастный от сильной усталости заснул, читая книгу. Тогда-то я увидел, что вся его спина и грудь были исцарапаны до крови ужасной власяницей. И в эту минуту я понял, почему иное неловкое движение заставляло не раз бледнеть его лицо и проявлять на нем следы мучений.

– Арман, – прервала его госпожа де Кергац, – мы должны употребить все усилия, чтобы убедить его перестать терзать себя. Вы должны поговорить об нем со священником церкви св. Лаврентия, которого он избрал своим духовником.

Граф опустил голову.

– Андреа непоколебим, – прошептал он, – и я опасюсь, что он погибнет под тяжестью этих добровольных испытаний. Он ужасно похудел и побледнел, он спит только тогда, когда усталость и утомление сбивают его с ног. Андреа необходим свежий воздух, деятельность и разнообразие. Я бы хотел убедить его сделать какое-нибудь путешествие. Но, увы! он мне, наверно, откажет в этом, и кто знает, а может быть, и уедет от нас.

– О, этого не будет! – вскричала Жанна. – Этот дорогой для нас раскаявшийся грешник... Пойди, Арман, хочешь ли ты, чтобы я доказала ему, что провидение вполне удовлетворено, о, ты увидишь, мой дорогой Арман, как я буду красноречива и убедительна. Я должна его убедить!

– Послушай меня, – сказал граф, – у меня есть превосходная мысль для того, чтобы вырвать его из этого губительного состояния.

– В самом деле? – заметила радостно графиня.

– Увидишь, моя милочка.

И граф де Кергац задумался.

– Ты знаешь, – начал он, немного погодя, – что во время моего отсутствия Фернан Роше и Леон Роллан с помощью сестры Луизы помогли многим бедным. Фернан Роше и его молодая жена, которая в настоящее время патронесса новой церкви Сент-Винцент де Поль, заботилась о тех несчастных, которых обыкновенно называют позолоченной нищетой, то есть о бедных чиновниках, получающих крошечное жалованье, на которое им невозможно прокормить своих громадных семейств. Леон Роллан и его прелестная и добродетельная жена занимались предместьем св. Антония – местностью самой обширной и самой бедной в Париже.

У Леона громадная мебельная мастерская, в которой работает больше двухсот бедняков, а Вишня открыла модный магазин, где занимается множество молодых сироток, которые бы, наверное, погрязли в пороке, если бы только они были оставлены на произвол судьбы. И наконец, госпожа Шармэ выбрала для себя ту часть Парижа, где она когда-то была известна под именем Баккара.

– Я все это знаю, мой друг, – заметила графиня.

– Итак, бедные и несчастные, – продолжал де Кергац, – ничего не потерпели от моего отсутствия. Но этим еще не все было наполнено. Если деяния добра шли своею дорогой, то деяния справедливости и правосудия не подвигались вперед.

– Что ты этим хочешь сказать? – прервала его графиня.

– Слушай, Жанна, слушай меня! – Граф продолжал:

– Однажды вечером, или лучше сказать – ночью, лет десять тому назад на террасе одного из громадных домов Парижа встретились два человека. Оба они смотрели с высоты на обширный Париж, кипящий карнавалом. Один из них громко крикнул: «Вот обширное поле сражения для того, кто может иметь достаточно золота к услугам зла. Видите вы этот необъятный город – в нем для человека, располагающего свободными капиталами, найдется

множество невинных девушек, продажных душ, мошенников, убийц и т. д. Вот великое и приятное наслаждение». И этот человек смеялся, говоря эти слова. Можно было подумать, что это был сам сатана или Дон-Жуан, отживший свой век и начинающий новую жизнь.

– Итак, – окончил граф, – человек, который говорил таким образом, был Андреа, а другой – я. Но ты знаешь, в чем заключалась борьба зла и добра и как зло было побеждено. Но ведь Андреа не был единственным представителем зла. Париж вмещает еще массы подобных ему. О! сколько еще виновных достойны наказания, и сколько жертв, которых нужно отнять у них.

Госпожа де Кергац внимательно слушала.

– Я понимаю тебя, – проговорила она наконец. – Ты хочешь возложить на раскаявшегося Андреа отыскание и предотвращение преступлений.

– Ты отгадала, мое дитя, может быть, хоть это занятие в пользу добродетели развлечет его.

– Мне кажется тоже, – ответила госпожа де Кергац. В это время внизу у швейцара раздался звонок.

– Вот и донесения моих агентов, той полиции, которую я держу от себя. Люди, служащие у меня, преданы мне, усердны. Но им необходим руководитель и наставник.

Лакей подал графу конверт, Арман проворно распечатал его и прочел.

На осьмушке почтовой бумаги было написано следующее:

«Тайные агенты господина графа напали в настоящее время на странное и таинственное общество, которое уже в продолжение двух месяцев волнует целый Париж».

– Ого! Ого! – прошептал Арман и продолжал чтение.

«Это общество, – доносил тайный корреспондент, – кажется, пустило корни во всех слоях города Парижа. Его основания, члены, начальники и средства к существованию еще неизвестны для нас. Одни только результаты его деятельности уже стали проявляться в самых ужасных формах. Цель этого общества бандитов заключается в том, чтобы, несмотря ни на какие средства, захватывать в свои руки компрометирующие бумаги, посредством которых мог бы быть нарушен семейный покой. Какое-нибудь неосторожно написанное письмо грозит послать ее мужу и т. д. и т. д. Это общество, назвавшееся клубом червонных валетов, распространило свои действия повсюду...»

«Агенты господина графа, – оканчивалась эта корреспонденция, – деятельно работают, но до сих пор им удалось только узнать то, что выше изложено».

– Смотри, – сказал тогда граф Арман, – разве не виден во всем этом перст божий. Мы только что искали средство занять чем-нибудь Андреа, и вот тебе это донесение.

И в то время, как Жанна пробегала глазами это письмо, Арман позвонил.

– Пошлите мне Германа, – приказал он вошедшему слуге.

Герман был старый слуга и доверенное лицо графа.

– Ты сейчас поедешь в улицу Вье-Коломбьер и попросишь моего брата тотчас же приехать домой.

Герман уехал. Через час после этого вернулся Андреа.

Для тех, кто знал когда-нибудь Андреа, он был теперь положительно неузнаваем.

Он был бледен, истощен, ходил, опустив глаза в землю, и притом нередко все его тело нервно вздрагивало, как бы от сильных страданий.

Он едва посмотрел на графиню, как будто в эти четыре года его постыдное поведение с ней не могло еще забыться им.

– Дорогой брат, – прошептал Арман, крепко сжимая его руку.

– Вы требовали меня, Арман, – проговорил Андреа дрожащим голосом. – Я поторопился оставить свое бюро.

– Я звал тебя, дорогой Андреа, – заметил граф, – потому что я нуждаюсь в тебе.

В глазах Андреа блеснула радость.

– О, нужно ли умереть за вас? Арман улыбнулся.

– Нет, – ответил он, – нужно сперва пожить.

– И пожить разумно, мой милый брат, – добавила госпожа де Кергац и, взяв обе руки Андреа, крепко сжала их в своих руках.

Андреа покраснел и хотел освободить их.

– Нет, нет! – говорил он. – Я недостойн вашего внимания.

– Брат мой!

– Оставьте! Оставьте бедного грешника и дайте ему нести его крест.

Жанна подняла свои глаза к небу.

– Это святой! – подумала она.

– Брат! – сказал тогда де Кергац, – ты ведь знаешь, что я принял на себя задачу.

– О, – заметил Андреа, – честную и святую задачу, брат.

– И я нуждаюсь в твоей помощи для продолжения моих действий.

Виконт Андреа вздрогнул.

– Я уже давно хотел просить тебя, Арман, принять меня в участники твоих дел, но я недостойн этого. Увы! Что сделается с милостыней, когда она пройдет через мои загрязненные руки.

Брат, – ответил ему Кергац, – милостыня не состоит только в том, чтобы подавать ее обыкновенным образом. Необходимо также наказывать или предупреждать зло.

И при этом Арман рассказал своему брату организацию своей полиции.

Андреа слушал его очень внимательно и, казалось, даже был очень удивлен тем, что узнал.

– Итак, брат, мужайся и сделайся разоблачителем зла.

Андреа слушал внимательно и молчал. Но вдруг он поднял голову, в его глазах мелькнула молния огня.

– Хорошо, – сказал он, – я буду таким человеком. Граф де Кергац радостно вскрикнул.

– Я буду, – продолжал виконт, – мстителем тех людей, которых ваши агенты не могли открыть. Я узнаю их законы, членов, начальников и разоблачу их.

И во время произнесения им этих слов в нем сделалась мгновенная перемена.

Перед графом де Кергацем стоял снова высокий, гордо надменный сэр Вильямс, и на губах его мелькнула холодная, зло-насмешливая улыбка.

Жанна взглянула на него и невольно затрепетала, но испуг ее продолжался недолго – перед ней опять сейчас же стояла смиренная изнуренная и слабо-тщедушная личность раскаявшегося Андреа. В эту минуту дверь в комнату отворилась, и на пороге ее показалась фигура женщины, одетой во все черное.

Подобно виконту, эта женщина была только своей тенью.

Одна только ее красота еще не поддалась той метаморфозе, которая произошла с Баккара, когда она сделалась сестрой Луизой. Да, она была в полном и точном значении слова кающеюся Магдалиной.

Баккара, да простят нас, что мы будем называть ее этим именем, была все еще красавица. При виде ее Жанна бросилась к ней и взяла ее за руки.

– Здравствуй, моя милая сестра, – сказала она.

И Баккара, подобно Андреа, тихо отняла от нее свои руки и чуть слышно прошептала:

– Ах, сударыня, я даже недостойна поцеловать подол вашего платья.

Тогда граф Арман де Кергац взял Баккара и Андреа за руки и сказал:

– Вы оба раскаявшиеся, и раскаяние ваше спасло и подняло вас, соединитесь для общей цели и блага: вы оба вполне достойны сражаться под одним знаменем, бороться против распространения зла.

Баккара взглянула тогда на Андреа, и сердце ее мгновенно похолодело.
Ей казалось, что какой-то тайный голос шептал ей:
– Может ли этот чудовищный злодей раскаться когда-нибудь?! Нет и нет!

II

Покуда все это происходило в отеле графа де Кергаца, на противоположном конце Парижа, то есть в предместье Сент-Оноре, на углу маленькой улицы Берри, впрочем, несколько позже, разыгралась сцена совершенно противоположного характера.

Была уже глубокая ночь, и весь Париж, окутанный густым туманом, покоился глубоким сном.

В то время, когда на часах церкви св. Филиппа было одиннадцать часов, несколько человек, пришедших с разных сторон, прошли незаметно в улицу Берри и потихоньку проскользнули в двери одного простенького домика этой улицы.

Эта дверь вела в длинный и темный коридор, который оканчивался не лестницей в верхний этаж дома, но, наоборот, спускался вниз под землю. Когда первый из посетителей отсчитал пять ступеней, то он, был внезапно схвачен, и чей-то голос глухо спросил его:

– Куда вы идете – может быть, вы хотите украсть мое вино?
– Любовь очень полезная вещь, – ответил этот ночной посетитель.
– Хорошо, – сказал ему на это голос.

И вслед за этим отворилась дверь, и лестница несколько осветилась.

Через несколько секунд посетитель вошел в подземную залу, которая вполне достойна коротенького описания.

Это было попросту отделение большого винного погреба, по стенам которого стояло около дюжины кресел.

Затем на опрокинутой бочке лежала доска, а посередине погреба стоял стол, на котором помещалась лампа.

Перед столом стояло кресло.

Оно служило председательским местом для главы этого общества.

Около лампы на столе лежала толстая книга, но тот, кто бы посмотрел ее, наверное, был бы не в состоянии определить, на каком языке она написана.

Человек, который встретил первого посетителя, задавал свой вопрос еще пяти человекам и получал всякий раз от каждого из них все тот же ответ; наконец, запер дверь на ключ и занял свое председательское место.

Этот человек был еще очень молод. Ему было не больше восемнадцати-двадцати лет. Впрочем, никто не мог решить этого вопроса. Он был одет, как одевались тогда все богатые и независимые молодые люди.

Несмотря на его молодость, во всей его фигуре проглядывала какая-то особенная самоуверенность и наглая насмешка над всем миром.

А его взгляд, казалось, господствовал над всеми шестью человеками, которых он впустил.

Все шесть посетителей были закутаны в длинные черные плащи.

Когда они сняли их, то председатель этого собрания оглядел каждого из них испытующим взглядом.

Первый из вошедших в залу и сидевший ближе всех к столу был человек уже пожилых лет, высокого роста, худощавый, украшенный множеством орденов и в парике. Во всей его фигуре проглядывало что-то военное.

Председатель, обратился к нему и сказал:

– Здравствуйте, майор, вы очень аккуратны. Второму из этого общества было не больше тридцати лет. Он носил длинные волосы и вообще смахивал на артиста.

– Здравствуйте, Фидиас, – сказал председатель, указывая место с левой стороны стола. Третий был не старше самого председателя.

Он принадлежал к числу тех молодых людей с лорнеткой в глазу и с маленькими закругленными усиками, которых мы можем видеть постоянно в первом ряду кресел на всевозможных пикантных спектаклях и концертах и вообще во всех салонах среднего общества.

Но, как и у президента, у него был насмешливый и дерзкий взгляд.

– Здравствуйте, барон, – сказал опять председатель. Четвертый из этого общества совершенно отделялся от трех первых.

Это не был элегантный денди или молодой светский человек, ухаживающий за актрисами и посещающий Торгона и английское кафе, но он был просто ливрейный лакей.

Но это был не простой лакей, а слуга, доверенное лицо своего господина, человек в таком возрасте, что мог с успехом ухаживать за горничными и камеристками и подчас исполнял роль провинциальных дядюшек и деревенских нотариусов.

Поклон, с которым обратился к нему председатель, заключал в себе столько любезного и таинственного, что ясно указывал на то, как высоко его ценят.

Пятый из них был уже пожилым, стариком, но старик крепкий, привычный к разным упражнениям.

Его лицо было покрыто странными следами каких-то знаков. Были ли это следы оспы, или ожога купоросом, или порохом, это невозможно было решить, это была глубокая тайна.

Он был одет так, как будто собирался ехать на бал.

И, наконец, шестой и последний из всего этого общества был самым странным существом высокого роста и почти оливкового цвета. Его короткие курчавые волосы вились, как у барана.

В среде, где он жил, его называли Шерубен де Шармер.

Когда все посетители заняли свои места, то председатель еще раз поклонился им общим поклоном и занял свое место.

– Господа, – начал тогда он, – наше общество, основанное нами под названием «Клуб червонных валетов», состоит в настоящее время из двадцати четырех членов, в большинстве случаев незнакомых один другому, что и составляет большую гарантию для управления.

Шесть членов этого общества, не выдавшиеся никогда между собой, посмотрели с большим любопытством друг на друга.

– Каждый из вас, – продолжал председатель, мог познакомиться раньше с законами нашего клуба, прежде чем войти в число его членов, главным условием для которого должно быть безусловное повиновение нашему таинственному начальнику, которого знаю только я один.

Все шесть членов клуба молча поклонились.

– Итак, – продолжал председатель, сегодня вас соединило здесь приказание нашего начальника, чтоб вы могли познакомиться, так как вам предстоит работать почти всем сообща. Мы находимся у конца одной операции, которая может принести нам баснословное богатство. – При этих словах обществом овладело особенное внимание. – В чем заключаются планы нашего начальника, я не знаю хорошенько. А мои обязанности заключаются только в том, чтобы дать вам известного рода инструкции.

– Вы, господин майор, бываете в свете?

– Да.

– И вы знакомы с маркизой Ван-Гоп?

– Да, – ответил опять майор Гарден, махнув утвердительно головой.

– У нее в среду бал, – продолжал Рокамболь.

– Слышал.

– И вас пригласят, вероятно, на него?

– Конечно.

– Ну-с, так потрудитесь представить вот этого молодого человека маркизе, – проговорил председатель, указывая на того из членов клуба, который назывался Шерубен.

Майор молча взглянул на него и поклонился. Затем Рокамболь обратился к лакею в ливрее. – Вы жили у герцога Шато-Мальи?

– Да, – ответил тот.

– И, вероятно, хорошо изучили его привычки?

– Да, я всегда старался изучать характеры своих хозяев.

– Отлично. Это нам пригодится. Итак, вам отказал герцог?

– Я сам сделал это по вашему требованию.

– Ну, да, я и говорю это.

– Вы отправитесь на улицу Сент-Луи к слесарю и, зайдя в его лавочку, скажете ему: «Я видел Николо» – и вслед за этим закажете ему сделать два ключа по образцу, который должен быть у вас, если вы исполните мои инструкции.

Ливрейный лакей молча вынул из кармана ключ.

– Теперь, господа, я закрываю заседание, – проговорил Рокамболь.

Все последовали его примеру и, одевшись, молча вышли из погреба.

Проводив их, Рокамболь запер дверь и вошел за перегородку комнаты, где находился уже известный нам сэр Вильямс в смиренном костюме Андреа.

– Так ли? – спросил его Рокамболь. Сэр Вильямс молча кивнул головой.

– Пойдем к тебе, – заметил он тихо.

Председатель клуба червонных валетов задул лампу и сделал несколько шагов вперед. Сэр Вильямс пошел вслед за ним.

Рокамболь подошел к двери и отворил ее.

– Идемте, – сказал он, беря сэра Вильямса за руку и увлекая его.

Он вывел его в коридор и, вместо того, чтобы идти по нему, повернул несколько вправо и поднялся по лестнице в первый этаж.

Капитан поднялся за ним наверх, который казался тоже необитаем.

Выходя из погреба, Рокамболь задул лампу, так что они шли в глубокой темноте.

Поднявшись на первый этаж, председатель клуба червонных валетов отворил дверь и ввел Андреа в роскошно меблированный кабинет, наполненный громадным количеством платья и вообще разных вещей, которые могут быть необходимы всякому молодому человеку при разных обстоятельствах.

Рокамболь вошел. Капитан последовал за ним, и когда таинственная дверь заперлась за ними, то он сейчас же убедился, что она так хорошо скрыта под большим дорожным сундуком, что никому и в голову никогда не может прийти, что за этим сундуком скрывается проход.

– Вы видите, дядя, что теперь господин виконт де Камбольх не имеет ничего общего с этим негодяем, который председательствует в клубе червонных валетов и сходит в погреб по потайной лестнице.

Говоря таким образом, Рокамболь засмеялся и отворил вторую дверь.

Тогда сэр Вильямс очутился на пороге маленькой спальни, убранной с таким кокетством, что она могла бы составить собой идеал какой-нибудь аристократки или артистки.

В камине горел заманчивый огонек.

– Капитан, – проговорил Рокамболь, подвигая сэру Вильямсу удобное и большое кресло. – Нам будет здесь, у огня, гораздо лучше, чем в гостиной. Я стараюсь удалиться от

своего человека. Эта каналья из честнейших людей, а потому я и постараюсь при первой возможности отделаться от него.

– Это от тебя вполне зависит, сын мой, – ответил баронет с чисто отеческой нежностью.

Рокамболь прошел через свою гостиную и, выйдя в переднюю, где дремал его лакей, разбудил его и сказал:

– Жак, перенеси этот стол в мою спальню, я буду ужинать с дядей около камина.

Дядей Рокамболь называл сэра Вильямса.

Лакей поторопился немедленно исполнить приказание своего господина.

Когда все было готово, Рокамболь отпустил лакея, сказав ему:

– Ты можешь идти спать. Лакей поклонился и вышел.

Рокамболь запер за ним дверь, опустил гардины и сел на свое место.

– Мы теперь, дядя, одни, – сказал он, – и можем поговорить.

– И мы поговорим, мой сынок, так как мне нужно дать тебе много инструкций. Но раньше всего – где помещены твои финансы?

– Мои или клуба?

– Черт побери! Конечно, твои.

– Увы! – заметил печально Рокамболь, – они находятся в самом грустном виде. Я проиграл вчера сто луидоров. Вы мне посоветовали.

– Отлично, очень хорошо. Необходимо уметь проигрывать. Это, выходит, сеять немного, а собирать обильно.

– У меня на конюшне три лошади, – продолжал Рокамболь, – лакей, грум. Титина тоже чего-нибудь да стоит.

– Ты бросишь ее. Титина чересчур вульгарная женщина. Я тебе найду получше ее.

– Все это, – продолжает Рокамболь, – при разумном ведении дела составляет бюджет в сорок тысяч ливров годового дохода.

– Как!? – вскрикнул баронет. – Ты тратишь такую сумму!?

– Пока нет еще, но вы бы могли, дядя, прибавить и еще кое-что.

– Хорошо, если ты будешь дельно работать.

– Черт побери! Мне кажется, что я недурно веду дела.

– Гм! Относительно...

И сэр Вильямс улыбнулся самым добродушным образом.

– И если бы вы давали одним тысячным билетом более...

– В год или в месяц?

– В месяц, дядюшка.

– Мой сын, – заметил серьезно баронет, – бог свидетель, что я не имею привычки жалеть для дела каких-нибудь пустяков вроде свечных огарков.

– О, я это хорошо знаю, – ответил Рокамболь.

– Но, однако, я ожидаю того, что у нас называется коммерцией.

– Это верно, дядя.

– Это мое правило. Впрочем, если ты желаешь тысячной прибавки, то я не вижу причины отказать тебе в ней.

– Вы знаете, дядя, что я не сплю за работой.

– Дело в том, – проговорил сэр Вильямс, – что теперешнее дело стоит того, чтобы о нем подумать.

– Я вполне уверен в этом, дядя, так как вы мне сказали, что дело стоит кой-чего.

– Оно колоссально... баснословно, – ответил холодно баронет.

– Можно узнать, в чем оно заключается?

– Конечно, так как я вполне доверяю тебе.

– Ваше доверие хорошо помещено, – заметил тихо Рокамболь, – я уже больше не дурак, чтобы изменять вам.

– Ясно, – прервал его хладнокровно сэр Вильямс, – что между подобными нам личностями преданность, благодарность и подобные слова – мыльные пузыри. Между мной и тобой заключаются выгоды. Истинная дружба не имеет других законов.

– Вы, верно, говорите о золоте, дядя.

– Если ты найдешь кого-нибудь, кто покажется тебе более энергичен и более выгоден для тебя, то ты не останешься моим.

– Я никогда не был подлецом, – ответил Рокамболь, наливая баронету в стакан вина.

– Но так как ты не найдешь человека лучше меня, то я и не стесняюсь открыться и доверить тебе часть моих планов.

– Посмотрим их.

– Во-первых, – спросил сэр Вильямс, – как ты находишь мою комедию, которую я разыграл, чтобы вернуться в семейство моего брата?

– О, великолепно! – ответил Рокамболь с восторгом. – Ваша бесчувственность на большой дороге была так хорошо разыграна, что если бы я не был почтальоном, то вас бы, наверное, раздавили. Сцена встречи, раскаяние, угрызения совести и ваша жизнь – все это стоит вне всякой похвалы, дядя.

– Не правда ли?

– Только, – возразил Рокамболь, – я не понимаю одного: что вам за охота продолжать так долго играть эту роль. Мне кажется, что это просто невыносимо.

– Что делать. А необходимо, чтобы я постепенно приготовил мою маленькую месть. Они все теперь в моих руках.

И баронет счел по пальцам.

– Во-первых, Арман – хозяину честь.

– Вы знаете, – заметил Рокамболь, – что у меня для него приготовлен ловкий удар ножа.

– Погоди еще. Черт побери, как ты торопишься! Жанна еще не любит меня, а нужно, чтобы она полюбила. Да и ребенок наследовал бы ему.

И адская улыбка, которая появилась в это время на губах баронета, оледенила душу Армана де Кергаца.

– За ним, – продолжал сэр Вильямс, – следует mademoiselle Баккара. О, эта, в тот день, когда она будет в моих руках, горько пожалеет, что ушла от доктора Бланш.

– Однако она очень мила, – заметил Рокамболь, – но она дурно окончила. Если бы она вела себя как следует, ей предстояло бы прелестное будущее. Женщина, подобная ей и в ваших руках, дядюшка, проложила бы себе славную дорогу.

– В моих руках есть одна особа, подобная ей.

– Ого! Увижу я ее?

– Я тебя познакомлю с ней, если ты будешь умен, – возразил баронет отеческим тоном, как бы обещая своему сыну какую-нибудь игрушку.

– Честное слово, дядюшка! – вскричал Рокамболь, растроганный до глубины души подобным вниманием к его особе, – если бы чувствительность была сродни мужчинам, то я бы расцеловал ваши руки. Вы просто сливки всех дядюшек.

– Ладно, – ответил, улыбаясь, сэр Вильямс. – Но все-таки давай продолжать наш счет: после Баккара я, конечно, не позабуду нашего друга Фернана Роше. Этот господин не желал побывать невинным на галерах, так его пошлют туда за преступление. Он очень богат, чтобы украсть, ну так мы сделаем из него убийцу. Ты знаешь, любовь очень полезная вещь.

– А mademoiselle Эрмина? – любопытствовал Рокамболь.

– Мой милый, – проговорил баронет с убийственным спокойствием, – если мне отказывает женщина, которую я хотел сделать своей, то я сумею раздавить эту женщину так, чтобы она погрязла и потопила с собой в своем позоре свое счастье, спокойствие, дорогое имя.

– Трое, – сосчитал Рокамболь.

– Затем, – продолжал баронет, – мы, конечно, устроим что-нибудь и для этого честного Леона Роллана – мерзавца, из-за которого у меня убили Коляра.

– А Вишня? – спросил еще раз негодяй.

– Между нами говоря, – ответил ему сэр Вильямс, – я не хочу делать вреда Вишне. Только эта старая каналья Бопрео, к которому я еще питаю маленькую слабость, влюблен в нее, как и в первые дни их встречи, и я...

– Все ли это?

– Да... Кажется...

– Но Жанна?

– О, эта, – сказал сэр Вильямс, – я ее ненавижу, но я любил ее. – Это слово в устах ужасного начальника клуба червонных валетов было равносильно смертному приговору для графа Армана де Кергаца.

– Дядя, – проговорил Рокамболь, – а можно узнать, что вы желаете предпринять в отношении всех этих Особ?

– Нет, – ответил решительно баронет, – неужели ты не знаешь, мой сын, что человек, который хочет отомстить за себя, должен скрывать от других план своей мести.

– Итак, вы будете продолжать носить по ночам власяницу?

– Конечно.

– И спать зимой в нетопленной комнате?

– Да.

– И работать по двенадцать часов в день, занимаясь перепиской?

– Нет, так как мой любезнейший братец дал мне теперь, другое занятие.

– Уж не сделал ли он вас своим управляющим? – спросил насмешливо Рокамболь.

– Лучше этого, мой друг: он назначил меня начальником своей полиции.

Рокамболь, подносящий в это время ко рту стакан с вином, откинулся назад и разразился гомерическим смехом.

– Невозможно! – вскричал он.

– Да, мой сын, – продолжал баронет, между тем как в его глазах просвечивал адский огонь. – Вот до чего дошел этот человек – у него есть своя полиция. Ты знаешь, мой милый, какая это полиция. Это просто сборище глухих и слепых. Эта полиция могла узнать только то, что уже успело обежать весь свет, то есть то, что есть клуб червонных валетов.

– Боже! – вскрикнул Рокамболь, подскакивая на своем месте, – что вы наделали, дядя!

– Отличную штуку: я сделал громоотвод. Представь только себе то, что как бы ни была худа эта полиция, но ведь она могла когда-нибудь наткнуться на какое-нибудь дело нашего общества.

– Это верно, – заметил Рокамболь.

– Итак, – продолжал сэр Вильямс, – самое дельное – парализовать действия этой полиции и направлять ее. Я признаю этот способ и одобряю его. Я поместил маленький документ куда следует. Этот документ говорит о клубе червонных валетов, об их обществе и целях. Но подробности были скрыты. Тогда-то граф поторопился вверить мне новую великую обязанность: открыть начальника этого общества.

– Ну, так что же вы теперь будете делать? – спросил председатель клуба червонных валетов.

– Я открою этих бандитов.

– У! – прошептал пораженный Рокамболь.

– То есть ты снарядишь четырех или пять человек, которым мы сообщим только одни пустяки и которым дадим вообще ничего не значащие поручения, и таким образом, отдав их в руки полиции, мы доставим возможность удовлетвориться вполне правосудию и вместе с тем спасем все наше общество. Ну, что ты на это можешь сказать?

– Дядя, – пробормотал Рокамболь, находясь в каком-то немом восторге, – вы просто великий человек – гений.

– Необходимо же быть хоть чем-нибудь на этом свете, – ответил смиренно сэр Вильямс.

– Итак, – возразил Рокамболь, – все это великолепно, но если вы сохраняете в тайне вашу месть, то не должен ли я, по крайней мере, знать кое-что и о том предприятии, которое вы называете гигантским и для которого вы приказали мне собрать тех шестерых членов нашего общества, которых вы видели сегодня вечером.

Осторожный человек должен всегда сохранять свое последнее слово до самого конца.

Баронет отодвинул стол, закурил сигару, откинулся в своем кресле, вздохнул несколько раз и медленно сказал:

– Ты знаешь уже, что богатый голландец маркиз Ван-Гоп проводит зимы в Париже. Он получил около шестисот ливров годового дохода, но все это ничто в сравнении с тем, что он мог бы иметь, если бы он не женился.

– О, – заметил Рокамболь, – вот это так странно.

– Это вот следствие чего. У маркиза Ван-Гопа был дядя. Этот дядя покинул родину без гроша и, отправившись в Индию, поступил там на службу компании и вскоре приобрел баснословное состояние. После своей смерти он оставил двадцать миллионов своей единственной дочери, прижитой им с одной индианкой, эта дочь была помещена в один из английских институтов.

Ну, – прервал Рокамболь, – это начинает пахнуть романтическим.

– Роман есть история жизни, мой сын, – возразил ему серьезно баронет. – Но я продолжаю. Десять лет тому назад маркиз отправился в Индию, чтобы повидаться со своим дядей, там он влюбился в свою кузину, Кузина не замедлила сделать то же и категорически объявила своему отцу, что она не будет ничьей женою, кроме него.

Но, на беду, маркиз, по обыкновению всех богатых голландцев, вздумал предпринять путешествие. Он начал с Антильских островов, побывал в испанской гавани, где и влюбился тотчас же в молоденькую креолку по имени Пепа Альварес. Маркиз был молод и легкомыслен, и вместо того, чтобы жениться на своей кузине, он вступил в брак с сеньоритой Пепой Альварес.

– Глупец, – пробормотал Рокамболь, – разве можно обращаться так с двадцатью миллионами.

– Положим. Я продолжаю. Но маркиз не воображал, какой вулкан страсти он зажег в сердце молодой индианки. Она полюбила его. Вот уже восемь лет, как маркиз женат, и уже пять лет, как индианка только и мечтает о том, как бы ей отомстить.

– Следовательно, она ненавидит маркиза?

– Напротив. Она обожает его больше, чем когда-нибудь.

– Боже! – заметил простодушно Рокамболь. – А между тем нет ничего легче, как избавиться от соперницы, когда человек родился в Индии и владеет притом двадцатью миллионнами.

Сэр Вильямс пожал плечами.

– Ты еще молод, – заметил он с презрением. Рокамболь внимательно посмотрел на него.

– Черт побери! – заметил он. – Мне кажется, что есть более пятидесяти способов сделать человека вдовцом. Если бы эта индианка дала мне сто тысяч франков...

– Она обещала мне пять миллионов, – ответил холодно баронет.

Рокамболь вскрикнул от удивления.

- И маркиза жива еще? – спросил он.
- Да, – ответил баронет.
- В таком случае она обещала вам их только час тому назад.
- Нет, уже целый год.
- И вы... ждали?
- Мой сын, – прервал его сэра Вильямс, – наш разговор доказывает мне...
- Что?
- То, что ты недурной исполнитель, но очень плохой сообразитель.
- Но?... – спросил Рокамболь, кусая себе губы.
- Неужели ты предполагаешь, – начал внушительно сэра Вильямс, – что если какая-нибудь женщина любит мужчину, который не любит ее, а любит, наоборот, другую женщину, то достаточно убить эту женщину, чтобы он полюбил ту?
- Вы правы, дядя.
- Но пойми же, молодой повеса, что маркиз любит свою жену и что если бы его жена умерла, то он был бы способен убить себя. И тогда индианка потеряла бы все.
- Я понимаю, наконец, дядя.
- На самом же деле надо устроить дело так, чтобы маркиз не любил своей жены, когда она умрет, и вместе с тем не любил бы и другой женщины, кроме индианки.
- Черт побери!
- Так как индианка поняла это очень хорошо, то ей и не оставалось больше ничего делать, как обратиться ко мне и предложить мне пять миллионов.
- .. – Где вы ее встретили? – спросил Рокамболь, заинтересованный рассказом баронета.
- В Нью-Йорке в прошлом году; о, это целая история, которую я тебе и расскажу.
- Послушаем, – пробормотал Рокамболь. Баронет закурил вторую сигару и продолжал:
- Это было за несколько дней до нашего отъезда из Нью-Йорка. Вообще, надо сказать, нам очень не посчастливилось в Америке, где наш баланс то поднимался, то опускался, так что я уехал в Европу всего со ста тысячами франков – как видишь, очень незавидной суммой, если принять во внимание наше трехлетнее пребывание в Соединенных Штатах.
- Однажды вечером мимо меня проехала карета, запряженная четырьмя лошадьми. В этой карете сидела женщина лет двадцати пяти, но с такой странной физиономией, что я ее никогда не забуду. Эта женщина и я обменялись взглядами. Карета остановилась.
- Кого вы ищите? – спросил я ее.
- Твердого человека, – ответила она.
- Вы страдаете, верно, от любви, и вы подобны теперь игрушке, у которой отняли, ее тигра?
- Да, – ответила она. – Я ненавижу насмерть.
- Мщение стоит дорого.
- У меня двадцать миллионов, – ответила она холодно.
- Я не нашел нужным расспрашивать больше и поместился около нее.
- Она сделала знак, и наш экипаж проворно поехал и остановился вскоре за городом около небольшой виллы, находящейся в прелестном саду.
- Я сошел первым и помог ей сойти.
- Она посадила меня на диван и рассказала историю, которую ты уже знаешь.
- Я вас не знаю, – сказала она, – я не знаю, откуда вы, но я прочла в ваших глазах, что вы тот, кого я искала для моей мести.
- И вы не ошиблись, – ответил я. – Но что вы хотите сделать?
- Я люблю своего кузена и хочу быть его женой.
- Для этого нужно, – заметил я, – чтобы маркиза умерла.

– Я это знаю, и нет ничего легче, как сделать это. У меня есть рабы, которые по первому моему слову закололи бы мою соперницу. Но он будет любить ее и мертвой. Я не хочу этого.

– Что вы дадите тому, кто уничтожит все препятствия и заставит вашего кузена полюбить вас?

– Все, что он захочет.

– В таком случае, – сказал я, – в тот день, когда вы сделаетесь маркизой Ван-Гоп, вы мне дадите пять миллионов.

– И она умрет?

– Да.

– Умрет и будет забыта?

– Умрет и будет проклинаема тем, кто ее обожал. Она пристально посмотрела на меня.

– Вы говорите, – промолвила она медленно, – что она умрет насильственной смертью?

– Да.

– От чьей же руки?

– От руки ее собственного мужа. Индианка радостно вскрикнула.

– О, – проговорила она, – разве это возможно?

– В Париже все возможно, когда я там.

– Но наконец...

– А! – сказал я. – Вы хотите узнать? Это бесполезно. Для вас довольно того, что через год маркиза будет убита и проклята своим мужем и. что через два месяца после этого вы выйдете замуж за вашего кузена, который и проведет остальное время своей жизни у ваших ног

Она молча встала и, подойдя к рабочему столу, отворила его.

– Вот вам и задаток, – заметила она, подавая мне листочек бумаги; я взглянул на него и прочел:

«Уплатить подателю сего пятьсот тысяч ливров. Моему банкиру г. Маршону в Лондоне.

Дай Натха Ван-Гоп»

Индианка понимала дело. Можно было безбоязненно начать свои услуги.

После этого она написала еще чек. Этот был написан в виде векселя.

«По предъявлении я уплачу подателю пять миллионов. Дай Натха, маркиза Ван-Гоп»

– Вы поставите число, – сказала она, – в день моей свадьбы, так как это обязательство будет действительно только с того дня.

– Сударыня, – сказал я, – я уезжаю завтра в Париж, где маркиз Ван-Гоп обыкновенно проводит зимы. Не думайте и не занимайтесь мной и будьте уверены, что я сдержу свои обещания. Если вы получите письмо из Буживаля, без подписи, в котором вас будут просить приехать, то не медлите.

Я простился с индианкой, и через два дня после этого мы были уже в открытом море.

– И... – любопытствовал Рокамболь, – виделись ли вы снова с Дай Натха, дядя?

– Вчера, – ответил баронет.

– Она в Париже?

– Два дня, она дожидается.

И при этих словах на губах сэра Вильямса показалась адская улыбка.

Рокамболь понял, что маркиза Ван-Гоп осуждена на смерть за пять миллионов пятьсот тысяч ливров.

Баронет пил кофе маленькими глотками, закуривая уже третью сигару.

– Дядя, – спросил Рокамболь, – можно спросить тебя еще об одном?

– Я сказал тебе все, что мог.

– Относительно маркизы: я понимаю ту ужасную драму, которую вы ей готовите. Но что это за госпожа Маласси?

– Это, – ответил баронет, – один из эпизодов этой ужасной драмы, как ты говорил. По виду госпожа Маласси не имеет ничего общего с маркизой Ван-Гоп, в сущности, – эти две дамы идут рука об руку.

– Как!? – вскрикнул Рокамболь.

– Маркиз Ван-Гоп связан с герцогом де Шато-Мальи.

– Он его банкир, кажется?

– Во-первых. Затем еще кое-почему.

– Но мадам Маласси любовница герцога.

– Я это знаю.

– Герцог женится на ней. Если ему это только позволяют сделать. И таким образом, он лишит наследства своего племянника.

– Вас, верно, интересует его племянник?

– Нет, но он заплатит пятьсот тысяч франков, если его дядя умрет от удара.

– Пятьсот тысяч франков не пять миллионов. Индианка гораздо великодушнее.

– Как смотреть на вещи. Но у меня еще много оснований, чтобы вести эти два дела одновременно.

– А! – вырвалось у Рокамболя, который был очень заинтересован делом.

– Во-первых, – продолжал сэр Вильямс, – маркиз Ван-Гоп и его жена положительно не знают, в чем заключаются требования госпожи Маласси, и знают только то, что герцог влюблен в нее и что он имеет намерение жениться на ней. Маркиза любит Маласси как свою родную сестру и считает ее самой честной женщиной и желает от всего сердца видеть вдову женой герцога.

Но маркиз имеет больше оснований. Маркиз любит свою жену и ревнует ее тень.

Племянник герцога был представлен к нему в дом два года назад и вздумал ухаживать за маркизой, через что и сделался смертельным врагом маркиза.

Маркиз Ван-Гоп, искренний друг старого герцога, и советовал ему жениться на госпоже Маласси.

– Это все? – спросил холодно Рокамболь. – До сих пор я, по правде сказать, не вижу еще основательных доводов вести и соединять эти два дела вместе.

– Это, пожалуй, верно. Но настоящая причина моих планов выясняется двумя словами: «Две женщины падают гораздо скорее, чем одна».

В тот день, когда Маласси полюбит, а она в таких годах, когда женщины не могут любить скрытно, она найдет нужным открыть о своей любви маркизе, которая, в свою очередь, будет так поражена этим, что откроется тоже госпоже Маласси.

– Все это очень верно, дядя, но...

– Но, – повторил баронет, наморщив бровь.

– Есть еще другая вещь.

– Может быть, только это последнее слово моего дела, и ты больше ничего не узнаешь.

И, сказав это, сэр Вильямс хладнокровно встал.

– После этого, – заметил Рокамболь, – имея в виду, что вы воплощенная мудрость, мне остается только просить вас извинить мне мою нескромность.

– Прощаю тебя, сын мой.

– А я прошу об одном слове. О пустяках... о цифрах.

– А ты хочешь знать о деньгах?

– Совершенно верно.

– Что ты хочешь знать?

– Дело в том, – начал негодяй, – что вы меня сделали вашим лейтенантом, и я управляю и даю после вас инструкции всем членам клуба червонных валетов.

Итак, было условлено, что половина всего поступает в вашу пользу, четверть мне и четверть членам клуба.

– То, что сказано, то уже сказано, мой сын.

– Будет ли то же самое и в деле Ван-Гоп – Маласси?

– Почти. То есть ты получишь миллион и миллион на остальных. Постой, знаешь, если хочешь, то мы не дадим ничего членам клуба.

– Идет. Но ведь это составляет только два миллиона?

– Потому что три миллиона я оставляю себе.

И баронет произнес эти слова таким тоном, что он не допускал противоречия.

Рокамболь молча опустил голову.

– Мой милый друг! – добавил баронет, – я рассчитываю через год жениться на вдове Армана де Кергаца и поднести ей достойную свадебную корзину.

Сказав эти слова, баронет застегнул наглухо свой сюртук.

– Позвони, – сказал он, – и вели отвезти меня.

Когда Рокамболь исполнил это приказание, сэр Вильямс распорядился, чтобы его отвезли домой.

Доехав до предместья Сент-Оноре, он отпустил кучера и дал ему шесть франков на чай, а сам отправился пешком по направлению к улице Валуа.

Здесь он позвонил у одного дома и, когда привратник otvorил ему дверь, вошел в него и, поднявшись по лестнице до пятого этажа, постучал в маленькую дверь.

– Кто там? – спросил чей-то женский голосок.

– Тот, кого вы ждете, – ответил сэр Вильямс.

И при этом он подумал: «Положительно будущая соперница Баккара живет немного высоко. Но она находится теперь накануне перехода из своей мансарды на подушки коляски. Так-то все идет в этом свете».

Дверь отворилась, и сэр Вильямс очутился лицом к лицу с одной из прелестнейших нимф.

Комната, куда только что вошел баронет, служила помещением пороку.

А перед ним стояла молоденькая девушка замечательной красоты. Ей было не больше восемнадцати лет. Ее звали Женни, а история ее жизни была очень обыкновенна и проста.

Шестнадцати лет она вышла из пансиона и осталась круглой сиротой, что и вынудило ее выйти замуж за своего опекуна, который отобрал ее состояние и вручил ей вместо него свою руку и старость.

Подобная жизнь не могла быть приятна молодой женщине, которая только что начала жить.

Она долго не раздумывала и бежала от мужа.

Но нужно было же жить.

Это заставило Женни попробовать сначала счастье на мелких чиновниках и постепенно подниматься все выше и выше.

Ей повезло.

Женни была молода, грациозна, красива и настолько ловка, что через несколько времени ее уже начали замечать в свете, результатом чего было то, что один очень красивый молодой человек нанял ей прехорошенький отель в улице Лаффит и отдал в ее распоряжение грума и коляску.

Но, увы, счастье ее продолжалось очень недолго.

Ее обожатель поссорился с одним господином, дрался на дуэли и был убит.

И с этого дня до самой встречи с сэром Вильямсом она влачила довольно незамечательную жизнь.

Она была одной из тех женщин, про которых обыкновенно говорят: «У нее есть все, чтобы быть замеченной, но... ей нет удачи». При таких обстоятельствах она встретила с сэром Вильямсом, который искал женщину, необходимую ему для исполнения его адских предначертаний.

В день известного нам сбора членов клуба червонных валетов, утром, Женни получила следующую записку:

«Ждите сегодня ночью от двух до трех часов; может быть, вы получите состояние от человека, который встретил вас вчера.
Баронет».

И, как мы видим, баронет был точен и аккуратен в своих словах.

Сэр Вильямс извинился перед молодой женщиной, что он беспокоил ее в столь поздний час, и, усевшись в кресло перед камином, начал внимательно рассматривать молодую девушку.

– Что бы ты сказала, моя крошка, – начал сэр Вильямс насмешливым тоном, – если бы я предложил тебе хорошенький отель, лошадей и грума?

У молодой женщины закружилась голова от этих слов.

– Вы мне даете это?! – вскричала она.

– Я еще не сказал этого, – ответил сэр Вильямс, я вообще деловой человек и не делаю ничего даром.

Но что же вы требуете от меня? – заметила живо Женни. – Вы, может быть, влюблены...

Она произнесла эти последние слова с глубокой иронией.

Сэр Вильямс невольно улыбнулся, и эта улыбка так осветила его лицо, что сразу выказала всю его адскую красоту.

– О, э, – проговорил он, – ты меня плохо разглядела, моя милочка, иначе бы ты не могла сказать таких слов.

– Извините, – прошептала Женни, – но вы так плохо одеты, что вам можно дать около пятидесяти лет, а может быть, вам всего каких-нибудь тридцать.

– Двадцать девять, – поправил спокойно баронет. – Но дело идет не обо мне, моя крошка, так как, если бы я захотел, ты бы полюбила меня только из-за меня.

– Без отеля?

– Да, без отеля.

Тон сэра Вильямса был так самоуверен и насмешлив, что Женни невольно вздрогнула.

– После этого, – прошептала она, – вы, может быть, человек очень могущественный.

Кто знает?

– Я говорил тебе об отеле, лошадях и груме, продолжал сэр Вильямс.

Глаза молодой женщины сверкнули особенным блеском.

– Твоя прислуга состояла бы из горничной, кучера, повара и грума.

Женни боялась проронить хотя бы слово из его речи.

– Ах, да, я забыл, – добавил сэр Вильямс, – конечно, все твои расходы были бы уплачены и ты получала бы тысячу экю ежемесячно на булавки.

– Вы хотите, чтобы я сошла с ума! – вскричала опять молодая девушка.

– Итак, моя милая, как видишь, – проговорил важно сэр Вильямс, – я очень рассчитываю на твои услуги, если делаю подобные предложения.

– Значит, вы надеетесь получить обратно свои затраты? – спросила она.

– Конечно.

– Сколько же вы надеетесь взять через меня?

- Двенадцать миллионов.
- Двенадцать миллионов, – прошептала с удивлением молодая девушка, – если бы мне попался человек, имеющий такие громадные деньги...
- Я рассчитываю дать тебе его.
- У куртизанки опять закружилась голова.
- Этот человек, – продолжал сэр Вильямс, – женат. Он любит безумно свою жену.
- Его заставят забыть свою страсть, – проговорила холодно Женни.
- Я вручаю тебе его, – добавил баронет, придав тону своего голоса ужасное значение.
- И вам возвратят его в том виде, в каком вы того хотите.
- Я тебе даю на это три месяца срока. Постарайся в это время развратить его и возврати мне его идиотом. Мне больше ничего не нужно.
- А двенадцать миллионов?
- А это другое дело, мы поговорим об этом в следующий раз. Я не тем теперь занят.
- Где вы мне представите голубка?
- Я не знаю сейчас. Мы это увидим еще.
- Можно узнать его имя?
- Конечно. Его зовут Фернан Роше, – ответил баронет и встал. – Ну, прощайте. До утра.
- Спокойной ночи, папа, – проговорила Женни, дрожа всем телом.
- Сэр Вильямс сделал несколько шагов к двери и приостановился.
- Кстати, – сказал он, – у тебя нет другого названия, кроме Женни? Оно чересчур простонародно и вообще ничего не выражает.
- Так найдите мне другое имя.
- У тебя очень хорошенькие глазки, – проговорил баронет, – и очень похожи на бирюзу, а потому я тебя назову Бирюзой. Это будет очень мило и оригинально.
- Отлично! – вскрикнула Женни.
- Прощай же, Бирюза, – сказал сэр Вильямс. – До свидания.
- И баронет вышел от молодой женщины и направился прямо в отель графа де Кергаца, куда он пришел уже на рассвете.
- В то время, когда сэр Вильямс проходил двором отеля, он не мог не заметить света в одном из его окон.
- Постой, – прошептал он, – этот бедный Арман все работает. Вот еще представитель филантропии.
- И вместо того, чтобы прямо подняться по лестнице в свою комнату, баронет принял на себя смиренный и убогий вид, с которым он всегда появлялся перед своим братом, и постучался в дверь его комнаты.
- Войдите! – крикнул удивленный граф. Он провел всю ночь в работе.
- Как, дорогой Андреа, – вскричал Арман, увидев перед собой баронета, – вы еще не ложились?
- Я только что вернулся, брат.
- Вы вернулись?
- Да, я провел эту ночь в Париже. Так как вы сделали меня начальником вашей полиции, – проговорил он, улыбаясь, – то ведь нужно же мне и выполнять свои обязанности.
- Уже?
- Да. Я напал уже на след, и червонные валеты, в моих руках.
- Как! – вскричал опять граф, – вы уже имеете доказательства?
- Но они еще так слабы, брат, что я ничего не скажу вам покуда.
- И он вышел, опустив голову.
- Бедный брат, – прошептал Арман де Кергац, – какое глубокое раскаяние.

Войдя в свою комнату, сэр Вильямс запер за собой дверь, усевшись в кресло, вынул из своего письменного стола толстую книгу.

На заглавном листе ее красовалась надпись: «Журнал моей второй жизни».

Раскаявшийся Андреа писал ежедневно свой дневник.

– Да, это, право, великолепная выдумка с моей стороны, – шептал он, улыбаясь своей адской сатанинской улыбкой, – я оставлю когда-нибудь нарочно эту книгу на столе, братец мой, вероятно, заметит ее и прочтет этот, например, кусочек.

И баронет раскрыл одну страницу и прочел:

«3 декабря.

О, как я страдал сегодня! Как Жанна была хороша. Жанна, которую я люблю так безумно...» и так далее, и так далее.

– А право, когда он прочтет эти строки, то будет готов убить себя, чтобы только доставить возможность своему братцу жениться на его вдове.

И сэр Вильямс, забыв об этом, задумался о своей первой жертве – Фернанде Роше.

На углу улицы Сен-Жермен, при пересечении с улицей Сены, существовал во времена нашего рассказа старый дом особенной постройки, принадлежавший долгое время какому-то провинциальному семейству и проданный впоследствии с аукционного торга.

Он был долго необитаем и, вероятно, так бы и развалился, если бы в один день его не наняла госпожа Шармэ.

Хотя в Париже вообще не принято заниматься кем бы то ни было, но переезд госпожи Шармэ в этот дом вызвал в улице Бюсси известного рода волнение.

Госпоже Шармэ было еще не больше двадцати шести лет, но она отличалась еще замечательной красотой.

Она обыкновенно вставала очень рано и, выходя тотчас же из дому, возвращалась к себе только к двум часам. После этого времени ее посещали множество важных особ, духовных лиц и знатных дам.

Соседи ее не могли не узнать историю ее жизни.

А госпожа Шармэ была не кто иная, как бывшая Баккара.

Как мы помним из первой части нашего рассказа, она поступила в день свадьбы Фернана Роше послушницей в монастырь, где и пробыла около восемнадцати месяцев.

Однажды утром она получила следующую записку:

«Я дрался сегодня утром на дуэли в Медонском лесу и ранен пулей в грудь. Доктор А., которого вы знаете, сообщил, что мне остается прожить всего несколько часов. Не приедете ли вы позвать мне в последний раз руку?»

Письмо это было подписано бароном д'О.

Баккара поспешила на улицу Нев-Матурен и нашла барона уже умирающим.

– Дитя мое, – сказал он, когда молодая женщина опустилась перед ним на колени, – ты была честная и верная девушка; моя любовь довела тебя до порока и моя же любовь даст тебе возможность исправить мою ошибку против тебя и сделать хоть немного добра.

Умирающий вынул из-под своей подушки запечатанный конверт и передал его молодой женщине.

– Вот, – сказал он, – мое завещание. Я последний в своем семействе и роде, у меня нет никого, кроме дальних родственников, которые даже не носят моей фамилии и гораздо богаче меня. Я оставляю и завещаю тебе все свое состояние, чтобы ты могла быть полезной добру.

И при этом барон поцеловал прелестную руку Баккара.

Раскаявшаяся грешница не могла отказаться от такого состояния, при посредстве которого она могла сделать много добра, и тогда-то сестра Луиза оставила монастырь и сделалась госпожой Шармэ.

И с этой минуты она и поселилась на улице Бюсси, в этом мрачном, уединенном доме, о котором мы только что говорили.

Однажды вечером, то есть через два дня после свидания сэра Вильямса с Жённи, в среду, в тот день, когда, как мы знаем, у маркизы Ван-Гон должен был быть бал, раздался звонок: он невольно заставил вздрогнуть госпожу Шармэ, которая занималась в то время надписью какого-то адреса на письме.

Было около пяти часов.

Госпожа Шармэ вышла из своего кабинета в приемную, где лакей доложил ей, что приехала прелестная и добродетельная маркиза Ван-Гоп.

Но нам нужно сказать здесь несколько слов.

Маркиза делала много добра и раздавала бедным порядочные суммы денег.

Она много слышала о благотворительности и добрых делах госпожи Шармэ и вспомнила о ней в этот день по следующему обстоятельству.

Одна молодая девушка, жившая всего в нескольких шагах от маркизы, обратилась к ней с письмом и просила оказать ей какую-нибудь помощь, так как обстоятельства довели ее до того, что ей предстоял выбор между дорогой порока и смертью.

Госпожа Ван-Гоп тотчас же подумала о Шармэ.

Она поехала к ней просить содействия в этом деле и захватила с собой письмо бедной просительницы.

Через час после этого она вернулась в свой отель, где был назначен большой бал и где ей должны были представить Шерубена.

Через несколько часов после посещения маркизой Ван-Гоп госпожи Шармэ у одного из домов улицы Шоссе д'Антен остановился молодой человек и, войдя в него, позвонил в дверь квартиры № 45, где жил майор Гарде н.

– Как прикажете доложить о вас? – спросил его лакей, отворивший ему дверь.

– Шерубен, – проговорил вошедший, следуя за лакеем.

Это был тот член клуба червонных валетов, замечательная красота которого дала ему всеобщее название херувима.

Шерубен прошел через маленькую гостиную и приемную и вошел в кабинет майора, который полулежал в кресле.

Майор был человек лет пятидесяти, высок ростом и имел вполне воинственный вид и грудь, украшенную множеством орденов.

Он был очень странный человек, послуживший на своем веку в Пруссии, Испании и Португалии.

Он жил в Париже уже три года и проживал ежегодно около тридцати тысяч франков.

Был ли майор богат или беден? Этого никто не знал.

Но он жил очень весело и ни в чем не стеснял себя, а большего и требовать от него никто не мог.

Услышав доклад о вошедшем, майор полуобернулся и протянул ему руку.

– Здравствуйтесь, – тихо проговорил он, – вы аккуратны, а точность уже есть половина успехов. Садитесь-ка, у нас еще есть время выкурить сигару.

И при этом он посмотрел на часы.

– У маркизы соберутся все только около полуночи, а мы приедем в половине одиннадцатого, она будет еще почти одна, и это и будет лучшее время для того, чтобы представить вас.

Шерубен сел в кресло, которое майор подвинул к нему.

– Кстати, – спросил опять хозяин, – как вас зовут, мой уважаемый друг, так как, вероятно, Шерубен только ваше прозвище?

– Меня зовут Оскар де Верни, – ответил молодой человек.

– Вы служили?

– Нет, майор.

– Отлично. Это я вас спрашиваю для того, чтобы не сбиться. У вас такое лицо, которое как нельзя лучше удовлетворяет своей цели, когда нужно вскружить голову какой-нибудь женщине. Шерубен поклонился.

– Но, – продолжал майор, – для любви фигура не единственный ручатель успеха. Даже самому красивому человеку приходится преодолеть и побороться кое с чем в присутствии известных особ, а маркиза...

– Совершенно справедливо, – перебил его молодой человек, – но не беспокойтесь, я хорошо изучил свое ремесло.

Этот ответ, сделанный довольно сухим тоном, заставил майора прикусить язык и удовольствоваться легким наклоном головы.

– Кстати, – заметил опять Шерубен, – вы позволите, майор, задать вам один вопрос?

– Сделайте одолжение.

– Что вы думаете относительно нашего общества?

– Гм! Я думаю хорошо.

– Это не ответ.

– Что же вы хотите знать?

– Очень простую вещь: чем мы рискуем во всем этом деле? Так как, наконец, я должен сознаться вам, что я действую впотьмах.

– Извините меня, – ответил майор, – но я вас буду просить, господин Шерубен, объясниться более ясно.

– Хорошо, – проговорил молодой человек, – скажите, как[*вы* попали в наше общество?

– Как и вы. При посредстве господина Камбольха.

– И вы не знаете начальника?

– Нет, – ответил майор самым искренним тоном.

– И вы не находите, что мы поступаем чересчур легкомысленно?

– В чем, позвольте узнать?

– В том, что мы повинемся невидимому могуществу.

– Нисколько! Если оно исполняет свои условия так хорошо, как оно исполняло их до сих пор.

– Но ведь мы играем в большую игру.

Я не нахожу. Наше ремесло не очень опасно, так как самая строгая полиция постоянно констатирует его. Мы *любезны и нас любят*.

Майор улыбнулся и посмотрел на Шерубена.

– Что же тут худого? – добавил он.

– Действительно, ничего.

– Посмотрим дальше. Случайно может быть, что наша *любовь* приведет к дурным последствиям и произойдет какая-нибудь катастрофа – так разве это уголовное преступление?

– Вы правы, – повторил еще раз Шерубен.

– Впрочем, – закончил майор, – я не знаю, какая роль выпала на долю наших собратьев, но я нахожу, что ваша совершенно безопасна. Кто может доказать, что я не был знаком с вами вчера или на днях? Мало ли, где мы могли встретиться с вами. На водах, в гостях. Мне всегда казалось, – .го вы очень порядочный человек, и я не затруднился нисколько представить вас маркизе. Положим, могло случиться, что вы полюбили маркизу и она вас тоже, ну чем же я-

то тут буду виноват? Что я могу сделать? Следовательно, и маркиз не может быть недоволен мною.

– Вами-то, конечно, нет, но мною?

– И вами тоже. Вы ведь не его друг, а следовательно, и не изменяете ему. Он может вас убить, но дело никогда не дойдет до суда исправительной полиции.

– Вы правы. Мы можем ехать.

Майор позвонил и приказал подавать лошадей.

* * *

Ровно в половине одиннадцатого они уже были на улице Шоссе д'Антен.

У маркиза Ван-Гопа было еще очень немного гостей – не более тридцати человек окружали маркизу, сидевшую в своем будуаре, между тем как ее муж принимал гостей в зале.

Маркиз Ван-Гоп был человек лет сорока, хотя казался гораздо моложе своих лет.

Он был высок ростом, белокур и очень красив собой.

Маркиз Ван-Гоп был очень добр, честен, нежен и ужасно ревнив, хотя и ревновал свою жену не потому, что видел измену с ее стороны, но потому, что боялся ее.

И эта ревность отравляла спокойную, счастливую и роскошную жизнь богатого банкира, делавшего всевозможные усилия, чтобы скрыть свои мучения.

Летом маркиз выезжал на воды в Баден, на Пиренеи или в Виши.

В то время, когда вошли майор Гарден и Шерубен, маркиз разговаривал с высоким шестидесятилетним стариком – герцогом де Шато-Мальи.

Герцог и хозяин прогуливались вдоль залы, делая поворот у двери будуара, где сидела маркиза. Подле маркизы Ван-Гоп находилась особа, которая казалась даже издали дивной красавицей.

Эта обольстительная женщина, грациозно игравшая веером, была госпожа Маласси – искренний друг маркизы Ван-Гоп.

Войдя в залу, майор подошел прямо к хозяину.

Маркиз подал ему руку с видом бесцеремонности и любезности, ясно означавшей, что майор был очень коротко знаком с его домом.

– Маркиз, – проговорил майор, – позвольте представить вам моего друга, даже родственника, г. Оскара де Верни.

И при этом он указал на Шерубена, который вежливо поклонился.

Маркиз взглянул на молодого человека и невольно вздрогнул.

Шерубен действительно мог напугать своею наружностью такого ревнивого мужа, как г. Ван-Гоп.

Молодой человек обладал той дивной и убийственной красотой, которая соблазняет всех женщин с живым впечатлительным и романтическим воображением.

Шерубен, превратившийся теперь в Оскара де Верни, был типом молодого кутилы. Его взгляд был томен и носил на себе отпечаток бессонных ночей.

Странное предчувствие овладело сердцем маркиза Ван-Гопа, когда он увидел этого молодого человека.

Майор Гарден и Шерубен, поздоровавшись с хозяином, тотчас же отошли от него и прошли в будуар к маркизе.

Маркиза Ван-Гоп слушала в это время какой-то анекдот, который рассказывала госпожа Маласси.

Подле маркизы стоял высокий белокурый молодой человек лет двадцати шести или восьми и очень красивый собой. Это был племянник герцога де Шато-Мальи.

Молодой граф де Шато-Мальи слушал остроумный рассказ госпожи Маласси, не улыбаясь и не обнаруживая признаков одобрения, на его губах нельзя было не заметить легкого выражения презрения к словам рассказчицы.

Сзади молодого графа стоял человек, оригинальная физиономия которого и эксцентричный костюм оставались незамеченными только благодаря сосредоточенности всеобщего внимания на рассказе госпожи Маласси.

У этой личности лицо было кирпичного цвета, с ярко-рыжими волосами, спускающимися до плеч и завитыми на висках.

На нем был надет сюртук василькового цвета, – нанковые панталоны и громадный воротничок, в котором исчезла вся нижняя часть его лица. На его пальцах красовалось множество бриллиантовых колец. На вид ему было не больше "сорока – сорока пяти лет.

Нельзя было ошибиться в том, что он уроженец туманного Альбиона, тем более что его имя Артур Коллинс как нельзя больше шло к нему.

Сэр Артур явился к маркизу Ван-Гопу утром в день этого бала с рекомендательными и кредитными письмами от лондонского торгового дома Фли, Боуэр и К, самого богатейшего между всеми финансовыми домами Англии.

Маркиз выплатил сэру Артуру по переводу десять тысяч ливров и пригласил его к себе на бал. Сэр Артур приехал ровно в десять часов и долго говорил с маркизой, у которой еще тогда никого не было, и отошел в сторону, когда приехали другие гости.

Когда госпожа Маласси оканчивала свой рассказ, то граф неожиданно почувствовал, что до него слегка в дотронулись.

Он обернулся и очень удивился, увидев сзади себя оригинального господина.

– Извините, граф, – проговорил Артур по-французски, но с заметным английским произношением. – Но я бы желал поговорить с вами.

Граф молча последовал за англичанином в угол залы.

– Граф, – начал спокойно сэр Артур, – вы, вероятно, видите меня в первый раз и, верно, находите, что я нескромен.

– Нисколько, милорд, – ответил вежливо граф.

– Я не милорд, – заметил англичанин, – а просто джентльмен, но это безразлично. Я желаю, граф, поговорить с вами об особе, которая находится здесь и которая, по всей вероятности, интересуется вас.

Граф казался очень удивленным.

– Я бы желал знать ваше мнение о той даме, которая только что забавляла всех.

– Решительно никакого, – ответил граф, слегка вздрогнув.

– Вы находите, что она умна?

– Как бывшая парфюмерша.

Сэр Артур таинственно улыбнулся.

– Она красавица, – заметил он.

– Ей сорок лет.

– Тридцать шесть, – поправил его англичанин.

– Положим, что так; но что же из этого?

– То, что герцог Шато-Мальи, ваш дядя...

При этих словах молодой граф невольно вздрогнул и пристально посмотрел на своего собеседника, которого он никогда прежде не видел и который разговаривал теперь с ним именно о его дяде и его страсти.

– Ваш дядя, – продолжал между тем хладнокровно сэр Артур, – совершенно противоположного с вами мнения, граф, и в доказательство этого...

– А! – заметил граф. – У вас есть даже и доказательства?

– Да.

– Какое же, например?

– То, что через месяц госпожа Маласси – эта вдова парфюмера и женщина сомнительного поведения – сдается герцогиней де Шато-Мальи.

Граф побледнел и прикусил губу.

– Я знаю, – продолжал сэра Артур, – что вы давно уже ожидаете этого.

– Милостивый государь! – прервал его молодой граф.

– Позвольте, граф, – продолжал англичанин совершенно спокойно, – не угодно ли вам выслушать более терпеливо меня, потому что я имею очень важные причины говорить с вами об этом горестном деле.

Англичанин сел и пригласил графа последовать его примеру.

– Герцог де Шато-Мальи, – продолжал Артур, – имеет огромное состояние, которое должно было бы перейти к вам, но которое достанется все сполна госпоже Маласси по свадебному договору. Это почти неизбежно.

– Но, милостивый государь, – прервал его снова глухим голосом граф, – для чего вы предсказываете мне то, что я, к сожалению, уже давно угадал?

– Граф, – проговорил спокойно сэра Артур, – если я позволил указать на угрожающее вам несчастье, то это потому... – Он приостановился.

– Потому... – повторил в страхе молодой граф.

– Потому, – продолжал медленно англичанин, – что на этом свете существует только один человек, могущий воспрепятствовать браку герцога де Шато-Мальи и таким образом спасти вам ваше наследство.

Граф чуть не вскрикнул.

– Кто же он?

– Этот человек – я.

Но в эту минуту возвестили о приезде господина и госпожи Роше.

Сэр Артур не обратил ни малейшего внимания на входивших и продолжал также спокойно разговаривать с молодым графом. Вы?

– Я, – повторил еще раз англичанин, – я...

– Как?! Вы можете...

– Граф, я нарочно приехал в Париж. Но только...

– А! Следовательно, есть препятствие.

– Могут быть с вашей стороны, – пояснил этот вопрос сэра Артур.

– С моей стороны? – переспросил граф, удивляясь все более и более.

– Да. Вы можете не согласиться на некоторые условия.

– А, я теперь понимаю, – заметил граф, – вы предлагаете мне известного рода сделку,

– Может быть. Но дело идет не о деньгах. Этот неожиданный ответ поразил молодого графа.

– Объяснитесь, милостивый государь, – сказал он. – Я, право, не понимаю вас.

Сэр Артур наклонился к уху своего собеседника и тихо шепнул:

– Если бы от вас потребовали миллион из герцогского наследства, отдали бы вы его?

– От всего сердца.

– Успокойтесь же. Этого не нужно. Я уже предупредил вас, что дело идет не о деньгах. Мне нужно было узнать только, как могут быть велики жертвы, которые вы были бы способны сделать для достижения обещанных мною результатов.

Граф чувствовал некоторое беспокойство и смотрел с большим удивлением и любопытством на сэра Артура.

– Любезнейший граф! – продолжал сэра Артур тоном самого добродушного человека. – Ваш дядюшка – влюбленный старик, а у него организм, вполне располагающий к апоплексическому удару.

– Что вы этим хотите сказать? – прошептал граф, побледнев.

– Я хочу сказать, что если бы его брак не удался, то это могло бы вызвать удар.

И при этих словах англичанин так улыбнулся, что граф задрожал.

– Послушайте же, – продолжал сэр Артур, – герцог влюблен, а шестидесятилетние влюбленные всегда глухи и слепы.

Госпожа Маласси, хотя и была ветрена, но вместе с тем она действовала всегда так осторожно или смело, что не оставила никаких следов прошлого времени. Из этого выходит, что что бы ни говорили про госпожу Маласси, он ничему не поверит.

– Это верно, – ответил граф тоном глубокого убеждения.

А потому и выходит, что нужны осязательные, несомненные улики, перед которыми рассеялось бы всякое сомнение, и только тогда он мог бы уступить перед ними и оставить свое намерение, но таких улик нет или, вернее сказать, покуда еще не существует.

Эти слова вызвали со стороны графа резкое движение.

– Я этого не понимаю, – сказал он. – Итак, нужны улики. Подождите, вы сейчас все узнаете. Я говорю, что я могу довести дело до того, что эти доказательства ее ветрености будут существовать.

– Вы можете это сделать? – пробормотал граф.

– Да! И эти улики поразят герцога, как громом, а та, которую он мечтает теперь сделать своей женой, будет для него хуже всякой низкой твари. Граф задумался.

– Заметьте, – продолжал англичанин, – что вашему дядюшке уже целых шестьдесят лет, что он принадлежит к роду тех устаревших волокит, изнуривших свой организм, которых каждая безделица может убить. Разве вы можете отвечать за то, что через какую-нибудь неделю после свадьбы госпожа Маласси проснется утром и найдет его мертвым в постели?

Это, конечно, может случиться. – Тогда только вы спохватитесь, что ваша излишняя деликатность была причиной того, что, допустив его до этого неравного брака, вы сократили ему жизнь. Граф молчал.

– Итак, – продолжал сэр Артур, – решайтесь же. Я не могу предполагать, чтобы вы заботились о счастье госпожи Маласси.

Граф поднял голову и пристально посмотрел на своего собеседника.

– Извините, – проговорил он, – но я все-таки не знаю ваших условий. Вы не хотите денет... следовательно, я, право, не знаю...

Сэр Артур в свою очередь бросил на графа пронизательный взгляд.

– Граф, – сказал он отчетливо, – в этом мире существует женщина, которая пренебрегла мною.

Граф покосился на англичанина и сознался, что рыжие волосы его оправдывают отчасти холодность и жестокость той особы, на которую он жалуется.

– Женщина эта, – продолжал между тем сэр Артур, – молода, прекрасна и вообще обладает всем тем, что может вскружить голову такого человека, как вы.

– Я не понимаю вас.

– Если вы поклянетесь мне честью вашего герба, что станете преследовать вашей любовью эту женщину и сделаете все возможное, чтобы она полюбила вас...

– Гм! Странное мнение, – пробормотал граф.

– Я англичанин, – ответил сэр Артур.

Этот ответ вполне удовлетворил графа, и он замолчал.

– С той минуты, как вас полюбят, – продолжал сэр Артур, – наследство герцога де Шато-Мальи будет ваше.

– Милостивый государь, – прервал его строго молодой граф, – вы предлагаете возвратить мне мое наследство посредством такого дела, за которое почти всякий возьмется, но женщина, о которой вы говорите...

– Настоящая добродетель, – ответил холодно англичанин, – я предлагаю вам далеко не легкое дело, но когда хочешь...

– Вы правы, но ведь может понадобиться терпение, может пройти полгода, наконец, год.

– Ничего, я терпелив.

– Ну, а если дядя женится в это время?

– Ведь вы честный человек?

– Конечно.

– Давая клятву, вы сдержите ее?

– Без сомнения.

– Итак, поклянитесь, что если я помешаю их браку, то вы точно так же верно исполните ваше обещание, как я.

– Честное слово! – сказал граф. – Я клянусь! Но...

– А, – возразил сэр Артур, – нашлись ограничения.

– Да.

– Посмотрим их.

– В том случае, если я не буду иметь успеха, несмотря на все мое старание.

– Если вы употребите все свои старания и если эти старания соединяться еще с моими...

– А! Вы будете тоже помогать мне?

– Конечно, – ответил, улыбаясь, англичанин. – Я очень искусен. Но если, несмотря на вашу энергию, желание и на мою помощь, вы будете иметь все-таки неудачу, то это будет означать, что мое мщение невозможно, и я перенесу все это вполне безропотно.

– При таких условиях я еще раз возобновляю свою клятву.

И при этом граф поклялся еще раз.

– А теперь, – заметил англичанин, – мне остается добавить еще то, что с этой минуты нас соединяет тайная и торжественная клятва, о которой никто не должен знать.

– Я буду нем как рыба.

– Отлично. Малейшая нескромность с вашей стороны может разрушить все и заставит меня выехать немедленно из Парижа.

Граф наклонился к уху сэра Артура.

– А теперь, – сказал он, – позвольте мне узнать, кто же эта женщина?

– Тише! – ответил ему шепотом англичанин. – Может случиться, что сегодня же ночью в одной из этих зал два человека вызовут друг друга на дуэль и что вы будете свидетелем.

– Так что же из этого?

– Один из них будет муж этой дамы, с этой минуты вы и начнете ухаживать за ней, так как, по всей вероятности, муж ее уедет один с этого бала. —

В это время часы пробили одиннадцать.

– Прощайте, – заметил англичанин, вставая. – Мы увидимся.

Сказав это, он отправился в игорную залу.

В эту самую минуту майор Гарден подвел Шерубена к маркизе.

При виде молодого человека, принявшего робкий и скромный вид, испанская креолка почувствовала необыкновенное волнение.

Майор заметил это и шепнул своему сотоварищу:

– Наш таинственный начальник не ошибся, мой друг, ваша физиономия произвела большой эффект:

– Смотрите: маркиза уже смутилась, а ее муж уже ревнует, – добавил он.

– Вы думаете? – заметил Шерубен и невольно вздрогнул.

В то время, как майор Гарден разговаривал с Шерубеном, молодой граф де Шато-Мальи выбирал, кого бы пригласить на вальс. Вдруг его взгляд остановился на госпоже Роше.

Она была еще в первый раз на балу у маркизы, с которой познакомилась не больше года.

Граф де Шато-Мальи никогда не видал Эрмины, и она сразу понравилась ему

Он танцевал с ней.

Когда последние звуки вальса умолкли, граф провел ее на ее место и остался около нее.

– По правде говоря, – думал он, смотря на прелестную Эрмину, – она замечательно хороша, и если бы это была именно та особа, которую приносят мне в жертву, то я приобрел бы состояние моего дяди без всякого отвращения.

Размышляя таким образом, граф посматривал вокруг себя, отыскивая странного англичанина.

Но сэра Артура не было в зале, он находился в игровой зале близ того стола, который был назначен для игры в экарте, но за которым еще не было игроков.

Джентльмен как будто искал партнера.

В это время мимо него прошел молодой человек с красивой бородкой и дерзкой физиономией.

Это был виконт де Камбольх, бывший у маркизы в первый раз и представленный ей каким-то важным иностранцем.

Виконт жил очень открыто и пользовался известностью богатого человека, имеющего отличных лошадей.

– Не хотите ли сыграть партию? – предложил ему сэра Артур, неловко кланяясь.

Виконт де Камбольх поклонился, сел и бросил на стол пять луи, англичанин вытащил из портфеля банковый билет в пять луидоров.

Началась игра.

Стол их стоял в углу залы, где еще было немного публики, так как всех интересовала игра, происходившая в ее другом конце, где играли в вист, по пяти луи за фишку.

Таким образом, оба игрока, оставаясь совершенно одни, могли смело разговаривать вполголоса, и притом так, что их никто не слышал.

Сэр Артур внезапно переродился и даже потерял свое британское произношение. *в*

– Клянусь, любезнейший Рокамболь, – сказал он, – что ты совершенно светский человек, в полном и точном значении.

– Гм! Мы стараемся, насколько хватает сил, – ответил смиренно виконт де Камбольх, – но вы, капитан, право, неподражаемый англичанин. Вас невозможно узнать. Я сам ошибся бы, если бы не присутствовал при вашем туалете.

Баронет сэра Вильямс, ибо это был он, расхохотался.

– Уверяю тебя, – заметил он, – что мой филантроп брат, узнавший меня в день моей дуэли с Бастианом, наверное, не узнал бы меня теперь.

– Когда же надо начать? – спросил Рокамболь.

– Подождем случая. Впрочем, все подготовлено. Тюркуза уже готова и знает свое дело; я перевез ее вчера в маленький отель на улице Монсей. Она знает свою роль. А ты?

– Я могу так же хорошо управляться со шпагой, как хорошо знаю, что сэра Артур и сэра Вильямс одно и то же лицо.

– Только ты не делай глупостей и помни, в какое место надо нанести удар, а также и то, что дело стоит миллионов.

– Будьте вполне спокойны, дядя.

– Сейчас начнется игра в ландскнехт, – проговорил сэра Вильямс, – маркиз только что сообщил мне об этом – тут-то и надо будет действовать вполне умно.

– Ума у нас достанет, – заметил Рокамболь с редким нахальством и фатовством.

И почти вслед за этим к англичанину подошел маркиз Ван-Гоп и сказал:

– Вы, вероятно, будете играть с нами в ландскнехт!

– Yes! – ответил сэр Артур, вставая. Близ стола уже стояло около двенадцати человек, и между ними молодой граф де Шато-Мальи и Фернан Роше.

Рокамболю выпал жребий метать карты. Виконт взял колоду и бросил на стол два луи.

– Господи, – заметил он, смеясь, – я никогда не мечу два раза – вы увидите, что талия будет сейчас передана.

Виконт ошибся и выиграл.

– В таком случае; – проговорил он небрежно, – кто желает выиграть мои четыре луи? Ведь это будет верный выигрыш.

Поставили четыре луи, и виконт снова выиграл.

– Странно, – заметил он и, продолжал метать, выиграл шестьдесят луи.

– Bravo! – сказал сэр Артур. —

– Честное слово, этого никогда не случалось, господа, а в силу этого я не хочу передавать карт и играю на сколько бы то ни было. Тут лежит сто двадцать восемь луи. – И при этих словах виконт вытащил из кармана хорошенький кошелек.

– Ва-банк! – сказал в то время голос на конце стола.

Виконт молча поднял голову и посмотрел на сказавшего эти два слова.

Это был Фернан Роше.

Рокамболь, уже приготовившийся играть, холодно положил карты.

– Я передаю, – сказал он.

Эти слова были сказаны замечательно нагло и дерзко.

– Милостивый государь! Что это значит? – спросил Роше.

– Извините, – ответил Рокамболь, передавая карты своему соседу с правой руки, баронету сэру Вильямсу, – я просто пользуюсь своим правом и передаю карты.

– Но вы только что объявили, что не передадите карт.

– Я передумал, – ответил спокойно виконт де Камбольх.

И, сказав это, он вышел из-за стола. \ Случай этот произвел некоторое волнение, но так как игроки не смущаются такими безделицами/-то вскоре все было забыто, и игра пошла своим чередом.

В это время граф де Шато-Мальи нагнулся к сэру Вильямсу и тихо спросил:

– Кто этот молодой человек?

– Виконт де Камбольх.

– А другой?

– Муж дамы, с которой вы только что танцевали. Понимаете?

– Да... – прошептал молодой граф, сердце которого сильно забилося.

Фернан Роше вышел одновременно из-за стола с виконтом де Камбольхом и пошел вслед за ним.

Виконт вошел в одну из отдаленных комнат и сел. Фернан подошел к нему и поклонился.

– Я надеюсь, что вы не откажетесь объясниться со мною, – сказал Фернан.

– Охотно, – ответил виконт и нагло посмотрел в лорнет на Фернана Роше.

– Милостивый государь, – проговорил резко Фернан, окончательно взбешенный подобной дерзостью. – Где вы обыкновенно играете?

– В обществе, – ответил насмешливо Рокамболь.

– В каком?

– В том, милостивый государь, где я имел честь встретить вас.

– Мне остается только удивляться тому, – заметил колко Фернан, – что. я сам нахожусь в нем, так как всякое общество, в котором встречаются люди, подобные вам, должно быть очень странным обществом.

– Я об этом уже подумал, – ответил Рокамболь, – и именно в ту минуту, когда вы поставили против меня карту. Я хороший знаток физиономий, а так как всякая игра, по моему мнению, есть род битвы – нечто вроде дуэли, то я имею привычку, перед тем как садиться играть, рассматривать своих противников.

Фернан Роше мгновенно побледнел.

– Я посмотрел на вас... – продолжал между тем виконт де Камбольх.

– Ну и что же?

– Что? Я не остался доволен вами, а потому и отказался от борьбы.

И при этом Рокамболь нагло расхохотался. Фернан вышел из себя и схватил за руку виконта.

– Вашу карточку! – воскликнул он, – завтра в семь часов в Булонском лесу.

– Милостивый государь! – возразил спокойно Рокамболь, – я замечу вам только то, что вместо того, чтобы требовать карточку от другого, вам надо бы дать прежде свою.

– Это верно, – согласился Фернан и почти в глаза бросил ему свою карточку.

Рокамболь взял ее, посмотрел на нее в лорнет и прочел:

«Г. Фернан Роше, 5, улица Исли».

Ироническая улыбка появилась на лице ученика баронета сэра Вильямса.

– Любезнейший, – сказал он нагло, – я швед и называюсь виконтом де Камбольхом. В моем отечестве дворяне никогда не дерутся с мещанами. Впрочем, так как мы во Франции...

– Довольно, – прервал его Фернан, – завтра в семь часов утра.

– Извините, – ответил холодно виконт де Камбольх, – сегодня по выходе отсюда меня будет ожидать почтовый экипаж, и я уеду в Италию. А потому, если вы желаете драться, то пойдемте сейчас же. Мы найдем оружие и место в двухстах шагах отсюда.

Фернан согласился. – Если у вас есть супруга и она здесь, – заметил предупредительно Рокамболь, – то вы сделаете очень хорошо, если предупредите ее, что уедете отсюда на несколько часов.

– Это почему?

– Потому что вы, вероятно, не возвратитесь. Я надеюсь убить вас.

Фернан пожал плечами.

– Идемте, – сказал он.

– Слушайте, – заметил Рокамболь, следуя за ним, – теперь уже два часа, и вместо того, чтобы искать свидетелей, я полагаю, не лучше ли взять нам их здесь?

– Как хотите, – ответил Фернан Роше.

Он никогда еще не был в доме маркиза, а потому и находился теперь в затруднительном положении. Но вдруг он очутился лицом к лицу с майором Гарденом.

Открытая физиономия и вполне воинская осанка майора сразу понравились Фернану, и он, не задумываясь, подошел к нему и сказал:

– Вы, кажется, служили в военной службе?

– Большую часть своей жизни.

– В таком случае вы, милостивый государь, может быть, не откажете мне в одной услуге?

– В какой? – ответил Гарден, вежливо кланяясь.

– Меня только что жестоко обидели. Мой противник уезжает с восходом солнца и согласен драться со мной не иначе как сейчас.

– Вы, вероятно, желаете иметь меня своим секундантом? – заметил совершенно добродушно майор.

– Вы угадали, хотя я и не имею чести быть с вами знакомым.

– Я друг дома и знаю, кого здесь можно встретить. Я, ваш слуга.

Майор поклонился.

Покуда Фернан переговаривался с майором, виконт де Камбольх отправился прямо к сэру Артуру, которого он тотчас же и нашел в танцевальной зале, где он., разговаривал, стоя у окна, с маленьким толстопузым стариком.

Этого чистенького и молчаливого старичка можно было встретить на всех балах и пирах. Он обыкновенно садился в уголок и молча смотрел целую ночь на танцующих и уходил, когда приказывали сопровождающие его люди, которым он повиновался, как маленький ребенок.

В свете, куда являлся этот старичок, его считали сумасшедшим и приписывали это сумасшествие несчастной любви.

Этого маленького старичка мы уже давно знаем. Это был не кто иной, как г. Бопрео, тот самый, которого его жена и дочь нашли за год до нашего рассказа в одном из провинциальных домов для умалишенных.

Для объяснения этого мы заглянем несколько назад.

Г. де Бопрео, если только вы еще помните, был пойман Леоном Ролланом на месте его преступления в маленьком домике в Буживале, куда ремесленник едва успел прийти вовремя, чтобы спасти свою невесту от его насилий.

Вишня от действия наркотического вещества, данного ей сэром Вильямсом, упала в обморок, и испуганный Леон, вообразивший, что она умерла, растерялся до такой степени, что забыл о Бопрео, который воспользовался этим и бежал.

С этих пор он исчез для всех.

А так как негодование госпожи де Бопрео и Эрмины было велико и они чувствовали презрение к этому человеку, то о нем никто и не беспокоился.

Через три года Эрмина, вышедшая замуж за Фернана Роше, получила совершенно неожиданно письмо из провинции, на штемпеле которого стояло: «Прованс, Сен-Реми». В этом письме директор больницы для умалишенных уведомлял ее, что ее отец, находящийся пансионером в его заведении, находится теперь в таком положении, что его совершенно безопасно держать дома.

Госпожа де Бопрео и ее дочь, узнав о несчастье старика, тотчас же простили его и поехали за ним.

Де Бопрео был совершенно помешан и положительно не мог рассказать, что было с ним в эти три последние года.

Мать и дочь от души пожалели его и привезли в Париж. С этих пор он снова вступил в свое семейство и, так сказать, переродился.

Эрмина полюбила его и брала постоянно с собой, когда выезжала в свет.

Итак, сэр Артур разговаривал с де Бопрео, когда к нему подошел виконт де Камбольх.

– Тестюшка, – говорил баронет, – признайтесь-ка, что никогда вы бы не узнали меня в этом костюме.

– Вполне согласен, – ответил де Бопрео, – но согласитесь также, мой достопочтенный зятюшка *in partibus*, что я очень недурно вел себя с тех пор, как возвратился в семейство.

– Соглашаюсь, папа, вы настоящий образец сумасшедших и играете свою роль превосходно.

– Рад, что вы согласны с этим, – заметил с гордостью де Бопрео.

– История с Сен-Реми просто восхитительна, а все-таки, мой милый Бопрео, вы все еще думаете о Вишне.

– Конечно, зятюшка.

– И вы правы, папа, терпение! Будет и на нашей стороне праздник.

– Вы предполагаете?

– Думаю, по крайней мере, что если вы будете вести себя хорошо и делать все то, что я попрошу, то мне удастся доставить вам через несколько дней случай поговорить с Вишней в таком доме, дверей которого ее муж будет не в состоянии сломать.

Бопрео только радостно ахнул и вздохнул.

Милейший, – продолжал баронет, – кто желает достигнуть конца, для того все средства хороши. Благодаря моей находчивости вы возвратились к домашнему очагу, вас приняли с распростертыми объятиями, вы теперь катаетесь как сыр в масле, а так как вас теперь все принимают за сумасшедшего, то никто и не будет иметь недоверчивости к вашим поступкам.

– Следовательно?

– Следовательно, из этого тоже надо извлечь известную пользу, и с сегодняшнего дня я делаю вас своим помощником в одном задуманном мною предприятии.

– В каком это? – полюбопытствовал де Бопрео.

– Вы очень любите своего зятя?

– Фернана? Я бы считал себя счастливым, если бы мог задавить его.

– Следовательно, вы бы были рады, если бы с ним случилось какое-нибудь несчастье?

– Я был бы просто в восторге.

– Отлично. Итак, смотрите.

И при этом сэр Вильямс указал старичку на молодого графа де Шато-Мальи, сидевшего подле Эрмины.

– Красивый молодой человек! – воскликнул мнимый сумасшедший.

– Он подойдет сейчас к вам. Его зовут граф де Шато-Мальи, он будет уверять вас, что когда-то был коротко знаком с вами, а так как вы сумасшедший, то в этот нет ничего необыкновенного. Вы притворитесь, что узнали его, и представьте его своей дочери. Завтра вы получите от меня более подробные сведения.

Сказав это и видя перед собой виконта де Камбольха, сэр Вильямс отошел от Бопрео.

– Все устроено, – доложил Рокамболь, – он идет за мною.

– Oh, yes! – ответил на это мнимый англичанин и пошел вслед за виконтом.

Проходя по зале, он встретился с молодым графом де Шато-Мальи.

– Вон сидит маленький старик, – шепнул он ему. – Видите вы его?

– Да, – ответил граф.

– Ну так это отец ее.

– Вы представите меня?

– Вы сделаете это сами. Он помешан. Вы скажете, что вы его старый знакомый, – он будет в восхищении от этого и введет вас в дом к этой красавице.

– Иду, – ответил граф.

В это время Фернан подошел к Эрмине и сказал ей:

– Милый друг, не сердись на меня, я уеду с бала. Тебе здесь весело, а мне необходимо ехать. Я оставлю тебя под покровительство де Бопрео.

– Как! – заметила Эрмина. – Ты хочешь ехать?

– Я возвращусь через час или никак не больше, как через два. Я, по крайней мере, так надеюсь.

– Что с тобой? – спросила с беспокойством молодая женщина. – Что же случилось?

Фернан нарочно улыбнулся и постарался придать своему лицу веселое выражение.

– Успокойся, – сказал он, – я еду помочь одному бедному... Ты ведь знаешь, что я не всегда могу располагать собой.

Эта ложь дала возможность Фернану уехать с бала и не напугать молодую женщину.

От жены он подошел к Бопрео и сказал ему:

– Папаша, вы отвезете Эрмину домой.

– Хорошо, – ответил старик, кивнув головой. Виконт де Камбольх и его секундант уже были внизу лестницы, когда к ним присоединились Фернан с майором Гарденом.

Граф де Шато-Мальи подошел к де Бопрео только тогда, когда Фернан уже уехал с бала.

– Здравствуйте, господин де Бопрео, – сказал он, улыбаясь.

Бывший начальник отделения притворился несколько удивленным.

– Извините, любезный друг, – заметил он, – но ведь у меня очень плохая память, и я всегда забываю имена своих самых коротких знакомых.

– Я был также одним из ваших коротких знакомых, – заметил граф, взяв его за руку и пожав ее. – Неужели вы не узнаете вашего молодого друга, который был знаком с вами года два или три тому назад?

– А ведь в самом деле! Но ваше имя?..

– Граф де Шато-Мальи.

– В самом деле? – вскрикнул де Бопрео, сделавшийся отличным актером, побывав в школе сэра Вильямса. – Теперь вполне узнаю вас, мой любезнейший.

И при этом он стал пожимать его руки.

Вслед за этим граф де Шато-Мальи стал уверять мнимого помешанного, что он тысячу раз встречался с ним во всех частях света, а де Бопрео, в свою очередь, притворился внимательным к его словам.

Эта комедия, сочиненная гениальным сэром Вильямсом, была превосходно разыграна.

– Вы танцевали сейчас с моей дочерью, – заметил де Бопрео.

– Как! С вашей дочерью? – переспросил простодушно граф.

– Конечно. Та дама, с которой вы только что разговаривали.

– В самом деле? Эта милая и прекрасная дама – ваша дочь?

– Да. Она замужем за Фернаном Роше.

– В таком случае, сделайте одолжение, представьте меня ей.

– Охотно, – ответил маленький старичок "и взял графа под руку.

Навстречу им попала вдова Маласси, которая, переглянувшись со старым герцогом де Шато-Мальи, собиралась уехать.

Герцог только и ждал этой минуты, он поторопился пробраться через толпу, чтобы предложить ей свою руку, но было уже поздно, так как госпожа Маласси и молодой граф столкнулись лицом к лицу.

Вдова была слишком тактична, чтобы не улыбнуться тому, кого она вскоре могла лишиться наследства.

– Мне кажется, граф, – шепнула молодому человеку госпожа Маласси, – что вам очень нравится общество этого старика.

Может быть. – Он умен?

– Почти столько же, сколько и вы.

– Да, в самом – деле?

– Честное слово, он большой мастер рассказывать.

– Вы не шутите?

– И он рассказал мне, – добавил насмешливо граф, – пресмешную историю.

– Вы расскажете ее мне?

– Она очень длинна.

– Прошу вас.

– Извольте, если вы уж так желаете. Он рассказывал мне историю одного шестидесятилетнего старика, который выжил из ума и хочет жениться во второй раз на интриганке и

лишить для нее свою родню наследства. – И, сказав это, граф дерзко поклонился вдове и отошел.

Госпожа Маласси побледнела от подобной дерзости, но вскоре после этого оправилась.

– Увидим, – прошептала она, – кто кого одолеет, любезный граф.

Старый герцог подал руку госпоже Маласси и проводил ее до кареты.

– Вы поедете со мною, – сказала она самым очаровательным голосом.

Влюбленный старик не заставил ее повторять эти слова и проворно поместился около вдовы.

Когда карета отъехала от подъезда, госпожа Маласси немедленно приступила прямо к делу и цели.

– Позвольте мне поговорить с вами, – начала решительно вдовушка, – я хочу сообщить вам небольшую новость.

– Ого! Вы заинтересовываете меня.

– Эта новость заключается в том, что я уезжаю. Хотя, госпожа Маласси произнесла эти слова самым натуральным и спокойным голосом, но они подействовали ужасным образом на герцога, который в продолжение нескольких минут не мог ничего сообразить.

– Да, любезный герцог, я уезжаю, и завтра поутру.

– Вы... вы уезжаете, – наконец выговорил он. – Но зачем и куда?

– Я уезжаю, но не., могу объяснить вам ни цели моей поездки, ни причин, вызвавших ее, – заметила она, улыбнулась и добавила:

– Вы видите, мой бедный друг, что я не могу отвечать на ваши вопросы.

– Вы хотите убить меня, – прошептал старик таким голосом, что госпожа Маласси невольно вздрогнула и поняла, как была велика и сильна любовь этого старика к ней.

– Я? Убить вас?! – вскричала она.

– Я, право, ничего не знаю, но, ради бога, Лора, не шутите со мной так жестоко.

– Я не шучу, любезный герцог, но я вижу, что вы так поражены известием о моем близком отъезде, что я не могу больше скрывать от вас истинную причину.

– Вы все-таки едете?

– Еду – утром.

– Но куда?

– Вы это узнаете впоследствии.

– Но, наконец, вы, может быть, едете только на несколько дней?

– Нет, на год или два. Я еду в Италию. Герцог чуть не упал в обморок.

– И уезжаю для того, чтобы меня немного позабыли в Париже.

– Забыли? Вас?

– Да, и раньше всего чтобы сделали это вы, – ответила она холодно. – Когда женщина скомпрометирована так, как я, то ей остается только одно: расстаться с обществом и бежать. Вот это-то я и хочу сделать, любезный герцог.

– Лора! Лора! – чуть слышно проговорил старик, с которым сделалась нервная дрожь, – ради бога, объяснитесь.

– Как? – возразила она с необыкновенным воодушевлением. – Вы не понимаете? Когда я сделалась вдовой, я была одинокой и беззащитной, в это время я встретила вас и имела непростительную слабость принять сперва вашу дружбу, предложенную вами с таким бескорыстием.

Сказав это, вдовушка немного приостановилась, как бы будучи не в силах говорить от волнения, которое овладело ей.

Герцог схватил ее руки и начал страстно целовать их.

– Боже! – продолжала она. – Я была слаба... виновата... вы дали мне обещания, которым я, по своей простоте, поверила. Увы! Сегодня я убедилась в своем заблуждении и должна принять свои меры.

– Но... Я сдержу свои обещания.

– Поздно, – ответила она сухо.

– Поздно?

– Да, потому что весь Париж говорит об этом. Я это видела сегодня у маркизы. И ваш дерзкий племянник чересчур сильно дал мне почувствовать это.

– Мой племянник?! – воскликнул в гневе герцог.

– Да.

– Милостивая государыня, – возразил герцог, доведенный до безумия всей этой сценой, – мой племянник дурак, которого я научу оказывать должное почтение его тетке, герцогине де Шато-Мальи.

Госпожа Маласси вскрикнула и упала в объятия своего старого обожателя.

– Домой! – крикнул герцог своему кучеру. Прошло несколько минут, и карета остановилась у подъезда.

Госпожа Маласси все еще была в обмороке, и старый герцог бесполезно хлопотал о том, чтобы привести ее в чувство.

В его отеле все – уже спали, кроме швейцара, лакея и дворника. Только они и видели, что герцог приехал домой с женщиной, одетой по-бальному.

– Скорее, скорее! – кричал герцог. – Перенесите барыню в комнату герцогини... доктора... нет, спирту!

Госпожу Маласси перенесли в нижний этаж дома, где долго жила покойная герцогиня де Шато-Мальи.

Там герцог употребил все свои усилия привести ее в чувство, он называл ее такими нежными именами и говорил таким отчаянным голосом, что она, наконец, решилась открыть глаза и осмотреться с удивлением вокруг себя.

– Ах! – наконец, воскликнул радостно старик. – Наконец-то вы возвращены мне.

– Боже! Где я? Куда вы завезли меня? – говорила она слабым голосом. – Да говорите же скорей.

– Вы у меня.

– У вас? – вскрикнула она с притворным ужасом и вскочила.

– Вы у себя, – повторил герцог, – у себя, а не у меня, потому что не далее как через три недели вы будете герцогиней де Шато-Мальи.

Госпожа Маласси опять вскрикнула, но на этот раз она уже не нашла нужным вторично упасть в обморок.

– Нет, нет, – проговорила она, – это уже невозможно. Вы обесчестили меня. Вы безумны и жестоки, потому что вы не думаете, как мне кажется, привезти меня сюда днем, как вашу жену, после того, что вы привезли меня сюда тихонько ночью, при ваших слугах...

– О, тогда, – добавила она отчаянным голосом, заставившим герцога окончательно потерять голову, – тогда ваш племянник стал бы иметь полное право сказать мне прямо в лицо, что он подразумевал сегодня, говоря: мой дядя украл у меня наследство, женившись на своей любовнице.

Госпожа Маласси рассчитывала на эффект этих слов и, встав, завернулась в мантилью и послала рукой прощальное приветствие обезумевшему герцогу.

– Прощайте, – добавила она, – вы погубили меня. Прощаю вас потому, что я любила вас. Прощайте.

И она вышла, оставив герцога пораженным до такой степени, что у него не осталось сил бежать за ней и остановить ее.

Через пять минут после этого она была уже дома.

Всякая другая женщина удовольствовалась бы тем, что поймала герцога на слове, но она знала хорошо людей, с которыми имела дело, а потому и не решилась оставить своей комедии, не доведя ее до конца.

Госпожа Маласси собиралась нанести окончательный удар. Уходя от герцога, она думала: через три недели я буду герцогиней де Шато-Мальи. Если бы я не упала в обморок, то он отложил бы свадьбу на три месяца, а если бы я осталась теперь у него, то тогда бы все пропало.

При этом она улыбнулась и добавила: у герцога есть ключ от сада – следовательно, через час он будет здесь.

Дом, который принадлежал вдове Маласси, состоял из большого строения, выходящего на улицу, из павильона, находящегося посреди сада. В этом-то павильоне она, собственно, и жила теперь. При ней находились горничная, кухарка и управитель, которого она только что перед этим наняла.

Хотя она и пришла пешком, но можно было подумать, что она приехала в карете, потому что возвратилась в три часа ночи и в бальном костюме, – следовательно, ее люди не могли подозревать, что она приехала не с бала, а откуда-нибудь из другого места.

Павильон госпожи Маласси был обширен, отлично меблирован и состоял из трех этажей.

В него было два входа. Один через сени, а другой через дверь, внизу лестницы, которая выходила прямо в сад и скрывалась за решеткой, которая шла до стены и примыкала к другой маленькой двери, выходившей на улицу Лаборд, пустую не только ночью, но и днем.

В эту последнюю дверь никто не имел права входить, кроме госпожи Маласси, впрочем, почти никто не видел, что и она входила через нее. Однако от этой двери было два ключа: один у вдовы, а другой – у герцога де Шато-Мальи.

Этим ключом он мог открывать не только дверь в сад, но и ту, которая вела в павильон. Очень часто в полночь, когда уединенная улица Лаборд становилась окончательно пустою, два человека пробирались к двери сада. Один из них отпирал ее, а другой оставался сторожем. Первый из них пробирался около решетки в павильон и поднимался по лестнице, которая вела в верхний этаж – в комнаты госпожи Маласси.

Он выходил оттуда почти всегда через час, товарищ его ждал обыкновенно у калитки.

Этот товарищ ночных походов и, был не кто иной, как лакей, который, как мы уже знаем, заставил прогнать себя и унес «нечаянно» ключ от сада.

Когда госпожа Маласси вернулась домой, она застала своего нового слугу разговаривающим с горничной. Этот слуга, поражающий своим странным и грубым лицом, атлетическим сложением, широкими плечами и взглядом, обнаруживающим дикие страсти, был тот самый человек, которого мы уже встречали в собрании клуба червонных валетов.

Вдовушка отпустила его спать и прошла в свою комнату.

– Поскорее, – сказала она своей горничной, – набей чемодан или какой-нибудь картон любимыми вещами и поставь их посредине комнаты.

– Вы едете? – спросила горничная, удивляясь подобному приказанию.

– Нет, но я показываю вид, что еду. Горничная была вполне опытная женщина.

– Вы изволите дожидаться господина герцога? – спросила она.

– Да. Теперь он уже сам хочет жениться на мне.

– А вы не хотите?

– Нет.

– В таком случае я пойду укладывать свои вещи, потому что надеюсь переехать вскоре в отель де Шато-Мальи.

– Это очень может случиться, – заметила госпожа Маласси, которая вполне вверилась своей горничной.

Этим она оправдывала мысль, что женщина, доверяющая своей служанке, – не из высшего звания.

Горничная проворно исполнила приказание своей госпожи и уложила в чемодан несколько вещей.

– Я не имею права давать вам советов, – сказала она, – но если вы, барыня, позволите мне сделать одно замечание, то я осмелюсь вам доложить, что вы должны показывать вид, что действительно уезжаете.

– Я это и намерена делать.

– Но, будучи на вашем месте, я написала бы герцогу трогательное прощальное письмо.

– Действительно, это хорошая мысль.

– И в то время, когда герцог, входил бы сюда, я бы сделала вид, что запечатываю его.

– Ты умная девушка!. Теперь можешь уйти.

– Вы очень добры, – сказала горничная, уходя.

Оставшись одна, госпожа Маласси последовала совету своей камеристки и села за письменный стол и только что начала писать, как невольно вздрогнула и стала прислушиваться.

Ночь была тиха, так что можно было расслышать малейший шорох.

Вскоре бряцанье ключа и потом скрип отворившейся двери поразил слух вдовы.

– Вот он! – подумала она.

В самом деле, по дорожке сада послышались чьи-то шаги, отворилась дверь, и потом шаги раздались уже на лестнице.

Госпожа Маласси продолжала писать.

Но вот в дверь ее комнаты постучались два раза.

– Войдите, – сказала она, не оборачиваясь.

Дверь отворилась, и на пороге показался человек.

Будучи уверена, что увидит перед собой бледное и встревоженное лицо старого герцога, вдова спрятала письмо в картон и медленно обернулась.

Перед ней был чужой.

Госпожа Маласси громко вскрикнула.

Фернан Роше и майор Гарден, как мы уже знаем, нашли виконта де Камбольха внизу лестницы.

Рокамболь поклонился своему противнику.

– Позвольте мне, – сказал он, – сделать вам небольшое предложение. Я живу очень недалеко отсюда, и у меня на квартире есть шпаги. Впрочем, если вы не пожелаете сражаться ими, то мы можем послать за шпагами в оружейную Лепажа или Девима.

– К чему, мы будем сражаться вашими шпагами.

– Хорошо. Но затем я нахожу, что до лесу очень далеко.

– В таком случае пойдемте, куда хотите.

– Недалеко отсюда, между улицами Курсен и Лаборд, есть глухое место, где нам будет отлично.

– Согласен, – сказал Фернан.

– У меня здесь есть экипаж, а так как, по моему мнению, совершенно излишне делать наших людей поверенными, то я отошлю своего грума домой и отвезу вас сам к месту сражения.

Фернан молча поклонился.

Рокамболь усадил майора и Фернана на заднее место, а сам с сэром Артуром поместился на переднем.

Через несколько минут они уже были в предместье Сент-Оноре и остановились у крыльца дома, где жил виконт де Камболях.

– Господа, – сказал виконт, передавая вожжи сэру Артуру, – я вас попрошу несколько обождать.

И, сказав это, он проворно сходил к себе наверх, взял две пары шпаг и также скоро возвратился.

– Теперь я к вашим услугам.

Экипаж снова двинулся в путь и вскоре остановился у пустоши, известной под названием равнины Монсо.

В то время на часах одной из колоколен пробило два с половиной часа.

Ночь была светлая, а воздух был сух и холоден.

– Нам будет так светло драться, как днем, – заметил Рокамболь Фернану.

Майор Гарден и мнимый англичанин стали мерить шпаги.

Гарден хоть и знал, что произойдет дуэль, но он не знал причины ее, а также и того, что в лице сэра Артура скрывался главный начальник всего клуба червонных валетов.

В силу этого последнего обстоятельства сэр Артур и разыгрывал перед ним роль англичанина, говоря ломаным французским языком и вытягивая из горла такие звуки, что никто другой, кроме настоящего природного англичанина, не мог бы произнести их.

Мнимый англичанин нашел время подойти к Рокамболю, снявшему уже плащ, и шепнул ему –

– Помни удар, который я показал тебе.

– Я знаю и помню его очень хорошо.

– В особенности не надейся на глупостей да не убей его.

– Будьте спокойны.

– Милостивый государь, – заметил Фернан, подходя к сэру Артуру, – теперь действительно очень холодно, а потому нам надо поторопиться.

Оба противника стали друг против друга, и сэр Артур сказал:

– Начинайте, господа!

Дуэль продолжалась около получаса, и, наконец, шпага Рокамболя вытянулась и, согнувшись, вонзилась острием в плечо Фернана, который почти в ту же минуту упал.

– Ну, – прошептал сэр Вильямс, – только бы он не убил его. Мне нужно нечто лучшее его жизни.

Майор Гарден, видя, что Фернан упал, предположил, что он убит или ранен, и хотел подойти к нему, но Рокамболь сказал:

– Любезнейший майор! Сделайте мне одно одолжение.

Майор посмотрел на него.

– Завернитесь в ваш плащ и возвратитесь на бал... или идите домой, ваши услуги более не нужны нам.

Майор поклонился и ушел.

Рокамболь и сэр Артур наклонились к Фернану, который лежал в обмороке.

Кровь лилась довольно обильно из его раны, несмотря на то, что она не была глубока.

– Уверен ли ты, что не убил его?

– Конечно.

Баронет взял фонарь и стал осматривать рану.

– У тебя ли ящичек, – спросил он. – который я прислал тебе утром? рокамболь достал ящичек из кеба и подал его сэру Вильямсу.

Затем они перенесли раненого Фернана в экипаж и положили его на заднее сиденье.

Сэр Артур сел в кеб и стал поддерживать Фернана, а Рокамболь повел лошадь.

– Теперь ночь, – заметил при этом мнимый англичанин, – и виконту Камбольху не придется краснеть.

Через четверть часа после этого они уже были у подъезда того дома в Монсейской улице, где жила Тюркуза.

Женни поспешила посветить давно ожидаемым гостям.

Она была не одна. За ней следовал низенький, толстенький господин в голубых очках, в котором Баккара, наверное бы, узнала того мнимого доктора, которого она увидела около себя четыре года тому назад в день ареста Фернана Роше.

– Все ли у тебя готово? – спросил ее сэр Вильямс.

– Конечно, все.

Тогда сэр Артур и его мнимый кучер при помощи толстенького человечка вынули Фернана из кеба и осторожно внесли в комнаты.

Затем сэр Вильямс перевязал его рану и, оставив его на попечении Тюркузы и мнимого доктора, вернулся на бал, где добрался до оконного проема в стене и там спрятался.

Отсюда он мог видеть все и вместе с тем оставаться незамеченным.

Прежде всего ему бросился в глаза молодой граф де Шато-Мальи, танцующий с Эрминой, потом старый герцог, любезничающий с госпожой Маласси, и, наконец, Шерубен, танцующий вальс с маркизой Ван-Гоп.

Когда Фернан Роше пришел в себя, он увидел, что находится в прелестно убранной комнате.

Около него находился маленький толстячок, в котором раненый сразу предположил доктора.

Толстячок взял его за руку и попробовал пульс.

– У вас небольшая горячка, – сказал он. – Что, вы чувствуете боль?

– Немного, – ответил раненый и при этом сделал резкое движение.

– Вам надо лежать, не шевелясь, – заметил ему тогда мнимый доктор.

– Разве я опасно ранен?

– Нет, я думаю, что вы пролежите не больше недели.

– Вы мне позволите спросить вас кое о чем?

– Сделайте одолжение.

– Где я? В больнице?

– Нет.

– Так где же?

– Я не могу сообщить вам по поводу этого ровно ничего. Я был приглашен к вам два часа тому назад. Вы лежали одетым, и за вами ухаживала молодая женщина лет двадцати.

– Моя жена?!

– Не знаю; блондинка небольшого роста, но очень хорошенькая собой.

– Это не Эрмина, – заметил тихо раненый. – У кого же я?

– Право, не знаю.

– Здесь, кажется, нет никого из мужчин?

– Нет.

– И вы не знаете, кто эта дама?

– Я не знаю ее имени, так как при мне ее ни разу не называли.

– Странная тайна, – подумал раненый.

В это самое время Фернан услышал легкие шаги по ковру и увидел перед собой молодую женщину, которая произвела на него особенное впечатление.

Женщина, бывшая перед ним, была прелестным созданием красоты.

Черное бархатное утреннее платье на голубой подкладке увеличивало еще больше очаровательную белизну ее рук и шеи, а томная меланхолическая улыбка, свойственная женщинам, испытавшим уже горе в жизни, мелькала на ее прелестном личике.

Она взглянула на Фернана и беспокойно спросила:

– Как вы себя чувствуете?

Он было хотел поблагодарить ее, но она торопливо прижала свой розовый пальчик к его губам и добавила: г

– Тише! Доктор вам запретил говорить.

– В настоящее время я больше пока не нужен здесь, – заметил толстенький доктор. – Рана не опасна, а через несколько часов я приду опять, чтобы сделать перевязку.

Сказав это, он вышел.

Фернан находился в недоумении.

– У кого я? Зачем? И почему не дали знать моей жене?

Фернан мало-помалу стал свыкаться со своим положением и незаметно для себя влюбился в свою хорошенькую сиделку, которая ни за что не хотела сообщить ему своего имени, уверяя, что это глубокая Тайна и что она сама находится под чужим влиянием.

Красавица-сиделка Фернана написала по его просьбе письмо Эрмине, в котором уведомила ее, что Фернан ранен и потому не может вернуться домой раньше как через восемь дней, и при этом добавила, чтобы она была вполне спокойна, так как рана совсем не опасна.

«К счастью, у той, которая была причиной нашей дуэли, – говорилось в письме, – премиленькая белая ручка, которая и взялась написать тебе эту записку вместо меня. До свидания».

Написав все это в полной уверенности, что Фернан не будет сам читать письма, она подала его ему, и он, действительно, подписал его, не читая.

Фернан уже начинал поддаваться влиянию этой очаровательницы.

На другой день после отправки этого письма к Эрмине молодая красавица подошла к нему.

– Мой дорогой больной, – сказала она, – ваша сиделка просит у вас позволения отлучиться на несколько часов и побыть в это время наедине с доктором, который, несмотря на его педантский вид, очень неглупый малый.

Молодая женщина, высказав эти слова, улыбнулась и вышла из комнаты, куда вошел толстенький доктор.

Молодая красавица вошла в свою уборную, переделалась в самый простенький костюм и приказала своей горничной нанять фиакр.

Через несколько минут после этого молодая женщина вышла из своего отеля, села в стоявший у подъезда наемный фиакр и приказала кучеру везти себя к Бастилии и остановиться на углу Сен-Жерменского предместья.

Куда же она ехала?

А теперь нам пора посмотреть, что делают наши знакомцы первого эпизода нашей истории.

Мы говорим о Вишне и Леоне Роллане.

В день их свадьбы при выходе из церкви граф де Кергац, уезжая в Италию, вручил честному работнику два объемистых пакета: в одном из них заключалось письмо Жанны к Вишне, а в другом письмо и банковский билет в сто тысяч франков, который де Кергац дарил Роллану с тем, чтобы тот устроил большую столярную мебельную мастерскую и дал бы в ней занятие двумстам работникам.

Жанна тоже просила Вишню открыть большой модный магазин и в его мастерской дать занятие бедным девушкам.

Спустя шесть месяцев после этого, в предместье св. Антония были открыты две громадные мастерские, занявшие собой почти целый дом.

По прошествии же трех лет Роллан сделался одним из самых известных – фабрикантов и имел громадное число рабочих.

В тот день, когда наша прелестная незнакомка оставила Фернана наедине с доктором, а сама, переодевшись, поехала к Бастилии, Леон Роллан занимался со своим конторщиком в своей конторе.

В это время к нему подошел один из его учеников по имени Мине.

– Что тебе. Мине? – спросил его Леон.

– Хозяин, – ответил мальчик, – с вами желает говорить какая-то молодая девушка.

Леон, подумав и предположив, что это, верно, одна из работниц его жены, которая занималась в верхнем этаже, сказал:

– Зови ее. Я здесь.

Через минуту после этого Роллан увидел перед собой уже известное нам очаровательное маленькое создание и невольно вздрогнул.

– Господин Роллан? – проговорила она вкрадчивым, нежным и мелодичным голосом.

– Это я.

Молодая женщина бросила какой-то странный, недоверчивый взгляд на присутствующих в конторе

Леон понял, что ей не хотелось говорить при них, и сделал им особенный знак.

– Что вам угодно? – повторил он свой вопрос, когда конторщик и подмастерье вышли из комнаты.

Она потупилась и вздрогнула.

– Вы, – сказала она, – года два тому назад давали работу Филиппу Гарену.

– Очень может быть, и мне что-то помнится это имя, – сказал Леон, припоминая. – Эго был, кажется, человек лет пятидесяти.

Молодая девушка кивнула головой и опять посмотрела на него так, что он вздрогнул всем телом.

– Это был провинциальный работник, – продолжал Леон, вспомнив, наконец, личность, о которой шел разговор. – Он работал у меня около шести месяцев.

– Совершенно верно.

– Потом, сколько мне помнится, он вернулся на родину, где у него оставалась дочь.

– Я, – пояснила молодая девушка, вся вспыхнув.

– Вы? – переспросил Леон.

– Да. Меня зовут Евгения Гарен, – ответила она грустным голосом.

– Ваш отец...

– Он-то и прислал меня сюда.

– А! Понимаю, – заметил Леон, – он, верно, беспокоится, что поторопился уйти от меня. Но будьте уверены и скажите ему, – добавил Леон Роллан, улыбаясь, – что у меня найдется опять для него работа и даже деньги, если он теперь нуждается в них.

– К несчастью, он не может уже работать... он ослеп.

– Ослеп! – вскрикнул Леон.

– Да. Уже шесть месяцев.

– Вы не ошиблись, что обратились ко мне, – сказал тогда Леон Роллан.

Незнакомка сконфузилась.

– Вы, может быть, ошибаетесь, – сказала она. – Мы пришли просить у вас работы. Мой отец послал меня и сказал: «Госпожа Роллан добрая и достойная женщина и, вероятно, не откажется дать тебе работу».

– Конечно, нет, – ответил Роллан.

– Одно только меня беспокоит, – продолжала молодая девушка, – я не могу ходить работать в мастерскую, так как мой отец ослеп и к тому же болен.

– Ну, это еще вполне поправимо. Вишня будет вам давать работу на дом. Моей жены нет теперь дома, но она скоро будет; если хотите, подождите ее.

– Я подожду, если позволите, – ответила она печально/

Леон посмотрел на нее, на ее чистенький костюм, за которым она напрасно старалась скрыть свою бедность, и испытал какое-то особенное чувство к ней, объясняя это простым состраданием.

– Пойдемте наверх, – сказал он, – там вы подождете в швейной. Моя жена теперь скоро вернется домой.

Молодая девушка молча встала и последовала за ним.

– Странно, – думал между тем Леон, поднимаясь по лестнице, – этот Филипп Гарен был порядочный плут, когда он работал у меня.

И, оборотясь к молодой девушке, он спросил:

– Где живет ваш отец?

– В двух шагах отсюда: улица Шарон, № 23.

– Я схожу сейчас же к нему. Я только что хотел идти туда, на эту улицу, когда вы пришли ко мне. Там у меня склад дров.

– Мамаша, – добавил он, входя в мастерскую, – Вишня еще не возвращалась?

– Нет еще, – ответила старуха.

– Вот эта молодая девушка подождет ее, я особенно рекомендую ее как дочь одного из бывших моих работников.

Затем он обернулся к молодой девушке и предложил ей позавтракать с ними.

– Благодарю вас, – ответила она печально, – но извините меня, если я не приму ваше предложение. Мой отец...

Леон был тронут до слез и подумал, что она, вероятно, не принимает его предложения потому, что у ее больного отца нет совсем хлеба.

– Подождите здесь, – сказал он, – я сейчас же вернусь.

И, накинув на плечи пальто, он проворно сошел с лестницы, вышел из дому и направился на улицу Шарон.

Через несколько минут после этого он был уже у дома № 23.

– Где живет Филипп Гарен? – спросил он у привратницы.

– Шестой этаж, в коридоре третья дверь налево. Леон Роллан поднялся по грязной узкой лестнице на самый верх дома и постучался в указанную ему дверь.

– Войдите, – раздался из-за нее чей-то разбитый голос.

Леон отворил дверь и невольно вздрогнул при виде той ужасной нищеты, которая царствовала в этой крошечной конурочке, все убранство которой состояло из кровати, соломенника, стола и двух стульев.

Старик лежал на соломеннике, прикрытый тонким одеялом. Но столе стояла кружка с водой, кусок хлеба и несколько пустых обломанных и потрескавшихся тарелок.

Леон узнал своего бывшего работника, глаза которого были красны и тусклы.

– Кто там? – спросил он плачевным голосом.

– Это я – Леон Роллан.

– Возможно ли?! – вскрикнул слепой. – Такая честь жалкому бедняку

– У меня была ваша дочь.

– Ах! – продолжал старик, едва удерживаясь от рыданий. – Без этого божьего дитятка я бы умер с голоду.

И при этом старик рассказал, что почти полгода она работает по восемнадцать часов в сутки за пятнадцать су, и это все из-за него.

– Вы отлично сделали, мой друг, что прислали ее ко мне. Ваша дочь теперь у меня, и моя жена даст ей работу, а покуда, мой друг Гарен, позвольте мне услужить вам и дать взаймы немного денег.

Слепой закрылся руками.

– Ах, – прошептал он, – я не смею и не могу отказаться, когда моя бедная дочь...

И при этом он смиренно протянул руку.

Леон положил в нее две золотые монеты и сказал:

– Прощайте покуда. Завтра я буду у вас, а теперь пришло к вам вашу дочь.

Роллан спустился вниз и подошел к привратнице-старухе в чепце вроде турецкой чалмы.

– Подите к Гарену, – сказал он, подавая ей шесть франков, – затопите у него камин, купите говядины и сварите ему супу. Вообще, позаботьтесь о нем. Я еще зайду сюда.

Привратница, ввиду подобной щедрости, отвесила ему поклон до самой земли и поспешила исполнить его приказание.

Леон Роллан направился домой, и в то время, когда он шел по площади, его догнала Вишня, возвращаясь от графа де Кергаца.

Вишня в эти четыре года превратилась в прелестную молодую особу, на которую любовались все жители предместья и не называли ее иначе как «прелестная, очаровательная госпожа Роллан».

– Милочка, – сказал ей Леон, – пойдем поскорее, тебя уже давно ждут дома. т – Кто?

– Одна бедная девушка.

И Леон рассказал своей жене, что произошло в ее отсутствие.

Евгения Гарен сидела в столовой и ожидала их. Вишня взглянула на нее и невольно вздрогнула.

– Вот и оба попались! – подумала Евгения. – Через неделю этот человек будет страстно и безумно влюблен в меня, а эта особа станет также сильно ревновать.

Через час после этого мнимая дочь Филиппа Гарена поднялась по грязной лестнице дома № 23 и вошла в каморку слепого.

Привратница точно исполнила приказания Леона Роллана: она затопила камин и сварила суп, который старик и доедал, когда к нему вошла его мнимая дочь.

– Ну, господин слепой, – сказала она, – хорошо ли вы сыграли вашу роль?

– Отлично. И если бы вы были тут, моя добрая барыня, то вы бы похлопали мне. Я так хорошо плакал, что дурак совершенно растаял.

Слепой расхохотался.

– Он дал мне целых сорок франков, – продолжал он рассказывать, – и прислал нашу привратницу, вдову Фипар, затопить у меня камин и сварить мне супу.

– Вижу, вижу, – заметила, улыбаясь, молодая женщина, – что у вас отличный аппетит.

– Гм... Аппетит-то хорош, но жажда еще сильнее, и если бы сообразовали, милая барыня, приказать потешить меня винцом.

– Погоди, старый пьяница, – ответила, смеясь, молодая женщина, – ты тогда разболтаешься и можешь наделать кучу глупостей.

– Следовательно, я должен утолять свою жажду одной водой.

– Пока я не позволю тебе пить вино. В тот день, когда тебе будет дано это разрешение, ты можешь спать хоть в самом кабаке.

– А смею спросить: скоро это будет?

– Не знаю еще. Ну, я не могу долго сидеть в вашей конуре, слушайте хорошенько: мы условились, что вы будете получать от меня ежемесячно по десять луи. Если вы только будете честно и добросовестно выполнять роль слепого.

– Совершенно верно, моя добрая, но даю вам честное слово Гарена, что я отлично исполняю роль слепого, несчастного отца.

– А если вы дотянете свою роль до конца, то вам заплатят еще тысячу экю. Конечно, по окончании всей этой комедии.

Мнимый слепой радостно вскрикнул.

– Прощайте. Я зайду сюда завтра утром. Роллан не может прийти завтра ни утром, ни вечером, я это знаю. Но если бы он пришел вечером, то вы, вероятно, сумеете сказать ему, что я пошла по делу.

Сказав это, мнимая Гарен встала и, спустившись по лестнице, зашла к привратнице, которая была не кто иная, как вдова Фипар, приемная мать негодяя Рокамболя – щеголеватого виконта де Камбольха.

Так как вдова Фипар была посвящена в тайны мнимой дочери отца Гарена, то Тюркуза вошла к ней, не стесняясь, и сказала:

– Я бросила вам наверху узел. Вы отнесете его в комнату, нанятую вами для меня в улице Лапп, и найдете швею, которая бы как можно скорее сшила все, что там завернуто. Понимаете?

– Конечно, моя красавица.

– До свидания.

Тюркуза вышла от нее и, наняв фиакр, приказала ехать в улицу Монсей.

Через несколько минут после этого она уже была дома, то есть в отеле, куда поместил ее сэр Вильямс, сделавший из нее орудие своих преступных планов.

Войдя к себе, она поторопилась сбросить с себя свой костюм, приняла ванну и оделась в великолепный костюм.

– Что он? – спросила она у служанки.

– Ничего, доктор был и перевязал его. Он все спрашивал, скоро ли вы вернетесь.

Тюркуза расхохоталась.

– Ну, бедный голубок, попался, – заметила она, – *и* я убеждена, что через три месяца от полезет в скважину замка по первому знаку моего мизинца.

Сказав это, молодая женщина прошла в комнату, где ожидал ее раненый Фернан.

– Наконец-то, – прошептал он при виде ее.

– Неужели вы с таким нетерпением желали меня видеть, – спросила вкрадчиво молодая женщина, бросая на Фернана такой взгляд, который невольно заставил его покраснеть.

– Извините меня, – прошептал он.

Она улыбнулась еще раз и небрежно бросилась в большое кресло, стоявшее около кровати больного.

С этой минуты Фернан Роше стал жить как во сне. А она, его очаровательница, по-прежнему продолжала окружать себя глубокой тайной.

Через несколько дней после этого он мог уже вставать, и Фернан был очень обрадован, когда прелестная незнакомка сказала ему:

– Сегодня великолепный день, солнце так и греет, и в воздухе очень тепло. Если вы будете благоразумны, то я позволю вам пройти раза три по саду... конечно, опираясь на мою руку.

Дня через три после этого, когда Фернану сделалось уже почти совсем хорошо, прелестная незнакомка сказала ему:

– Мой друг, я попрошу вас оказать мне большую услугу.

– Все, что вы хотите, лишь бы я мог доказать вам свою...

– Можете, – перебила она, – к чему все эти громкие фразы. Слушайте меня хорошенько.

– Говорите.

– Вы, конечно, знаете, что я не могу сказать вам ни моего имени, ни названия улицы, где стоит этот дом.

– Да.

– Следовательно, вы, верно, не откажетесь дать мне ваше честное слово, что вы будете повиноваться мне слепо.

– Даю.

– Слепо – в точном значении этого слова, так как я завяжу вам глаза.

Фернан удивился.

– Завязав вам глаза, вас посадят в карету, но предварительно вы возьмете с собой это письмо, в нем будут заключаться мои инструкции, и вы увидите, чего я жду от вас.

– Это что-то вроде главы из сказок «Тысячи и одной ночи».

– Почти что так.

– Но куда же меня повезут?

Молодая женщина расхохоталась.

– Странный вопрос! – заметила она. Зачем же вам глаза завязывают?

– Да, вы правы.

– Вы сядете в карету, вас повезут... затем остановятся, и вы выйдете. Тогда вы снимете повязку и прочитаете мое письмо.

– А когда надо ехать?

– Сейчас же.

Затем она села к письменному столу и, написав несколько строчек, приказала подать Фернану его плащ.

– Вот этим платком, – сказала она, снимая со своей шеи маленький платочек, – я завяжу вам глаза, и вы должны думать обо мне, пока у вас будут завязаны глаза.

Затем Тюркуаза завязала ему глаза, посадила его при помощи кучера в карету и захлопнула ее дверцы.

Кучер ударил по лошадам, и карета покатилась.

Карета ехала быстро, беспрестанно поворачивая в разные стороны, и, наконец, часа через два остановилась.

– Мы приехали, сказал кучер, отворяя дверцу кареты.

Фернан поспешил выйти из экипажа и осмотреться.

Была ночь.

Он находился в конце Амстердамской улицы, как раз против Западной железной дороги.

Фернан поспешил подбежать к фонарю и прочел письмо, оно, впрочем, было очень коротко.

«Мой друг!

Вы уже почти поправились и потому в состоянии возвратиться домой, где вас так нетерпеливо ждет ваша жена, которая вас так любит.

Прощайте и не выходите больше на дуэль.

Прощайте, не сердитесь на меня и скажите самому себе, что видели все это во сне.

В нашей жизни, право, нет ничего лучше снов».

Фернан глубоко вздохнул и слегка вскрикнул.

– Я должен увидеть ее, – прошептал он, – хотя бы для этого пришлось перевернуть весь Париж.

На следующий день после того, как Фернан был выпровожен из маленького отеля Тюркуазы, часов в двенадцать ночи в квартире Рокамболя сидел сэр Вильямс.

Виконт курил сигару, а сэр Вильямс кушал прекрасный пирог, вознаграждая себя им за ту постную пищу, которой он довольствовался в отеле графа де Кергаца.

– Дядя, – заметил Рокамболь, – мы не видались уже три дня, и теперь, вероятно, есть уже что-нибудь новенькое.

– Вероятно, племянник.

– Пока вы будете ужинать, я прочитаю вам наши записки.

Сэр Вильямс молча кивнул головой.

Рокамболь встал, взял туго набитый картон и развернул его, устроив из своих коленей что-то вроде стола. «

– Посмотрим, – пробормотал капитан, продолжая ужинать.

– Начинаю с отчета Шерубена.

– Это самый важный.

Все члены общества червонных валетов писали постоянно свои донесения Рокамболу.

Рокамболь начал читать.

Из отчета было видно, что Шерубен уже успел заинтересовать маркизу.

– Ох, – заметил Рокамболь, – пять миллионов этой индийской барыни достаются нам не легко.

– Но до них все-таки доберутся.

– Маркиза – чистая крепость из добродетели.

– Да, – согласился сэр Вильямс.

Рокамболь перебрал опять бумаги и продолжал читать.

– Записка о Маласси.

– Эта записка писана Вантюром, – заметил он, – а для управляющего и лакея Маласси он довольно ловок.

– Читай, – заметил сэр Вильямс. Рокамболь перевернул листок и стал читать:

«Маласси вернулась ночью с бала. Вскоре она услышала шаги и предположила, что это герцог де Шато-Мальи, но ожидания ее не оправдались, так как вместо него к ней вошел шестой червонный валет. Она слабо вскрикнула, между тем как дверь ее комнаты заперлась и в ней воцарилось глубокое молчание.

Неизвестно, что произошло в ее комнате, но г. Шампи ушел перед самым рассветом и с тех пор не приходил больше к ней.

Госпожа Маласси стала выходить ежедневно из дом в два часа и возвращаться к себе только в четыре.

В четверг, в семь часов утра, пришел к ней сам герцог, судя по его встревоженному лицу и беспорядку в одежде, можно было предположить, что он не ложился спать всю ночь.

При виде его Маласси тоже побледнела и не смогла скрыть своего волнения. Впрочем, она имела достаточно характера и силы воли, чтобы не выдать себя перед ним, и отлично разыгрывала свою роль.

Герцог бросился перед ней на колени и страстно умолял ее, это продолжалось довольно долго, и, наконец, она уступила под условием, чтобы свадьба их была самая скромная, и притом ночью, и чтобы после свадьбы они тотчас же уехали в Италию.

В заключение всего этого я нахожу нужным заметить, что она потребовала также от герцога, чтобы он не был у нее до дня первого оглашения.

Жду приказаний».

– Недурно, – проворчал сэр Вильямс, – но только чересчур уже быстро, так, что его надо несколько придержать. Дело молодого графа де Шато-Мальи еще немного продвинулось вперед.

– Что нового от Фипар? – добавил он.

– Маленький рапорт, – ответил Рокамболь, – я его записал со слов моей маменьки, которая приходила ко мне сегодня вечером.

– Читай!

«Белокурая дамочка бывает аккуратно и ежедневно у отца Гарена, она сидит у него и шьет. Роллан тоже приходит ежедневно, под предлогом узнать о здоровье старичка, а на самом деле что-то долго просиживает с молоденькой дамой.

Уже два дня, как его голос что-то особенно дрожит, когда он спрашивает у меня, дома ли девица Евгения.

Вчера он явился раньше обыкновенного и в то время, когда маленькая дама еще не была у Гарена. Я сказала ему, что ее нет дома, он побледнел, но все-таки пошел наверх».

– Птица в сетях, – заметил опять сэр Вильямс и вынул из кармана маленький сверток бумаги.

Это было письмо Тюркуазы и заключало всего несколько строк:

«Любезный попечитель! Мне кажется, что бедную Вишню Роллан в самом непродолжительном времени постигнет глубокое несчастье. Ее сумасшедший супруг окончательно обезумел. Он готов ежеминутно броситься передо мной на колени и если и удерживается от этого, то только потому, что около нас находится постоянно мой отец Гарен.

Ваша козочка».

Сэр Вильямс прочел еще раз это послание и, наконец, сжег его на свечке.

– Дядя, – заметил Рокамболь, – могу я вам задать один вопрос?

– Да.

– В Тюркуазу влюбились одновременно Фернан и Леон?

– Конечно.

– К чему же эта двойная игра? Можно ведь было просто найти двух женщин.

Сэр Вильямс пожал плечами.

– Решительно ты глупее, чем я предполагал, – сказал он.

– Но...

– Как, – продолжал сэр Вильямс, не обращая ни малейшего внимания на обиженный протест Рокамболя, – разве ты не предвидишь той минуты, когда оба эти человека дойдут до предела своей страсти?

– Что же тогда?

– Что? Тогда мы подготовим маленькую сцену: они встретятся и убьют друг друга, как какие-нибудь пьяные мясники.

– Славно! Славно! – вскрикнул в восторге Рокамболь и посмотрел на своего капитана с восхищением.

Сэр Вильямс предался размышлениям, которых Рокамболь не решился прервать.

Так прошло около десяти минут. Но вдруг англичанин поднял голову.

– По моему мнению, – начал сэр Вильямс, вдохновляясь, – сердце женщины бывает иногда очень загадочно, но, чтобы узнать его, бывает много данных.

– Так.

– Кто знает, может быть, она уже втайне любит Шерубена.

- Может быть.
- Но будучи добродетельной, она сама не хочет сознаться себе в этом, – следовательно, мы должны как-нибудь вырвать у нее это признание.
- Да можно ли это?
- На свете все возможно.
- Так, дядя.
- Маркиза часто ездит в оперу?
- Почти постоянно.
- Отлично. Послезавтра идут «Гугеноты». Ты отправишься к Шерубену и скажешь ему, что ты мастер делать царапины в плечо. Он должен позволить тебе нанести этот удар. И кто знает, – может быть, маркиза пошлет на другой день после вашей дуэли узнать о его здоровье.
- Черт побери! Ваша мысль, право, недурна, дядя.
- Постой и слушай. Ты пошлешь Шерубена в оперу и велишь ему поместиться поближе к ложе маркизы.
- Так.
- В антракте ты поссоришься с ним и, конечно, будешь разговаривать с ним настолько громко, что маркиза услышит вас и узнает точно о часе и месте дуэли и дальнейших подробностях ее. Конечно, ты не позабудешь и об адресе Шерубена.
- Понимаю.
- А в ожидании этого пусть Шерубен завтра же переедет в улицу Пепиньер, № 40.
- То есть в дом госпожи Маласси.
- Верно.
- Окна этой комнаты выходят в сад, и их можно видеть из квартиры Маласси.
- Отлично! Отлично! – бормотал восхищенный Рокамболь.
- Маркиза бывает иногда у своей приятельницы, и я готов побиться с тобой об заклад, что в день дуэли раньше полудня маркиза будет уже у госпожи Маласси. Вантюр будет извещать нас. Как тебе все это нравится?
- Восхитительно, бесподобно, но...
- Еще что?
- Ведь «но» может быть всюду. Если Шерубен не захочет...
- Что?
- Да быть ранен.
- Ты с ума сходишь, виконт.
- Да ведь это неприятно.
- Мой друг, раз человек попался в наши руки, – заметил холодно сэр Вильямс, – то он вполне наш.
- Мне больше нечего возразить, – проговорил смиренно Рокамболь.
- Баронет молча встал, застегнулся и протянул руку Рокамболю.
- Прощай, до завтра, Вечером буду.
- Поедете в моем экипаже?
- До улицы Бланш.
- Сэр Вильямс действительно доехал до улицы Бланш и, остановившись там, направился в улицу Монсей. Здесь он вошел в отель Тюркуазы.
- Ах! Это вы, – сказала она, – я так и думала, что вы приедете ко мне сегодня вечером.
- То есть, вернее сказать, утром, так как теперь, уже три часа утра.
- Все равно.
- Завтра поутру ты отвезешь своего мнимого отца в лечебницу Дюбуа – она находится в предместье Сент-Дени.

– Наконец-то, – радостно проговорила Тюркуза.

– Остальное ты сама знаешь.

– А Фернан?

– О! Еще рано. Черт возьми! Как рано для того, кто хочет обобрать человека на пять миллионов.

– У меня хватит терпения, – заметила она, – и я уверена, что если он еще раз вернется сюда, то оставит здесь все свое состояние до самой последней частицы его.

– Ну, а честь своей жены? – проговорил баронет спокойным голосом.

Тюркуза нагнула голову и тихо прошептала: Да будет так!

На следующий день после свидания сэра Вильямса с Рокамболом, вечером, в половине восьмого, маркиза Ван-Гоп сидела в своем будуаре и одевалась.

Маркиз присутствовал тут же и любовался красотой своей жены.

Маркиз был страстный игрок в шахматы и в этот вечер поджидал к себе хороших игроков, а потому и не хотел лишать себя случая поиграть в свою любимую игру.

– Друг мой! – сказал он своей жене, – я заеду за тобой в театр к последнему акту.

– Просите майора в залу, – распорядилась маркиза.

– Вы уже одеты, – заметил живо маркиз, – и вы можете принять его здесь.

Майору было уже около пятидесяти лет, и этим-то и объяснялось то доверие, которое выказывал ему маркиз. Майор вошел в будуар.

– Вот кстати-то, – проговорил любезно маркиз. Майор поцеловал руку маркизы и посмотрел вопросительно на ее мужа.

– Вы любите оперу? – спросил вместо ответа маркиз.

– Да, очень.

– Ну и отлично, вот маркиза предлагает вам место в своей ложе на сегодняшний спектакль.

На губах у маркизы появилась легкая улыбка.

– Майор, – проговорила она насмешливым тоном, – вы знаете страсть моего мужа к шахматной игре, и эта страсть заставляет его теперь отдать свою жену под покровительство друга.

И затем, взглянув на своего мужа, добавила: – Идите, милостивый государь, идите играть в шахматы.

Через десять минут после этого майор сел вместе с маркизой в карету и поехал с нею в оперу.

Театр был полон.

Рядом с ложей маркизы поместился Шерубен с каким-то молодым человеком, а напротив – виконт де Камбольх.

В антракте маркиза Ван-Гоп услышала разговор в соседней ложе, из которого узнала, что виконт вызвал Шерубена на дуэль; тогда она почувствовала, что уже любит Шерубена, и в мучительном страхе и волнении за его жизнь вернулась домой, не зная, на что решиться и что предпринять.

Она долго молилась, и, наконец, ею овладело какое-то особенное состояние, в котором ей представилось как бы наяву место битвы, противники, и при этом ее воображение до того разыгралось, что ей казалось, она слышит стук их шпаг и вдруг один из них как будто вскрикнул и упал. Это был он! Она зашаталась и лишилась чувств.

На другой день она очнулась только в двенадцать часов. Бедная женщина лежала на полу.

В эту минуту раздался звонок, молодая женщина подбежала к окну и посмотрела в него.

Прошло несколько минут, показавшихся ей чуть не целым веком, но, наконец, вошел человек в одежде посыльного. Это было письмо от госпожи Маласси.

Маркиза вздохнула свободнее и почувствовала, что возвращается к жизни.

Госпожа Маласси писала:

«Милая моя маркиза! Вот уже целая неделя, как мы не виделись с вами. У меня было много неприятностей в это время, а потому я прошу вас ради нашей дружбы побывать у меня сегодня же, так как я дала себе слово не выходить сегодня из дому; причину этого я сообщу вам при нашем свидании. Маласси».

Маркиза чуть не вскрикнула от радости – это письмо было благотельным предложением для нее и давало ей возможность узнать о результате поединка.

Молодая женщина позабыла даже о том, что была еще в бальном костюме, и, проворно закутавшись в шаль, приказала подать карету. Через полчаса после этого она была уже у своего верного друга – вдовы Маласси.

«Возвратился ли он? Жив ли он?» – думала она, входя к ней.

– Дорогая моя! – проговорила Маласси при виде входившей гостьи. – Как я рада, что наконец-то вижу вас.

Она встала и подошла к маркизе.

– Боже мой! Что с вами? – удивилась маркиза, всматриваясь в бледное изнеможенное лицо вдовы. – Вы больны?

– Ничего, друг мой, не беспокойтесь, – ответила ей Маласси и глубоко вздохнула. – Я просто дурно спала эту ночь.

– Как и я, – заметила тихо маркиза.

– Представьте себе, – начала Маласси, усаживая маркизу около себя на диване, – с некоторых пор я страдаю бессонницей. Сегодня ночью я тоже не спала до пяти часов, и только что было легла в постель, как слышу, что в нашем саду поднялся какой-то необыкновенный шум и крик.

У маркизы при этих словах сделалась нервная дрожь, но у нее достало силы воли сдерживать себя.

– Ужасное происшествие! – продолжала между тем вдова.

– Боже? Что же случилось?

– Страшное несчастье! – ответила Маласси. – Бедный молодой человек, который жил в этом доме...

– Что? Говорите же скорее! – проговорила маркиза взволнованным голосом.

– Он дрался на дуэли. Его принесли чуть живого... почти мертвого.

Маркиза вскрикнула и упала без чувств. С этой минуты тайна ее сердца была выдана. Маласси подбежала к сонетке и начала дергать ее. Явился Вантюр.

– Ага! – проговорил он, переглянувшись с вдовой. – Мне кажется, что и эта барыня попала в наши руки.

Неужели же и вдова Маласси уже успела сделаться орудием адских интриг сэра Вильямса и его клуба червонных валетов?

Это мы увидим ниже.

Вдова Маласси попала в сети сэра Вильямса и его сообщников при посредстве Вантюра, который выследил, как она ходила на свидания к молодому человеку, который явился к ней, как мы уже знаем, ночью вместо герцога и, прикинувшись влюбленным, окончательно овладел сердцем старой красавицы. Вантюр сообщил ей, что он знает и прошлую ее жизнь с такими подробностями, которые вынудили, наконец, Маласси войти в соглашение с ее бывшим лакеем.

Итак, вдова позвала Вантюра, который помог ей положить маркизу на диван, затем он вышел, а Маласси – употребила все свое старание, чтобы привести молодую женщину в чувство.

– Боже, – прошептала наконец маркиза, оглядываясь с удивлением вокруг себя. – Что случилось?

– Успокойтесь, моя милая, дорогая маркиза. Его рана не смертельна и его, наверное, спасут.

Маркиза опять не выдержала и радостно вскрикнула. Но при этом крике она вспомнила, что выдала себя, и тихо прошептала:

– Боже! Я погибла!

При этих словах Маласси, изучившая вполне добропорядочную свою роль, опустилась перед ней на колени и, посмотрев на нее с выражением особенной нежности и преданности, тихо сказала:

– Я была до сих пор вашим другом – хотите ли, чтобы я с этой минуты стала вашей сестрой?

Маркиза молча сжала руки Маласси, и это пожатие показало вдове, что гордая креолка влюбилась.

Перед ногами маркизы открылась громадная пропасть.

* * *

А теперь мы вернемся назад и посмотрим, что делает наша старая знакомая Эрмина де Бопрео, которая, как мы знаем, вышла замуж за Фернана Роше.

Вернувшись в четыре часа домой с бала маркизы Ван-Гоп, она, конечно, очень удивилась, что Фернана еще не было дома, но, вспомнив, что он хотел ехать на помощь какому-то бедному семейству, она вскоре успокоилась и легла спать.

Проснувшись на другой день и не видя Фернана, она начала опять беспокоиться и, наконец, дошла до такого положения, что решила съездить к графу де Кергацу, который, по ее мнению, должен был знать, где находится Фернан, если только он действительно уехал исполнять поручение графа.

У графа де Кергаца она застала виконта Андреа, который с некоторого времени стал очень ревностно заниматься исполнением дел по своей новой должности.

Де Кергац удивился исчезновению Фернана, но сколько ни думал, не мог объяснить дела. Эрмина уже собиралась ехать домой от графа, когда ей подали письмо Тюркуазы.

Эрмина прочла его и молча передала де Кергацу, который, в свою очередь, передал его виконту Андреа.

Молодая женщина была удивлена и глубоко поражена тем, что это письмо, написанное рукой женщины, было подписано Фернаном.

Виконт Андреа начал успокаивать ее и поклялся ей, что он во что бы то ни стало отыщет ей ее мужа, который, по его мнению, вероятно, сделался жертвой общества червонных валетов.

– Много ли у вас знакомых в доме маркизы Ван-Гоп? – спросил между прочим виконт Андреа.

– Почти никого. Впрочем, я познакомилась у нее с одним молодым человеком – графом де Шато-Мальи.

– Я знаю его, – заметил граф де Кергац.

– В таком случае, – посоветовал виконт, – самое лучшее – поговорить с графом де Шато-Мальи, который может узнать, с кем и как уехал ваш муж.

– Я сейчас же отправлю к нему отца, – проговорила взволнованная Эрмина и поторопилась домой.

Но ей незачем было посылать де Бопрео, так как, в силу счастливых стечений обстоятельств, то есть, вернее сказать, вследствие инструкций сэра Вильямса, граф де Шато-Мальи сам приехал с визитом к Эрмине Роше.

Узнав от нее об исчезновении Фернана, он обещал молодой женщине оказать все свое содействие, чтобы помочь ей разыскать Фернана.

Она протянула ему руку и грустно улыбнулась.

Граф де Шато-Мальи решился немедленно привести свое обещание в дело и тотчас же поехал к майору Гардену, который, по его словам, должен был знать кое-что по этому делу, так как он вышел с бала вместе с Фернаном.

Граф скоро вернулся назад. Эрмина указала ему на стул подле себя.

– Ну, что? – спросила бедная женщина. Граф вздохнул.

– Как я слышал, – начал он тихо, – у вашего мужа была дуэль с одним шведским виконтом де Камбольхом. Эта дуэль произошла, как говорят, на шпагах и ночью, потому что виконт де Камбольх был должен утром ехать в Италию. Ваш муж будто бы был ранен в руку и отнесен в какой-то ближний дом.

– Где же этот дом? – перебила его живо Эрмина.

– Не знаю. Кажется, г. Роше находится теперь у какой-то баронессы, которая коротко знакома со всеми этими господами.

Эрмине сделалось несколько легче, она подумала, что все это произошло без воли и согласия Фернана.

И она, может быть, даже и успокоилась бы, удовлетвовавшись подобным объяснением, если б только ее не страшили странные выражения этого письма, которое было подписано самим Фернаном.

Тогда целомудренная, чистая женщина, сохранившая в супружестве всю наивность молоденькой девушки, попробовала добиться истины и, расположив в свою пользу графа де Шато-Мальи, разузнать через него все подробности.

Конечно, если бы при этом присутствовал баронет сэр Вильямс, он бы радостно улыбнулся, видя, как удаются все его планы и адские замыслы.

Право, нельзя было бы даже и желать ничего лучшего от первого свидания молодой женщины со своим будущим соблазнителем.

Но надо сознаться при этом, что Эрмине Роше было очень нетрудно сделать ошибку и довериться вполне графу де Шато-Мальи, физиономия которого была так симпатична и благородна.

Граф был красноречив, страстен и говорил так увлекательно о той преданности, которую почувствовал к ней с первого же дня их встречи, что невольно становился опасен.

Через час после этого он уже настолько расположил к себе молоденькую женщину, что она позволила ему прийти к ней, как только он получит какое-нибудь самое ничтожное сведение о дуэли Фернана с виконтом де Камбольхом.

Тогда Эрмина показала ему письмо, которое она получила от Тюркуазы.

Но едва только граф де Шато-Мальи взглянул на него, как вздрогнул и вскрикнул:

– Я знаю этот почерк!

Вы его знаете! – вскрикнула в свою очередь Эрмина, почувствовавшая, что вся кровь прилила к ее сердцу.

– Да, знаю, – проговорил он и, взглянув с состраданием на Эрмину, добавил:

– Бедная вы женщина!

– Вы знаете ту женщину? Кто она?

Тогда граф де Шато-Мальи сообщил ей, что будто бы он знал эту женщину уже давно и что она принадлежит к разряду женщин самого распутного поведения.

Граф подал оба письма, Эрмина сличила их и невольно побледнела.

– Почерк действительно один и тот же, говорила она испуганным голосом.

Де Шато-Мальи, казавшийся очень взволнованным или, по крайней мере, притворившимся таким, взял руку Эрмины, поцеловал ее самым почтительным образом и тихо сказал тоном самого глубокого участия:

– Я прошу вас в вашем глубоком несчастье положиться на меня как на самого преданного вам друга, который один только может спасти вас и помочь вашему горю.

И, сказав это, он опустился перед ней на колени и добавил:

– Позвольте преклониться перед вами, как преклоняются перед добродетелью, преследуемой пороком.

Эрмина слушала его, не отнимая от него своей руки. Она смотрела на него как на человека, которого само небо послало ей как покровителя.

– Но прежде чем сказать вам, какой вы подвергаетесь опасности, – продолжал граф, – позвольте задать вам только один вопрос.

– Говорите, – прошептала молодая женщина.

– У вас дети?

– Да, сын одного года.

– Итак, во имя этого-то сына я прошу вас теперь надеяться на меня как на друга.

Человек, говоривший эти слова, был молод и имел вполне честный, открытый вид, и он так благородно предлагал свою дружбу, что молодая женщина не могла не поверить ему и почувствовала особенное влечение к нему.

– Я надеюсь на вас, – прошептала она.

Тогда граф де Шато-Мальи почтительно отодвинул от нее свое кресло, как будто доверенность ее к нему поставила невидимую преграду между ним и ею.

– Простите меня, – продолжал он, – если я позволю себе рассказать вам теперь для уяснения всего дела несколько подробностей холостой жизни.

Эрмина не отвечала, приглашая своим молчанием продолжать разговор.

Граф в нескольких словах рассказал ей тогда, что Топаза, то есть, по его словам, автор письма, принадлежит к кругу самых развращенных женщин, вся цель жизни которых заключается в разорении тех бедных молодых людей, которые имеют несчастье попадать в их сети. Затем он добавил, что и он был одним из таких несчастных, поддавшихся влиянию этой женщины, и что он был спасен благодаря двум своим друзьям, которые схватили его ночью и, посадив в почтовую карету, увезли его в Германию – почти за триста лье от этой женщины-минотавра, поедавшего его живым.

Граф умолк и посмотрел на Эрмину.

Молодая женщина была бледна, как статуя, и вся ее жизнь, казалось, сосредоточилась в ее взгляде и на словах графа.

– Целый год путешествий и преданность моих друзей с трудом могли излечить от этой ужасной болезни, и вот, если верить почерку письма, в какие ужасные руки попал ваш муж.

Две слезы скатились по щекам молодой женщины и капнули на руку.

– Я буду повиноваться вам, – прошептала она, – как брату.

– Прекрасно, – отвечал он, – таким образом я спасу вас. С этого дня я более здесь не должен показываться. Супруг ваш не должен знать, что я был здесь. Я должен быть для вас совершенно незнакомым.

– Боже мой! – прошептала она испуганно. – Неужели я более не увижу вас?

– Увидите, – отвечал граф. – завтра вечером, когда стемнеет, выходите из дому, нанимайте карету и поезжайте в Елисейские поля. Я буду ждать вас в конце аллеи лорда Байрона.

Эрмина, по-видимому, была в нерешительности, и поэтому он, устремив на нее спокойный взгляд, спросил:

- Взгляните на меня: разве я не чистосердечен?
- Я пойду, – сказала она, слегка покраснев. Граф встал и, поцеловав руку, прибавил:
- Верьте мне. Я спасу вас.

Он сделал несколько шагов к двери, но затем воротился:

- Ни слова об этом никому, даже вашей матери. Помните, что от этого зависит успех.
- Будьте покойны, – отвечала она.

Граф ушел, оставив Эрмину, погруженную в бездну мрачного беспокойства, но тем не менее доверчиво относящуюся к человеку, которого Вильямс, проклятый, поставил на ее пути.

Граф де Шато-Мальи приезжал к Эрмине в фэртоне, обыкновенно лишь с маленьким грумом.

Молодой граф был немного взволнован сценой, разыгранной им с искусством даровитого актера. За неделю перед этим он, быть может, посовестился бы самого себя, но теперь... жребий брошен. Притом же он говорил, что в любовных делах цель оправдывает средства.

* * *

В подобных размышлениях он подъехал к дому. Квартира его была в первом этаже, она отличалась богатством, но вместе с тем той простотой, которая сразу дает понятие о человеке мужественного и строгого характера. Все комнаты оклеены были темными или серыми обоями, на стенах развешаны картины Мурильо и Габека, позолоты и разных побрякушек почти нельзя было заметить, что доказывало, что граф не принадлежит к числу тех людей, которые желают выставить напоказ свое богатство.

Прислуга графа состояла из грума-британца, старухи кухарки и арапа по имени Снежный Ком.

Снежный Ком, отворив графу дверь, сообщил, что его ждет какой-то незнакомец.

Граф спокойно вошел в залу.

У камина сидел человек, одетый в узкие клетчатые панталоны, нанковый жилет и коричневый сюртук со стоячим воротником, на голове круглая прямая шляпа с небольшими полями. Одним словом, это был Артур Коллинс, тот самый, с которым мы уже познакомились на балу у маркизы Ван-Гоп и который был секундантом у виконта Камбольха на дуэли с Фернаном Роше.

- А, наконец, – небрежно проговорил он, увидев входящего графа.
- Здравствуйте, милорд, – обратился граф, садясь.
- Ну, как дела? – спросил сэра Артур.
- Все исполнено согласно вашим инструкциям, – ответил граф.
- Письмо, которое я вам послал, вы показали?
- Да, и представил очень нелестную картину моей мнимой страсти к этой также мнимой женщине, которую вы называете Топазой.

Затем граф подробно рассказал описанную нами выше сцену.

Сэр Артур слушал его с важным видом, по временам лишь кивая головой в знак одобрения. Наконец, когда граф начал рассказывать о страданиях, простодушном доверии и о легкомысленном предании себя Эрминою на его волю, на лице англичанина изобразилось живое удовольствие.

- Да, дела ваши, милый граф, идут успешно, – проговорил он наконец.
- Вы думаете?
- Без сомнения. В этом, что вы ей рассказали, есть много правды.

- И Топаза существует?
- Конечно, потому что она писала.
- И настоящее имя ее Топаза?
- Нет, но это безразлично.
- Однако мне приятно думать, что она менее опасна, нежели можно предполагать по сделанному мною портрету.
- Ошибаетесь, вы еще далеко от истины.
- Но в таком случае мы совершаем гнусное дело. Сэр Артур улыбнулся и устремил на графа неподвижный пытливый взгляд.
- Вы шутите? – спросил он холодно.
- Нисколько. Я начинаю даже жалеть, что заключил с вами условие.
- Хотите уничтожить его?
- Гм... – отвечал граф в нерешимости, – я не прочь употребить все усилия, чтобы понравиться молоденькой хорошенькой женщине, но быть участником разорения ее мужа...
- Сэр Артур пожал плечами.
- Вы не в своем рассудке, – проговорил он после короткого молчания. – Заметьте, что не вы отдали г. Роше в руки этой женщине, вы не принимали никакого участия ни в ссоре, ни в дуэли, ни в похищении раненого.
- Положим, что так, однако...
- Следовательно, – продолжал англичанин, – разорение Роше вас не касается. Ваше дело – понравиться его жене, вот и все. Наградой за это будет дядюшкино наследство, которое у вас отнимут, если я откажусь помочь вам. Впрочем, успокойтесь: Фернан Роше не разорится.
- Вы обещаете мне это?
- Не забудьте, что у него двенадцать миллионов.
- Черт возьми! Я никак не предполагал, что он так богат.
- Начинаете ли вы наконец понимать меня?
- Почти.
- Вы уже приобрели доверие и дружбу госпожи Роше. Надежда, что вы возвратите ей мужа, что вырвете его из рук этой ужасной женщины, заставит ее пренебречь всеми приличиями и обращаться с вами как с братом.
- Но ведь я не возвращу ей мужа. – Вы возвратите его.
- Я вас не понимаю, – проговорил граф изумленно. – Завтра вечером у вас будет свидание с нею, не так ли?
- Да, к вечеру, на Елисейских полях.
- Вы возвестите ей о возвращении мужа через три дня, не вдаваясь ни в какие подробности, и потребуете, чтоб она не расспрашивала его и не намекала ни на письмо, ни на Топазу.
- А Роше возвратится?
- Ну да.
- Но в таком случае все мои надежды рушатся.
- Ах, да! Я забыл сказать, что он возвратится домой – неожиданно, прогнанный Топазою и влюбленный в нее до безумия, он придет к жене мрачный, в дурном настроении духа, одним словом, в таком виде, который характеризует мужа, влюбленного в другую женщину.
- Что же из этого выйдет?
- О! Вы слишком любопытны, – отвечал сэр Артур. – Ваше дело исполнить в точности мои инструкции, и будьте уверены, что через месяц госпожа Роше будет обожать вас и, что еще важнее, ваш дядюшка откажется от женитьбы на вдове Маласси и не лишит вас наследства.

После этих слов Артур Коллинс распростился с графом и вышел.

Он сел в наемную карету и велел везти себя в предместье Сент-Оноре, к виконту де Камбольху, где, переменив свой костюм, он должен был превратиться в кающегося грешника, в виконта Андреа – правую руку Армана де Кергаца, начальника полиции, старающегося открыть и уничтожить вредное общество червонных валетов.

* * *

Тайны, открытые Эрмине графом, повергли несчастную женщину в отчаяние. Напрасно утешал он ее, напрасно уверял, что все кончится благополучно: несчастная Эрмина видела только одно – измену любимого ею мужа.

Трудно описать, как страдала эта несчастная женщина в продолжение последующей ночи и другого дня. Но тем не менее она сохранила обет молчания и ни с кем не делилась своими страданиями.

Следующая ночь и день прошли для нее без всяких радостных утешений. У нее было только одно порывистое желание – увидеть поскорее графа де Шато-Мальи, который накануне высказал ей столько чувств преданности, что она стала считать его своим вернейшим другом.

Когда наконец стемнело, Эрмина тайком, как беглый преступник, выбежала из своего дома, дошла до площади Гавр, села в фиакр и велела ехать на Елисейские поля.

Конечно, ни одно свидание не было так предосудительно, как то, на которое ехала эта несчастная женщина. Но она ехала на это свидание для того, чтобы вырвать мужа из рук ужасной женщины. И, несмотря на все это, Эрмина в продолжение всего пути дрожала как осиновый лист. Зловещий голос говорил ей, что опасность, которой она подвергается, больше той, которую она хочет устранить.

Фиакр наконец остановился.

Эрмина, сердце которой сильно билось, бросила беспокойный взгляд вдоль аллеи лорда Байрона, но там никого не было. Граф заставил ждать себя, это была тонкая политика. Несчастная Эрмина ждала со страшным замиранием сердца более четверти часа. Он все не являлся.

Наконец вдали показался всадник, ехавший крупной рысью.

– Это он! – прошептала Эрмина, сильно вздрогнув. Это действительно был де Шато-Мальи.

Быстро соскочив с лошади, он подошел к фиакру.

– Ну что? – спросила Эрмина дрожащим голосом.

– Со вчерашнего дня я сделал громадный шаг, – отвечал граф. – Я узнал, где ваш муж и где живет это отвратительное создание. Будьте уверены, что я возвращу вам вашего мужа, но позвольте мне увидеть вас послезавтра, так как сегодня я ничего еще не могу вам сообщить.

Эрмина хотела было расспросить его. Он нежно поцеловал ее руку и сказал:

– Не забудьте, что вы обещали повиноваться мне. Итак, прошу вас приехать сюда послезавтра, т. е. в воскресенье.

После этого граф быстро сел на лошадь и поскакал. Эрмина, не узнав ничего утешительного, возвратилась домой еще печальнее и мрачнее.

В продолжение двух дней Эрмина совершенно предалась своему ребенку, как бы стараясь найти спасение в материнской любви, точно так, как корабль во время бури старается скорее войти в гавань. Она прильнула к колыбели своего младенца так, как утопающий держится за спасительный канат.

В воскресенье она явилась в назначенное время на свидание. Граф в этот раз не заставил ждать себя.

– Радуйтесь, – воскликнул он, – ваш муж возвратится.

Эрмина задрожала от радости.

– В среду вечером он приедет домой, но умоляю вас об одном: не делайте ему никаких упреков и не произносите ни имени этой женщины, ни моего. Даете мне в этом слово?

– Даю.

– Благодарю! Прощайте.

Озаренная надеждою, она возвратилась домой и стала считать минуты, оставшиеся до возвращения ее мужа.

В среду вечером несчастная Эрмина сидела и, сильно взволнованная, смотрела лишь на часы, но проходил час за часом, пробило наконец полночь.

Он не возвращался.

Она снова пришла в отчаяние.

В два часа ночи кто-то позвонил в отель.

– Ах, это он, это он! – вскрикнула она с замиранием сердца.

Она хотела встать, хотела бежать к нему навстречу, броситься в его объятия, но волнение не позволило ей даже сдвинуться с места, голос ее замер, дыхание остановилось... Она почувствовала, что силы ее оставляют, и она, разбитая, упала на диван в будуаре.

Возвратимся теперь к Леону Роллану.

Прошло около недели с тех пор, как Тюркуза, под именем Евгении Гарен, явилась в мастерскую улицы св. Антония, где Вишня, по рекомендации ее мужа, дала ей работу.

Этих немногих дней было вполне достаточно для того, чтобы собрать грозу над головою счастливого и мирного семейства, которое до сих пор охраняли любовь и труд. И все это произвел один чарующий взгляд мнимой работницы.

Мы уже знаем, какой она произвела переворот в продолжение нескольких часов в сердце мебельного мастера.

В продолжение почти целого дня Леон Роллан не мог дать себе положительно никакого отчета в испытываемом им смущении. Следующую за этим ночь он провел без сна, так прошло несколько дней, в которые Леон почти постоянно уходил из дому и вообще не занимался больше своими делами.

Он уже почти не мог преодолеть своего увлечения и ходил как помешанный. Леон стал чувствовать необходимость уединения и потому каждый день после ужина находил предлог удалиться из дому. Так прошло еще несколько дней, а его увлечение принимало все большие и большие размеры, так что он уже не стал находить себе дома ни малейшего покоя.

Однажды вечером, сидя в своей конторе, он сообразил все и тогда же дал себе слово и обещание превозмочь себя и затушить свою страсть.

Леон решил удалить Евгению Гарен из Парижа и с этой целью вздумал дать ей денег на дорогу.

Итак, он вышел из своей квартиры и направился на улицу Шарон.

У него в кармане была тысяча франков, которые он хотел подарить отцу Гарену с тем только, чтобы тот уехал поскорее из Парижа.

Вдовы Фипар на этот раз не было в привратничкой, так что он поднялся прямо по лестнице до квартиры слепого.

Леон позвонил.

– Войдите, – ответил ему молодой голосок. Роллан вошел в каморку и очень удивился, увидев, что в ней не было старика Гарена. Евгения Гарен поспешила сообщить ему, что она должна извиниться перед ним в том, что они не решились сказать ему прямо того, что уже давно задумали сделать. По ее словам, старик Гарен был не в силах выносить больше тех благодеяний, которые делал для них Роллан, а потому и решился уехать в больницу.

– А я, – dokonчила молодая девушка, – перееду завтра из этого дома.

Эти слова поразили как громом Леона Роллана.

– Вы... уезжаете... из этого дома? – проговорил он, как будто не расслышав сказанного.

– Да, – ответила она просто, – я поступаю горничной в одно английское семейство, что делать, я буду, по крайней мере, помогать своему отцу.

В продолжение нескольких минут Леон хранил гробовое молчание, но, наконец, зло взяло верх над добром, и порок остался победителем, над добродетелью.

– Вы не уедете! – вскрикнул он. Она посмотрела на него с ужасом.

– Почему?

– Потому, – ответил он страстным голосом, – потому, что я люблю вас.

И несчастный упал при этих словах к ногам демона-соблазнителя.

Бедная Вишня!

Вероятно, читатель помнит, как Фернан при свете фонаря прочел письмо Тюркуазы.

Он был убит, уничтожен и поражен его содержанием.

– О! Я отыщу ее! – воскликнул он и пошел неверными шагами куда глаза глядят.

Он шел часа два и наконец вышел в улицу Исли.

Тогда только он пришел несколько в себя и позвонил у своего отеля.

Ему отворили.

Фернан вошел и осмотрелся, в с дном только окне он заметил свет.

Этот свет выходил из окна комнаты его жены.

Фернан вздохнул и молча прошел дальше.

Эрмина ждала его. Он вошел, и бедная женщина бросилась к нему с радостным криком:

– Наконец, это ты!

Эти горячие объятия, этот голос чистого сердца окончательно привели Фернана в себя и вывели из того нравственного оцепенения, в котором он находился.

Он крепко обнял жену и поцеловал.

– О, Эрмина, – проговорил Фернан, – боже, как я страдал и как ты должна была страдать.

Молодая женщина уже начинала думать, что граф де Шато-Мальи солгал, как вдруг Фернан зажал ей рот и сказал:

– Не правда ли, ты прощаешь меня?

Он просил прощенья – следовательно, он был виноват.

Эрмина молчала и смотрела на него.

– Да, – продолжал он, – твой Фернан, ангел мой, любит тебя, твой Фернан, которому ты веришь, вел себя в это время как какой-нибудь ветреник, как ребенок... он забыл, что для него уже прошло время шалостей, что у него есть жена и сын, и оставил тебя одну на бале, одну – тебя, и пошел рисковать своей жизнью, которая ему даже и не принадлежала, и все это за одно неосторожно сказанное слово. Из-за глупой ссоры в карты я оставил тебя и пошел драться в два часа ночи!

– Боже! Боже! – прошептала Эрмина, – я так и предполагала. Но... – продолжала она, глядя на него с глубокой любовью, – ты легко ранен?

Она смотрела не него и, казалось, искала место, куда проникло лезвие шпаги.

– Пустяки, – проговорил он, – простая царапина. Впрочем, я пролежал из-за нее целую неделю, так как у меня вследствие нее открылся сначала бред. Меня отнесли сам не знаю куда и тебе написал сам не знаю что. О! Все это какой-то фантастический сон, – прибавил он и дотронулся рукой до лба.

Затем Фернан вскочил со своего места и подошел к колыбели сына.

Можно было предположить, что он хотел избежать объяснений и прибегнуть к родительской нежности.

Он взял сына на руки и осыпал его поцелуями.

Ребенок проснулся и расплакался.

Эрмина, как и всякая мать, слыша слезы своего ребенка, забыла собственное горе, ревность и муки и обратилась вся к нему.

Тогда Фернан снова положил ребенка в постель.

Если бы сэр Вильямс присутствовал при этой сцене семейного счастья, то и он бы усомнился в своем могуществе, увидев, как теперь возвратилось счастье под кров, откуда хотел его изгнать этот адский гений.

Но вдруг Фернан вздрогнул и отшатнулся. Перед ним воскресло воспоминание старого... проклятый, гибельный, соблазнительный образ снова явился перед его глазами.

Он невольно задрожал всем телом и побледнел.

– Эрмина, – прошептал он, хватая свою жену за руку, – дай мне одно обещание!

Она грустно взглянула на него и тихо сказала:

– Говори.

– Обещайте мне, – продолжал Фернан, – не расспрашивать меня никогда о том, что происходило в течение этих семи дней.

– Обещаю, – проговорила она с глубокой покорностью.

– И что ты никогда не будешь расспрашивать меня, – продолжал Фернан, – кто ухаживал за мной во все это время.

– Обещаю, – повторила еще раз молодая женщина, поняв, что граф де Шато-Мальи не обманывал ее.

– От этого зависит все твоё счастье, – добавил Фернан и глубоко вздохнул.

Дня три или четыре после этого Фернан делал невероятные усилия, чтобы изгладить из своей головы образ Тюркуазы, но это не легко удавалось ему.

На третий день поутру он, по обыкновению, уехал кататься верхом и не возвращался весь день. Наступила ночь, его все не было, и Эрмина напрасно ждала его. Ею овладело ужасное беспокойство.

Вдруг послышался топот.

– Это он! – подумала молодая женщина, бросаясь к окну.

Действительно, это была его лошадь, но его самого не было.

Эрмина вне себя выбежала во двор и узнала от комиссионера, который привел лошадь, что ему поручил доставить ее домой какой-то человек, который, сойдя с нее, пересел в коляску к молоденькой даме в голубом платье.

Более он ничего не знал.

При этом рассказе у Эрмины закружилась голова: она не сомневалась больше, что белокурая дама, о которой поведал посыльный, приведший лошадь, была не кто иная, как та низкая тварь, которая похитила у нее сердце ее мужа, и что Фернан снова попался в руки этого минотавра. Она приказала подать карету и, не помышляя даже о том, что поступает неосторожно, села в нее и приказала кучеру ехать на улицу Лаффит, № 41.

Прелестная и добродетельная Эрмина вспомнила про графа де Шато-Мальи и, не рассуждая, что ехать к нему открыто, в десять часов утра, значит скомпрометировать себя навеки, бросилась к нему, предполагая, что он поможет ей еще раз отвратить опасность и спасти ее от грозящего ей несчастья.

В то время как ее карета остановилась у подъезда графа и Эрмина выходила из нее, из ворот отеля графа де Шато-Мальи выехал фиакр, в котором сидел сэр Артур Коллинс.

Он узнал Эрмину, и на его кирпичном лице появилась гнусная, мерзкая улыбка.

– Наконец-то, – прошептал он, – графу решительно везет.

Но посмотрим теперь, как все это произошло.

Фернан Роше, как мы уже знаем, поехал верхом кататься. Он долго ездил и уже хотел возвратиться домой, когда вдруг услышал сзади себя хлопанье бича и бряцанье почтовых колокольчиков.

Обернувшись, он увидел почтовую карету, которая быстро пронеслась мимо него.

Хотя экипаж ехал и очень скоро, но он все-таки успел заметить того, кто ехал в нем. Это была его прелестная незнакомка.

Он вскрикнул от удивления, смешанного с испугом и радостью, и помчался вслед за каретой, которая уже успела скрыться в это время за углом улицы.

Он хотел еще раз видеть ее. Она, вероятно, уезжала на долгое время из Парижа, это можно было предположить уже потому, что карета была нагружена чемоданами и дорожными баулами, а сзади нее сидели лакей и горничная.

Она уезжала этого уже было довольно, чтобы Фернан отказался излечиться от своей болезни и забыть свою соблазнительницу. У него оставалась теперь только одна мысль, одно желание, одна цель: соединиться с нею.

Его отель в улице Исли, его жена, сын, вся его тихая и приятная жизнь все сразу исчезло из его памяти.

Карета опередила его и скрылась вдали, но он расспрашивал у проходящих о ней и достиг Адской заставы ровно через двадцать минут после того, как экипаж, за которым он гнался, переехал через нее.

Прелестная незнакомка ехала по дороге в Орлеан.

Фернан, не задумываясь, пустил свою лошадь в галоп, но карета неслась с ужасающей быстротой, так что Фернану удалось нагнать ее только в то время, когда она въехала в маленький городок Этамп и остановилась у гостиницы «Золотой рог».

Фернан подъехал к дверцам кареты.

Тюркуза увидела его и вскрикнула от удивления.

Фернан провел с ней целый день и, будучи окончательно увлечен молодой женщиной, поклялся ей в любви и упросил ее вернуться с ним обратно в Париж. Тюркуза прикинулась ему влюбленной в него и уверила его, что она убегает от любви к нему во Флоренцию.

Карета быстро умчалась в Париж, куда и приехала ночью. Забывчивый Фернан и не подумал о том, как должны были беспокоиться о нем дома и в каком отчаянии должна была находиться его жена. Он не спросил у своей спутницы, куда она везет его.

Экипаж быстро проехал по улицам Парижа и, наконец, въехал в сад.

На следующий день, лишь только появились первые лучи солнца, Тюркуза распорядилась призвать комиссионера и приказала ему отвести лошадь в улицу Исли и передать Эрмине то, что так взволновало ее.

Однажды вечером госпожа Шармэ возвратилась домой часов в пять и привезла с собой хорошенькую девочку лет четырнадцати или пятнадцати.

Эта благотворительная дама была неустоима в исполнении своих обязанностей и почти каждый день спасала и вырывала у порока какую-нибудь бедную девушку.

В этот день ей особенно посчастливилось, так как ей удалось спасти от порока целое семейство, состоящее из трех сестер-сирот. Старшей из них – двадцатилетней девушке – она доставила место камеристки в одном английском семействе, вторую из них – семнадцати лет – она поместила в один магазин шелковых изделий и, наконец, третью, которой было не больше пятнадцати, но которую уже пытался соблазнить один старый развратник-торгаш, Баккара взяла на время к себе.

Баккара сидела со своей гостьей в своей комнате, как вдруг услышала звон колокольчика, раздавшийся во дворе.

У нее не бывали так поздно, а потому это посещение, по ее мнению, было вызвано чем-нибудь особенным и не терпящим отлагательства.

Госпожа Шармэ позвонила и приказала старой служанке присмотреть за девочкой.

– Поди погрейся, дитя, на кухне, – сказала она при этом. – Женестьева сейчас сходит с тобою в магазин и купит для тебя белье и одежду.

Девочка и служанка вышли через одну дверь, а через другую слуга ввел какую-то даму. Это была Вишня.

Удивление Баккара было более чем сильно, когда она увидела перед собой свою младшую сестру Вишню, не выезжавшую почти никуда в сумерки. Но это удивление перешло в беспокойство, когда она разглядела хорошенько ее.

Вишню нельзя было положительно узнать: она похудела, побледнела, и во всех ее движениях нельзя было не заметить глубоких страданий.

Вишня бросилась на шею своей сестре и страстно обняла ее.

– Я пришла к тебе, – проговорила она, – потому что я страдаю и не хочу довериться никому, кроме тебя.

– Ты страдаешь! – воскликнула с беспокойством Баккара.

Она осыпала ее поцелуями и, взяв с материнской нежностью за руки, посадила к себе на колени. Вишня залилась слезами.

– Боже! – проговорила Баккара. – Неужели твой ребенок?..

– О, нет, – ответила сквозь слезы Вишня.

– Твой муж?

Вишня не отвечала, но еще сильнее разрыдалась.

– Леон болен?

– Нет.

Баккара стала догадываться, что произошла какая-нибудь домашняя сцена, и вскрикнула, как раненая львица.

– О! Если только Леон позволил себе хоть сколько-нибудь огорчить мою милочку Вишню, то клянусь честным словом Баккара, что я сумею разделаться с ним!

И при этом ее глаза заблистали, как молнии, и напомнили ту энергичную и смелую женщину, которая однажды вечером в доме сумасшедших чуть было не убила горничную Фанни.

– Ах! – прошептала Вишня, – он не так виноват, как несчастлив... он сошел с ума.

Бедная Вишня, удерживая рыдания и слезы, рассказала своей сестре, какая ужасная перемена совершилась с некоторых пор с Леоном, который перестал любить ее, сделался ей неверен, и им овладело какое-то странное безумие.

Она рассказала, что вот уже целая неделя прошла с тех пор, как Леон бросил свою мастерскую, своих работников и жену и жил неизвестно где, почти не заглядывая домой и возвращаясь к себе только поздней ночью.

Передавая все это сестре, Вишня рыдала и, наконец, созналась, что желает умереть.

– Умереть! – вскрикнула Баккара. – Умереть? Тебе, дитя мое? О, я клянусь тебе, что открою ту недостойную тварь, которая похитила у тебя твоего мужа, я возвращу его тебе!

Баккара снова прижала свою сестру к сердцу и поклялась еще раз вернуть ей привязанность ее мужа и заставить его устыдиться своего гнусного поведения. Послушай, – добавила она, – не хочешь ли ты остаться у меня и пока пожить со мною? Я буду так любить тебя, что ты, моя крошечка, перестанешь плакать и будешь почти счастлива.

Говоря это, Баккара нежно улыбалась Вишне и старалась ободрить ее.

– А ребенок! – воскликнула Вишня.

– Ступай же и привези его поскорее сюда.

– О, нет! – прошептала она, – он еще любит его, целует его, он приходит домой только из-за него. Он убьет меня, если я увезу ребенка, – добавила она с каким-то немым страхом.

Так поезжай домой, – заметила Баккара, я приеду к тебе сегодня вечером, часов в девять.

В то время, как Вишня собиралась ехать домой, во дворе снова раздался звонок, и почти вслед за этим доложили о приезде виконта Андреа.

При этом имени Баккара невольно вздрогнула, а Вишня побледнела.

Несмотря на раскаяние этого человека и на уверенность Вишни, что брат графа Армана де Кергаца сделался святым человеком, Баккара чувствовала всегда страх при встрече с ним. Когда он вошел, она невольно попятилась назад.

– Госпожа Шармэ, – сказал он, – извините меня, что я пришел сюда так поздно. Арман пожелал, чтобы я увиделся с вами сегодня же вечером. Я должен сообщить вам несколько важных известий.

– Прошу виконта садиться, – ответила Баккара. – Я сейчас же возвращусь к вам.

Андреа молча поклонился и подошел к камину.

Вишня вышла, Баккара проводила ее.

Вдруг, в то время, как она проходила через обширные и мрачные сени, Вишня с живостью схватила руку сестры.

– Ах! – вскрикнула она. – Какая мне сейчас пришла ужасная и странная мысль!

– Что с тобою? – прошептала с беспокойством Баккара.

– О, нет! Это невозможно!

– Но... что с тобой?

Нет, это просто безумие с моей стороны.

Баккара чувствовала, что рука ее сестры дрожит в ее руке.

– Да говори же! – проговорила она. – Говори же скорей, какая это мысль.

– Послушай, – прошептала Вишня, – сейчас, когда вошел этот человек, сделавший мне так много зла...

– Ну, что же?

– Мне вдруг показалось, что он и теперь... похитил у меня моего Леона.

Баккара невольно вздрогнула.

– Ты права, – заметила она, – эта мысль не может иметь места. Ты просто теряешь рассудок.

Затем она в последний раз поцеловала Вишню в лоб и проводила ее домой.

Но предположение Вишни, что виконт Андреа мог быть таинственной рукой, нанесшей ей удар, заставило Баккара затрепетать. К ней явилось во второй раз ужасное подозрение, что покаяние виконта неискренне. Она думала: неужели человек, униженный, обманувшийся во всех надеждах, человек, покинувший борьбу с той гордой улыбкой, которая должна была сиять в лице падшего ангела, в то время, как он летел в пропасть, человек, который явился вдруг, по прошествии нескольких лет, согбенный угрызениями совести, ведущий аскетическую жизнь... неужели этот человек принадлежит к числу страшных, неутомимых комедиантов? Не подвергся ли он снова, в последний раз метаморфозе для того, чтобы отомстить самым безжалостным образом? Г-жа Шармэ некоторое время стояла неподвижно, предавшись размышлениям.

Затем она вошла в залу. Виконт Андреа все еще стоял перед камином, спиной к двери.

– Извините, виконт, – проговорила Баккара, – я заставила вас ждать.

– Я к вашим услугам, – отвечал он, поклонившись.

– Прошу вас садиться, сказала она, указав на кресло.

Виконт повиновался

После короткого молчания Баккара наконец проговорила:

– Виконт, открыли ли вы уже что-нибудь, касающееся червонных валетов?

– Да, – отвечал он спокойно, – кажется, я уже ухватил одну из нитей интриг.

– Ах, посмотрим, – сказала Баккара.

Первые донесения полиции Армана неверно определили эту ассоциацию. Общество червонных валетов первоначально устроилось в квартале Бреда и состояло из нескольких женщин и нескольких предприимчивых волокит. Сначала целью этого общества был исклю-

чительно торг любовными письмами, но впоследствии к этому торгу ассоциация присоединила еще различные виды этого промысла: так, например, какой-нибудь член общества заставлял какого-нибудь мужа, сбившегося с пути в квартале Бреда, представить его в свете, где он старался понравиться своим хорошеньким личиком какой-нибудь сорокалетней женщине, а любовница его старалась пленить ее мужа. Таким образом, и муж и жена попадали во власть плута и его любовницы.

– Кто же начальник этого общества? – спросила г-жа Шармэ.

– Женщина.

– Кто она?

– Позвольте мне прежде сообщить вам о несчастье, так как я пришел, собственно, для этого.

Баккара побледнела.

– Я хочу поговорить с вами о человеке, которого мы оба должны любить, так как провинились перед ним.

Ах, проговорила Баккара, стараясь казаться спокойной, – не о г-не ли Роше вы хотите говорить?

– Вы угадали, – сказал лицемер, вздохнув.

– Боже мой! Что случилось с ним? Не болен ли он? Не умер ли?

– Он попал в западню червонных валетов.

– Это невозможно: Роше любит свою жену, – проговорила Баккара с видимым беспокойством.

– Слушайте, – продолжал спокойно виконт/ – у г. Роше есть любовница.

Эти слова поразили Баккара как громом. Сделавшись г-жой Шармэ, она навсегда отказалась от Фернана, но слова «у него есть любовница» мгновенно разожгли в Баккара чувство ревности. Она стала ревновать если не за себя, то, по крайней мере, за Эрмину.

– Да, – повторил Андреа, – у Роше есть любовница, ее зовут Тюркуза и... странным стечением обстоятельств она живет в улице Монсей, в вашем прежнем отеле.

Баккара страшно побледнела и почувствовала, что готова упасть в обморок.

Убедившись по молчанию несчастной женщины, что мщение удастся, виконт тайно трепетал от радости, свойственной лишь палачу. Попытка бедной Баккара началась.

Затем Андрёа подробно рассказал о дуэли; как Фернан, лишившись чувств, был перенесен к любовнице своего противника, как воспламенился, к ней безумной страстью, как возвратился – домой и как снова исчез.

Баккара слушала слова виконта с притворным, но сжимающим сердце спокойствием.

– Но, – проговорила она наконец, – что же тут может быть общего с червонными валетами?

– Представьте себе, что один из моих агентов нашел распечатанное письмо. Оно лежало в кармане сюртука, вывешенного в магазине старой одежды.

При этом виконт подал г-же Шармэ письмо следующего содержания:

«Милая крошка! Артур продал оба твои письма. Его жена заплатила за них лишь шесть тысяч франков, да и то для этого заложила у тетеньки целую кучу безделушек. Но она обещала отпустить к тебе своего мужа. Ты поживишься от него. От меня ты можешь получить тысячу экю, остальное принадлежит кассе».

– Письмо без подписи, – заметил виконт, – но взгляните – в углу стоит В и около него нарисовано сердце. Затем вот еще другое письмо, написанное тем же почерком.

Он подал Баккара письмо, писанное Тюркузой к Эрмине и подписанное Фернаном.

– Итак, нельзя сомневаться, что Фернан Роше попался в руки червонных валетов. Они не разорят его, потому что он слишком богат, но они убьют горем несчастную жену.

Баккара начала зорко наблюдать за лицом виконта, но оно было смиренно и печально.

– Виконт, – проговорила она вдруг, – рассказанное вами для меня ужаснее еще тем, что моя сестра сейчас уехала от меня в слезах.

Виконт выразил удивление с таким драматическим искусством, что зародившееся в Баккара подозрение тотчас же поколебалось.

– Да, – продолжала она, – мне кажется, что участь моей сестры такая же, как и госпожи Роше. До сих пор муж ее был трудолюбивым и любящим мужем, но вот не далее как с неделю или две он совершенно изменился. У него, кажется, тоже есть любовница.

Говоря это, Баккара не спускала с виконта испытующего взгляда.

– По всей вероятности, – отвечал Андреа, – тут есть странное соотношение.

– Виконт! – воскликнула вдруг Баккара, – извините меня, но сейчас зародилось во мне страшное подозрение. Послушайте, ведь мы можем все говорить друг другу, не правда ли?

– Да, – отвечал виконт, вздохнув, – так как мы оба принадлежали к стаду заблудших овец.

– Видя мою сестру в слезах и услышав ваш рассказ о несчастье, постигшем г-жу Роше, я начинаю подозревать в этом вооруженную силу для мщения.

При этом она впиалась испытующим взглядом в лицо виконта.

Продолжайте, спокойно сказал Андреа, поняв значение этого взгляда.

– Итак, мне показалось вдруг, что вы... человек который раскаялся, которого посетила милость божья, который ведет жизнь кающегося грешника... что вы... та тайно вооруженная ко мщению сила, которая...

Баккара остановилась.

– Позвольте мне, – сказал виконт после короткого молчания, взяв руку Баккара и поднеся ее к губам, – позвольте мне поцеловать бичующую меня руку. Сомневаясь в моем раскаянии, вы дали мне почувствовать, что бог еще не простил меня.

Он не стал ни оправдываться, ни негодовать на несправедливое подозрение, он только глубоко вздохнул.

– Ах, простите меня, виконт, за мое безумство, – проговорила она тотчас же.

– Мой брат Арман будет ожидать вас сегодня вечером в своем отеле. Вы приедете?

– Да, виконт. В котором часу?

– В десять.

Затем виконт встал, собираясь уходить.

– Вы меня прощаете, не правда ли? – сказала Баккара, протягивая ему руку.

– Дай бог, – прошептал он с печальной улыбкой, – чтобы мне было так прощено, как я прощаю вас. Прощайте, молитесь за меня, молитесь. Вы уже прощены, а молитвы кающихся всего скорее доходят до Христа.

Затем виконт ушел, оставив бедную, женщину погруженной в глубокую задумчивость.

Она угадала и была уверена, что сэр Вильямс производит громадные подкопы и воздвигает смелое здание на мнимом смирении и на полном и общем доверии, которое он сумел приобрести; она поняла, что только она одна может еще бороться с этим человеком.

– Боже мой, – подумала она, – лишь бы де Кергац дал себе открыть глаза.

Она отправилась в кабинет и написала записку следующего содержания:

«Граф! Я полагаюсь на вашу честь *м* на вашу скромность. По прочтении письма это немедленно сожгите и постарайтесь, чтобы ни г-жа де Кергац, ни виконт Андреа не знали о том, что я вам писала. Вы назначили мне свидание в десять часов. Примите меня в восемь. Я пройду с улицы Львов св. Павла, через маленькую дверь в садовую залу. Мне нужно сообщить вам

вещи, которые только вы одни в целом мире можете знать. Вся надежда на вас.

Луиза Шармэ».

Она послала это письмо через посыльного комиссионера, приказав вручить его самому графу.

Спустя час комиссионер возвратился от графа с запиской следующего содержания:

«Жду вас. Я был один, когда принесли ваше письмо, оно сожжено».

Баккара наскоро пообедала, оделась в широкую черную шубу и, закрыв лицо густой вуалью, отправилась на вышеозначенное свидание.

Минут через двадцать она постучалась у садовой калитки, ей отпер старый слуга, прошел с ней по темному коридору и затем ввел в небольшую залу, слабо освещенную лампой с матовым шаром.

Баккара села на стул и, не поднимая вуали, стала ожидать графа. Прошло более двадцати минут – граф все не являлся. Она уже стала опасаться, не случилось ли чего с вмешательством сэра Вильямса. Но затем, усмирив свое беспокойство и изгнав на время воспоминания о Фернанде, возбужденное вестями, сообщенными сэром Вильямсом, она с нетерпением стала ожидать графа.

Наконец послышались скорые шаги, сначала по песку сада и затем по коридору. Это был граф.

Он вошел в залу и запер за собой дверь. Баккара подняла вуаль.

– Здравствуйте, моя дорогая, – проговорил граф, – как ваше здоровье?

Он был страшно бледен и, видимо, взволнован.

– Боже мой, воскликнула Баккара, что с вами, граф, что случилось?!

– Ах, отвечал граф, я еще не могу опомниться от ужасных вестей, сообщенных мне братом Андреа.

Он замолчал.

Баккара вздрогнула от надежды, ей казалось, что какое-нибудь непредвиденное происшествие открыло ему глаза и что он уже стал смотреть на сэра Вильямса как на злодея.

Посмотрим прежде всего, что произошло в отеле де Кергаца. Жанна Бальдер, выйдя замуж за графа де Кергаца, была совершенно счастлива. Наслаждаясь, с одной стороны, горячей любовью мужа, а с другой бесконечными радостями материнства, Жанна превратила отель де Кергаца в прелестное убежище, где она была счастлива вдали от всего света.

Два ее друга Эрмина Роше и Вишня, с которыми ее соединяли так крепко ее прошлые несчастья и страдания, навещали ее. Одна из них привозила ей вести из большого света, другая просьбы и жалобы бедного класса, которые она по возможности старалась удовлетворить, рассыпая щедрой рукой благодеяния.

Вообще графиня де Кергац мало выезжала в свет и только в редких случаях оставляла своего мужа одного.

Жанна чувствовала также материнскую привязанность к Андреа – этому преждевременному старику, сделавшемуся теперь безвреднее малого ребенка и обречшему себя на такое жестокое покаяние за свои прошедшие преступления.

Она каждый день на коленях умоляла бога возвратить спокойствие милому брату ее мужа и смягчить угрызения его совести.

Жанна часто обращалась к Андреа с неподражаемой добротой и расточала перед ним множество ласк и внимания. Она часто умоляла его, чтобы он отказался от этой строгой жизни, и случалось так, что на ее доводы и просьбы Андреа вдруг заливался слезами, смиренно целовал край ее платья и тихо говорил: «Вы женщина, заставляющая невольно мечтать об ангелах, которые позволяют нам верить в милосердие божье».

Зима в тот год была очень холодная, так что Жанна, просыпаясь по утрам и замечая на деревьях иней или снег, всегда горько сожалела при воспоминании о том, что Андреа спит на голом, холодном полу чердака, находившегося как раз под самой крышей.

Однажды она вздумала зайти в комнату к Андреа, которого не было дома, и для этого заказала слесарю особенный ключ, с помощью которого она могла ежедневно в отсутствие Андреа входить к нему и отапливать его комнатку маленькой переносной печкой.

Однажды она потеряла в его комнате шпильку с кораллом, которая выпала нечаянно из ее волос.

Возвратившись домой, виконт сейчас же догадался, кто бывает в его комнате.

– Ага, – пробормотал он, – теперь, я думаю, можно и не прятать моего дневника, в котором я по-своему описываю каждый день моей жизни.

На следующий же день он, уходя из своей комнаты, не запер ящика своего стола и положил в него журнал. В этот день Жанна несколько замешкалась и пришла в комнату к Андреа только около четырех часов.

Она, как и все женщины вообще, была любопытна, а так как ящик стола не был закрыт, она и вздумала заглянуть в него.

Увидев книгу, она не устояла, чтобы не развернуть ее и не прочесть записок кающегося грешника.

Она читала его исповедь и не могла оторваться от книги.

Ей хотелось дочитать до конца. Граф Арман, оставшийся один в комнате маленького Армана, прочитав письмо от Баккара и не видя около себя своей жены, пошел на чердак Андреа.

Дверь его комнаты была не заперта.

Арман увидел, что Жанна сидит перед столом Андреа, облокотясь на руки, погруженная в чтение какой-то рукописи.

Он позвал ее. Она не отвечала. Граф взглянул на нее и невольно отступил.

Жанна была бледнее белой мраморной статуи. Две горячие слезы катились по ее щекам. Арман обнял ее – она вздрогнула, подняла голову и потом вдруг вскочила и вскрикнула.

– Боже! Я думаю что я схожу с ума.

Голос ее изменился, а глаза как-то странно блуждали.

Она схватила Армана и мгновенно посадила на свое место.

– Смотри... смотри... читай! – проговорила она. Арман повиновался.

Он сел и начал читать. Прочитав заглавие и первые страницы, он почувствовал то же, что и Жанна. Им овладело страшное волнение, и его кровь застывала в нем по мере того, как он читал.

– Ах, несчастный! – вскрикнул он, дочитав до последней страницы. – Теперь только я понимаю главную причину его раскаяния!

Граф положил рукопись в стол, задвинул ящик, взял жену на руки и унес ее из комнаты, в которой дух зла еще раз восторжествовал.

Вот это-то происшествие и было причиной того, что Баккара увидела его таким встревоженным и бледным.

Граф де Кергац, конечно, не поверил Баккара, когда она сообщила ему, что виконт Андреа разыгрывает одну комедию и что под скромным платьем кающегося бьется подлое и злобное сердце баронета сэра Вильямса.

Граф молча взглянул на нее и холодно сказал:

– Вы помешаны!

– Прощайте, граф, – сказала она. – В тот день, когда несчастье придет в ваш дом, тогда вы только узнаете, что я говорила правду. Я явлюсь к вам. Явлюсь защитить вас.

– Боже! – шептала Баккара, выходя из отеля графа де Кергаца. – Дай мне силы спасти их всех. Когда я называлась еще Баккара, в то время, когда я была потерянной женщиной, я восторжествовала однажды над этим демоном. Теперь, боже, я возвратилась к тебе, и ты не оставишь меня!

В то время, как Баккара уходила от графа де Кергаца, баронет сэр Вильямс находился у своего молодого друга виконта де Камбольха.

Сэр Вильямс курил сигару и, казалось, наслаждался совершенным счастьем.

Дядя, – проговорил Рокамболь, – вы, право, удивительный человек.

– Ты это находишь, племянник?

– Вы один только можете вести так дело.

– О каком ты говоришь деле?

– Да хоть бы о том, как вы рассказали Баккара и вашему филантропу-братцу половину всего нашего плана.

– Конечно, – проговорил, улыбаясь, сэр Вильямс, – я недурно это устроил, и главное, очень смело.

– Вы сказали графу де Кергацу, что Фернан Роше находится, конечно, по вашему мнению, в руках червонных валетов?

– Да.

– Потом вы пошли еще дальше, показав записку Тюркуазы, написанную сегодня утром под вашу диктовку и найденную будто, бы в старом платье в магазине.

– Да, племянник, я сделал и это.

– Вы не остановились и на этом и отправились сообщить Баккара, что ее бывший любовник ушел от своей жены и находится у Тюркуазы.

– Да, и это верно, – прервал его сэр Вильямс, – и я даже от души потешился, – потому что бедняжка вытерпела здоровую пытку, которая могла бы даже насмешить любого китайского мандарина.

– Затем, – продолжал Рокамболь, – вы сказали госпоже Баккара тот же спич, какой вы преподнесли и добродетельному графу де Кергацу.

– Верно.

– Ну, дядя! Говоря по правде, это очень мило, но опасно.

– Ты находишь, племянник?

– Да.

– Ну-с, так докажи же свои слова, – заметил сэр Вильямс тоном профессора математики, приглашающего ученика разрешить трудную задачу.

– Я нахожу, дядя, что вы поступили необдуманно.

– Докажи.

– Во-первых, вы сказали правду, следовательно, навели графа на след, который он искал.

– Ну, потом?

– Затем вы сделали Тюркуазу поверенной в нашем тайном деле.

– Довольно! – прервал его баронет. – Мой любезный племянник, ты дурак!

– Так ли это?

– Конечно, бессмысленный дурак.

– Следовательно, Тюркуаза... Маласси... де Шато-Мальи?

– Ровно ничего не знают, болван.

И при этом сэр Вильямс рассказал ему в нескольких словах истинное положение дела.

– Дядя, – заметил еще раз Рокамболь довольно серьезно, – все это прекрасно, и теперь я не имею больше ничего против вашей гениальности.

– В таком случае, – проговорил баронет сэр Вильямс, закуривая новую сигару, – так как время дорого, а проводить его в пустых разговорах – значит терять, то я и отдам тебе сейчас же мои приказания, и ты, конечно, доставишь мне удовольствие.

– Какое же, дядя?

– Исполнять их в точности вместо того, чтобы возражать мне, это будет проще и, главное, от этого дело пойдет гораздо успешнее и скорее.

Рокамболь молча наклонил голову с видом глубочайшей покорности.

– Завтра, – начал сэр Вильямс, – ты пойдешь к майору Гардену и отдашь ему этот пакет. В нем новые инструкции начальника.

– Пойду, дядюшка.

– Затем ты сядешь верхом на лошадь и отправишься в два часа в Булонский лес к павильону Эрменонвиль. Ты, конечно, наденешь изящный утренний костюм.

– Отлично, – пробормотал Рокамболь. – Я напялю на себя...

– Любезный мой виконт! – прервал его баронет, – вы употребляете иногда такие простонародные выражения...

– Я не употребляю их в хорошем обществе, – ответил Рокамболь дерзко.

– Мой племянник, ты дурак! – сказал баронет холодно. – Если бы я не принадлежал к хорошему обществу, ты никогда бы не был в нем.

– Простите, капитан, я просто хотел пошутить.

– Предполагаю, что это верно, – ответил спокойно баронет, – потому что я разможил бы тебе голову, если бы ты на самом деле вздумал говорить дерзости.

Сэр Вильямс сопровождал эти слова таким взглядом, что Рокамболь невольно вздрогнул.

– Ну, слушай меня, – продолжал сэр Вильямс, – в два часа ты случайно встретишь коляску голубого цвета. В ней будут сидеть мужчина и женщина.

– Кто же?

– Тюркуза и Фернан.

– Хорошо.

– Тогда ты подъедешь к ним, поклонись учтиво Фернану Роше и посмотришь презрительно на женщину.

– Понимаю.

– т Ты скажешь тогда ему: милостивый государь, могу ли я рассчитывать на то, что вы меня узнали?

– Черт возьми! Как ему не узнать меня – я-таки порядочно его проучил.

– А Конечно, он ответит тебе утвердительно, тогда ты скажешь ему, что если ты перенес его после того, как ранил, в дом к своей любовнице, то единственно для того, чтобы не напугать его жены, а никак не для того, чтобы он стал ухаживать за ней, затем ты поздравíš его с успехом ухаживания за ней, скажешь, что только сегодня поутру узнал, что он – твой преемник, и удивишься, что он едет в коляске, купленной на твои деньги.

– О, теперь, дядя, – вскрикнул Рокамболь, – вы не будете больше порицать мою прозорливость.

– В самом деле?

– Черт возьми! Очень естественно, что после такой сцены Фернан будет считать себя обязанным купить отель, заплатить за коляску, лошадей и заставить Тюркузу возвратить мне драгоценные вещи и банковые билеты, которых я никогда не давал ей.

– Это еще не все. Тюркуза выедет из отеля, – продолжал Рокамболь, – наймет где-нибудь комнатку, возьмет для прислуги женщину с платою по одному луи в месяц, после чего Фернан, увлеченный подобной деликатностью, купит ей потихоньку маленький отель в двести или в триста тысяч франков да прикупит мебели тысяч на пятьдесят экю, да эки-

пажей и лошадей на триста или четыреста луи и, конечно, поднесет все это благородной и добродетельной Тюркуазе, которой было ничего не нужно, кроме хижины и сердца Фернана. Итого, в первый же месяц полмиллиона, из которого отсчитают Тюркуазе сорок или / пятьдесят тысяч, что будет очень довольно для нее.

Рокамболь казался восхищенным.

– Дядя, – сказал он, – подле вас черт – мальчишка!

– И я того же мнения, заметил скромно баронет, но ведь я еще не все сказал тебе: завтра вечером ты отправишься в Елисейские поля, на улицу Габриэль, № 16, в маленький новый отель. Там тебе отворит дверь лакей с лицом медного цвета и спросит, зачем ты пришел. Ты дашь ему свою визитную карточку и попросишь, чтобы тебе дали возможность увидеться с мисс Дай Натха Ван-Гоп.

– С индианкой?

– Да, с будущей маркизой.

– Ну, что же я должен сказать ей?

– Отдать вот это письмо. После этого ты подождешь ее приказаний. Заметь, что индианка говорит только по-английски.

– Но ведь я-то только бормочу на этом языке. – Вполне довольно.

– Все?

Ну нет, так как я имею всегда привычку кончать тем, с чего бы надо было начать. Завтра поутру, перед тем, как отправиться к майору Гардену, ты велишь запрячь тильбюри и поедешь в улицу Рошетуар, № 41, ты увидишь там старого привратника с седыми усами, говорящего на ломаном французском языке. Он дает уроки фехтования. Ото единственный человек в Париже, который умеет нанести отличнейший удар, которому он выучился в Италии. Здесь он почти неизвестен. У меня нет времени научить тебя ему. Он выучит тебя в десять или пятнадцать уроков наносить этот удар.

– А кто умеет хорошо наносить его?

– Тот убивает своего противника.

– А как называется этот удар? – спросил. Рокамболь.

– Стопистольным.

– Почему это?

– Потому что ты заплатишь за первый урок пятьдесят пистолей да за последний еще столько же.

– Стало быть, мне должно убить кого-то?

– Да.

– Когда?

– Может быть, через две недели, а может быть, и еще позже.

– Могу ли я знать? Совершенно бесполезно.

– Ну пожалуйста.

Изволь. Это, видишь ли, человек, на вдове которого я хочу жениться.

Рокамболь невольно вздрогнул.

– Отлично, – пробормотал он, – я вижу, дядя, что вы каждому воздаете должное по его заслугам.

Сэр Вильямс встал со стула, надел шляпу и бумажные перчатки, принял смиренный вид и потупил скромно глаза.

– Прощай, сказал он, я увижусь с тобой через два дня. У меня назначено в десять часов свидание с Арманом и Баккара.

– Прощай, великий гений! проговорил подобострастно Рокамболь.

Сэр Вильямс отправился пешком. Дойдя до Нового моста, он остановился и облокотился на его перила.

Ночь была темная и холодная.

– О, Париж, – подумал он, – ты решительно царство зла. Арман, Жанна, Фернан и Эрмина, вы сначала победили меня. Но вы теперь попались мне. Я держу вас в когтях. Ты, Арман де Кергац, умрешь. А ты, Жанна, полюбишь меня!

В тот же час и по тому же месту ехал фиакр. В нем сидела женщина. Эта женщина разгадала этого демона и будет тайно следить за ним. С этих пор между ней и им началась скрытая, но великая борьба.

До сих пор мы, так сказать, протянули только одни нити огромной интриги, которую сплел сэр Вильямс, а теперь мы переходим прямо к описанию самого действия и в силу этого будем иногда оставлять в тени двух главных героев этого рассказа, то есть сэра Вильямса и Баккара, составляющих между собой два враждебных принципа, ведущих друг с другом самую ожесточенную войну, а потому мы ограничимся просто описанием одних происшествий.

Как мы уже знаем, Фернан, вернувшись в Париж, остался у своей соблазнительницы Тюркуазы, которая в несколько дней увлекла так несчастного Роше, что он окончательно обезумел и страстно влюбился в молодую очаровательницу. В это время он совершенно забыл об Эрмине и их ребенке и находился в каком-то чаду ее чарующей власти, мешавшем ему даже осмыслить свое положение.

Как уже нам известно, Тюркуаза не хотела рассказывать Фернану про свою прошедшую жизнь. Все, что он мог узнать от нее, заключалось только в том, что она сказала ему, что была распутной женщиной до тех пор, пока не полюбила его.

Фернан Роше ни о чем не расспрашивал.

Тюркуаза хорошо поняла, что единственным средством покорить и привязать окончательно к себе этого человека, привыкшего жить с женой – прелестным, чистым, благородным и вполне возвышенным созданием, – было сделаться живой противоположностью.

Тюркуаза была совершенно права. Тайна слабостей человеческого сердца именно и заключается в противоположностях.

Она начала с того, что выставила Фернану всю непрочность их настоящего положения и в особенности любви.

– Поэтому, – продолжала она, – я уже начертила и составила вполне план моего с тобой поведения. Друг мой, ты возвратишься сегодня же домой.

Фернан вздрогнул как ужаленный и с испугом посмотрел на Тюркуазу.

– Сегодня вечером, – начала она снова, – ты выдумаешь для твоей жены какую-нибудь причину, которая бы могла хоть несколько оправдать твое двухнедельное отсутствие. Ты будешь приходить сюда каждый день во всякую пору... не полный ли ты здесь властелин?

Тюркуаза ласково провела рукой по голове задумавшегося Фернана.

– Но покуда, мой милый друг, – сказала она, – воспользуемся последним днем нашей счастливой жизни. Погода прекрасна, я велю заложить карету, и мы поедем в лес кататься.

В продолжение целого часа ловкая сирена окончательно настроила полупомешанного Фернана и довела его до такого положения, что он уже окончательно был не в состоянии мыслить о том, что он делает.

Фернан был на все согласен. Эрмина пропала безвозвратно, так как ее муж согласился обманывать ее.

В час Тюркуаза и Фернан сели в коляску и поехали в лес.

Экипаж соблазнительницы проехал по Амстердамской улице через Гаврскую площадь и выехал в улицу Исли.

Фернан невольно вздрогнул.

– Мой бедный друг! – проговорила Тюркуаза насмешливо, – мне кажется, что было бы гораздо лучше, если бы я высадила вас теперь же здесь, около вашего дома.

– Нет, нет, – прошептал он, – я люблю вас.

Коляска быстро пронеслась в Елисейские поля, а оттуда в Булонский лес и увезла с собой женщину-вампира и ее жертву. Было два часа.

В это же время Рокамболь, уже получивший особенные инструкции от сэра Вильямса, подъехал к павильону Эрминонвиль, где уже остановился экипаж Тюркуазы.

Мнимый шведский дворянин находился всего в двух шагах от них. Он молча поклонился Фернану и бросил презрительный взгляд на молодую женщину.

Фернан не мог не заметить того, что Тюркуаза мгновенно побледнела и нервно вздрогнула.

– Боже! Что с вами? – прошептал он.

– Ничего, ничего, – пролепетала она изменившимся голосом.

Фернан посмотрел в сторону и тогда только заметил Рокамболя.

Появление его, в свою очередь, смутило и Фернана. Рокамболь подъехал к коляске и разыграл ту сцену, которую сэр Вильямс предвидел заранее.

Тюркуаза, конечно, притворилась глубоко смущенной и закрыла свое лицо руками.

Фернан был бледен и взволнован, но выслушал молча виконта до конца.

– Виконт, – наконец, сказал он, – мы, кажется, известны уже друг другу, так что наши объяснения были бы излишни.

Виконт молча поклонился.

– А теперь, – продолжал Роше, – позвольте попросить вас запомнить, что завтра, в этот же час, вы получите обратно все ваши вещи и все то, что принадлежало вам.

– О, милостивый государь, – заметил небрежно Рокамболь, – не позволите ли вы мне оказать маленькую любезность этой даме?

– Вы ошиблись, милостивый государь, – ответил гордо Фернан, – моя дама не принимает ничего без моего позволения.

– Мне ничего не надо, – проговорила Тюркуаза, бросив на Рокамболя взгляд, полный ненависти.

– Теперь, – продолжал виконт, – вы должны понять, что нам следует еще увидеться с вами. Наше знакомство, начавшееся так хорошо...

– Должно иметь свои последствия, – добавил Роше гневным голосом. – Я совершенно согласен с вами и потому-то всегда и готов к вашим услугам, но это будет не ранее того времени, когда я освобожу мою даму от всяких отношений к вам. Это, конечно, будет сделано завтра же. Ну, а послезавтра я буду иметь честь представить себя в ваше распоряжение.

– Тот, кто находится теперь перед вами, милостивый государь, – ответил Рокамболь, – приехал только сегодня и собирался уехать завтра же «утром. Я смею предполагать, что это положение, в которое я был поставлен вами, дает мне право на некоторые преимущества, как, например, драться тогда, когда это будет возможно для меня.

– Вполне согласен.

– Ровно через неделю и в этот же самый час, так как я приеду поутру и буду иметь возможность успеть прислать вам моих секундантов.

– Хорошо, – ответил Фернан, – итак, через восемь дней я буду ждать ваших секундантов.

Виконт молча, но любезно поклонился Тюркуазе, прищипорил свою лошадь и быстро ускакал.

– Домой, – распорядилась Тюркуаза. Коляска повернула назад и помчалась. Фернан и Тюркуаза молчали всю дорогу.

Когда экипаж остановился у крыльца, Тюркуаза выпрыгнула из него, поспешно взбежала в отель и скрылась в своем будуаре.

Фернан последовал за нею.

Молодая женщина упала на диван и залилась слезами.

Фернан нагнулся к ней, взял ее за руку и тихо сказал:

– Женни!

Она вздрогнула и выпрямилась.

– Уезжайте! Я не хочу более вас видеть!

– Уехать... – повторил он с ужасом.

– Да, потому что это в первый раз теперь я заметила, какое я ужасное и недостойное создание. Уезжайте, потому что я люблю вас и сама сознаю, что недостойна вашей любви. Уезжайте! Умоляю вас!

И при этом молодая женщина опустилась перед ним на колени, как бы прося о помиловании.

– Вы, – продолжала Тюркуза, – единственный человек, которого я любила и который позволил мне надеяться в продолжение нескольких дней, что и погибшая женщина может восстановить себя.

Она была прелестна, говоря эти слова.

Фернан стоял молча и любовался ее чарующим взглядом. Наконец он не выдержал и, взяв ее за руку, проговорил:

– Женни! Вы были правы, говоря, что любовь восстанавливает женщину.

Она печально покачала головой.

– Да, вы были правы – продолжал он, – я не хочу знать прошедшего и желаю думать только о настоящем. Женни, забудьте все так, как я забываю. Женни! Я ничего больше не знаю, кроме того, что я люблю вас.

Он обнял ее и прижал к своему сердцу.

Но вдруг Женни вырвалась, она уже не плакала и сделалась холодна, решительна и полна гордого достоинства.

– Друг мой! – проговорила она, протягивая Фернану руку – Благодарю вас за ваше великодушие. Я люблю вас, Фернан, и люблю так же сильно и страстно, как бы вас любила женщина настолько добродетельная, насколько я порочна, а именно потому я и решилась расстаться с вами. Идите, друг мой, возвращайтесь в ваш дом, к вашей жене и к вашему сыну. Увы! я, быть может, лишила вас привязанности вашей жены. Прощайте, забудьте обо мне и не – презирайте. Если бы вы могли знать...

– Я ничего не хочу знать! – отвечал Фернан решительно, я хочу знать только одно: любите ли вы меня?

– О, да, отвечала она голосом искренности и отчаяния.

– Я в этом уверен и поэтому никогда не решусь покинуть вас. Завтра вы отошлете этому человеку все, что вы получили от него: карету, лошадей, бриллианты, банковые билеты и даже купчую крепость на дом, за который ему тотчас же будет заплачено. Через неделю я его убью, – прибавил он, нахмурившись.

– Друг мой, – проговорила Тюркуза, устремив на него глаза, полные слез, – вы не подумали о том, что, живя с вами, я все-таки останусь тем, кто я и теперь.

Фернан вздрогнул.

– Останусь содержанкой, т. е. рабой, животным, вещью своего хозяина.

– Вы дороги мне, в моих глазах вы никогда не будете...

– Я буду ею в глазах света и, наконец, в своих собственных глазах, а этого довольно.

Вы женаты и на мне жениться не можете, а потому прощайте, прощайте навеки!

Фернан бросился на колени и стал рыдать, как ребенок.

– Итак, – прошептала Тюркуза, – вы не хотите расстаться со мной?

– Нет, с жизнью скорей расстанусь!

– В таком случае, если вы согласитесь исполнить некоторые условия... быть может, я соглашусь.

– О, говорите скорей! Я на все согласен.

– Друг мой! Прежде чем я упала в пропасть, в которой я нахожусь до сих пор, я была честной женщиной. В шестнадцать лет меня насильно выдали за дряхлого старика, который и был причиной моего нравственного падения. Он промотал все мое приданое, так что я убежала от него, я успела унести лишь десять тысяч франков – печальные остатки после кораблекрушения. Сумма эта, увеличенная процентами еще на две тысячи, у меня до сих пор в целости.

– Так что же?

– То, что я, умея вышивать по канве, могу зарабатывать по три франка в день, то есть тысячу франков в год. Это составит с процентами от капитала тысячу пятьсот франков. И как я буду счастлива, владея при этом любовью моего милого Фернана!

– Ах, – воскликнул Фернан, – я никогда не допущу, чтобы вы, моя милая, так бедно жили!

– Вы должны повиноваться мне, делать все, что захочет Женни!

– Хорошо, – отвечал влюбленный. – Что же мне еще делать?

– Отправиться домой, на улицу Исли.

Фернан вздрогнул, вспомнив про несчастную Эрмину, которая, вероятно, уже оплакивала его как умершего.

– Ты придешь ко мне завтра.

– Но... – хотел было возразить Фернан.

– Без всяких «но». Я так хочу! – сказала она повелительно и затем улыбнулась.

Влюбленный не осмелился возражать и поэтому тотчас же удалился.

– Наконец-то, – проговорила Тюркуза. – Ну, теперь он положительно в моих руках и завтра же откроет для меня свою казну... О, мужчины, как их легко дурачить!

Читателю следует припомнить, что г-жа Роше, увидев незнакомца, приведшего лошадь ее мужа, покрытую пеной, пренебрегла всеми приличиями и поехала к графу де Шато-Мальи, в котором она видела вернейшего друга.

Сэр Артур известил графа заранее о скором посещении Эрмины, так как он уже знал, что лошадь Фернана отведена домой.

В прихожей графа раздался звонок, и затем в комнату вошел лакей с докладом:

– Известная дама желает говорить с вами.

– Проси ее сюда.

Дама, покрытая вуалью, вошла.

Граф притворился, что не угадывает, кто бы могла быть эта дама, и лицо его выражало глубокое удивление.

Но когда лакей ушел и Эрмина подняла вуаль, де Шато-Мальи воскликнул:

– Это вы? Вы здесь? Вы? Ах, извините меня, что я принимаю вас так... и в этой комнате... но я никак не мог думать.

– Граф, – сказала Эрмина, садясь на стул, – я приехала к вам как к другу.

– О! От души благодарю вас. Но, боже мой, что же такое случилось?

– Он уехал, – сказала Эрмина прерывающимся голосом.

– Уехал! – воскликнул граф.

– Да, вчера, в восемь часов. Он возвратился к этой женщине.

Граф де Шато-Мальи счел нужным вскрикнуть от удивления и негодования.

– Но это невозможно. Уехал, вероятно, не он, а она. Она должна быть сегодня на дороге в Италию.

– Но в таком случае, – испуганно вскрикнула Эрмина, – и он уехал с ней!

Придя в себя, Эрмина подробно рассказала графу о том, как привели домой лошадь, которую Фернан отослал с комиссионером.

– Я поклялся быть вашим другом и возвратить вам мужа, – с жаром проговорил граф, – и я сдержу обещание. Если он уехал из Парижа с этой женщиной, я поеду за ним и заставлю его возвратиться.

Эрмина смотрела на него взглядом, выражающим беспредельную преданность и доверие.

– Вы подождете меня здесь час или два, пока я возвращусь. Я немедленно должен узнать всю истину.

– Хорошо, – сказала Эрмина, озаренная надеждою. Граф позвонил.

– Опустите вуаль, – проговорил он быстро. Эрмина повиновалась.

– Жан, – обратился де Шато-Мальи к вошедшему лакею, – не принимать никого! Вели закладывать, скорей!

Лакей ушел, а граф отправился в гардеробную – переодеться.

Эрмина, оставшись одна, закрыла лицо руками и горько заплакала.

Граф был в соседней комнате и, услышав раздирающие душу рыдания, был тронут ими, но лишь на минуту.

Он вышел из гардеробной, одетый в утренний костюм, в котором заметна была некоторая небрежность.

– Я не побегу, а полечу, – сказал он, целуя еще раз у Эрмины руку. – Я возвращусь через час.

Граф ушел. Эрмина поняла свое положение и перестала плакать. Она находилась у мужчины. Этот мужчина – не отец ее, не муж, не брат и даже не родственник. Этот мужчина, которого она за неделю перед этим еще не знала, уже был так крепко связан с ее судьбой, что она находилась у него на квартире одна. Тогда только Эрмина вздрогнула и хотела бежать.

Без сомнения, она считала графа честным дворянином, но Эрмина была женщиной и догадалась, что он любит ее. Она забыла на время, зачем приехала и для чего он оставил ее одну, ей захотелось поспешно уйти: она стала бояться, но если бы она ушла, увидела ли бы она когда-нибудь Фернана? Эта мысль вынудила ее остаться.

Прошел час, в продолжение которого Эрмина, со свойственным всем женщинам любопытством, рассматривала обстановку комнаты, а также и мелкие вещи, лежавшие на столе.

Вдруг она услышала стук подъезжающей к воротам кареты и задрожала, подумав, что это должен быть граф де Шато-Мальи, который скажет: «Он уехал».

Действительно, это был он.

– Ваш муж, – сказал торжественно граф, – в Париже. Она вскрикнула от радости.

– Он в Париже, и я возвращу его вам.

– Сейчас? – воскликнула она.

– Нет, не сейчас, но завтра.

Она опустила голову, и слезы, как капли росы, покатались по ее лицу.

Граф стал перед нею на колени и нежно проговорил:

– Бедная, как вы его любите!

Этот нежный голос проник в сердце молодой женщины и заставил ее смутиться.

– Он меня любит, – подумала она, – но я должна быть безжалостной.

– Приезжая сюда, вы в глазах света поступили, быть может, неосторожно, однако, завтра в четыре часа мы должны увидеться опять здесь.

– Я приеду, – отвечала Эрмина с покорностью.

Возвратясь домой, Эрмина предалась мрачному уединенному размышлению. Она не смела делать никаких вопросов прислуге, не смела даже поделиться горем с матерью, потому что де Шато-Мальи, на которого она вполне полагалась, просил ее не доверяться никому.

На другой день, в четвертом часу, Эрмина тайком вышла из дому, села в первый попавшийся фиакр и поехала в улицу Лаффит к де Шато-Мальи.

Она позвонила трепетной рукой. На этот раз ей отворил сам граф, который удалил из дому всю прислугу, желая избавить Эрмину от неловкого положения.

– Я могу, – сказал он, – сообщить вам до мельчайших подробностей о поведении вашего мужа.

– Я слушаю вас. Говорите скорей.

– Слушайте, – начал граф, – и будьте тверды. Эта ужасная женщина дала мне слово, что уедет из Парижа, и действительно, третьего дня поутру она отправилась в почтовой карете, но, к несчастью, на бульваре у церкви Магдалины она встретила Роше, прогуливающегося верхом. Увидев ее, он бросился за нею в погоню, и она снова возвратилась в Париж.

– Вы видели ее? – спросила Эрмина, дрожа.

– Видел, сегодня утром.

– А его?

– Рассудите сами, – возразил граф, – что это было бы неосторожно. Я мог бы сразу потерять влияние, почти беспредельное, которое я имею на эту женщину по причине знания ее ужасных тайн.

– Итак... она... прогонит его?

– Да. Сегодня вечером.

– Он снова возвратится к ней, – печально проговорила Эрмина, – потому что он ее любит.

Де Шато-Мальи встал перед нею на колени и печальным голосом произнес:

– Ваш муж безумнейший, жалкий человек, если не любит вас. Будь я на его месте, я всю жизнь проводил бы, стоя перед вами на коленях.

Эрмина вздрогнула и быстро отняла руку, которую граф держал в своих руках.

Де Шато-Мальи понял, что не следует идти далее, чтоб не потерять ее доверия. Он встал и продолжал говорить спокойно:

– Я уверен, что когда он ясно увидит бесчестность этой женщины, то постыдится самого себя, с раскаянием бросится перед вами на колени и будет просить у вас помилования.

– Ах! Если бы ваши слова сбылись! – проговорила Эрмина с радостной улыбкой.

– Но отложим в сторону настоящее горе и поищем лучше средства защитить вас в будущем: дело идет о вашем ребенке.

Эти слова заставили Эрмину вздрогнуть.

– Состояние у вас громадное, – продолжал граф, – но тем не менее вы не должны позволять расточать его, ибо у вас есть сын.

– Вы благородный человек, – сказала Эрмина, протягивая графу руку.

– Я постараюсь доказать вам это. Ваш муж уже, быть может, будет дома, когда вы приедете. Притворитесь, что верите всему, что он будет говорить, будьте с ним кротки, ласковы, не делайте ему никаких упреков, и тогда Роше будет опять ваш.

– Но ведь он любит эту женщину, – проговорила Эрмина с отчаянием.

– Положим, что так, однако... любовь, основанная не на уважении, не может быть прочна. В самую минуту, как он узнает о всей подлости и низости этой женщины...

– Но кто же откроет ему низость этой женщины?

– Я, – с достоинством отвечал граф. – С вашей стороны нужно только мужество и решимость.

– За это я ручаюсь.

– Итак, прощайте. Я навсегда ваш неизменный друг. Скоро ли я буду иметь счастье видеть вас? – спросил он робким, дрожащим голосом.

– Да, если только это будет нужно для Фернана, – отвечала Эрмина, слегка покраснев.

Граф пожал ей руку, удержал вырывающийся из груди вздох и проводил ее до двери.

Г-жа Роше возвратилась домой еще более встревоженной, чем была накануне. Отчего же это произошло?

Она любила своего мужа, но, думая о нем, она не могла не думать о де Шато-Мальи. Эрмина доставила мужу громадное богатство, в продолжение четырех лет не переставала любить его ни на одну минуту, слепо доверялась ему во всем, а он самым бесстыдным образом променял ее на низкую, продажную женщину, которой принес в жертву семейное счастье, домашнее спокойствие и, может быть, будущность своего ребенка. Граф же, напротив, предался ей с полным самоотвержением, он сделался ее советником, другом, покровителем. Он не требовал от нее ничего и готов был страдать молча, лишь бы она была счастлива.

Известно, что, когда женщина сознает нравственное превосходство человека, она очень близка к тому, чтобы полюбить его.

Лакей Фернана стоял у подъезда и, увидев г-жу Роше, объявил, что «барин пришел домой».

Сердце Эрмины страшно забилося; но не от радости, а от страха, что муж потребует у нее отчета о ее отсутствии.

Она подошла к двери на цыпочках, едва держась – на ногах от слабости и внутреннего волнения.

Она тихо вошла в комнату и увидела блудного отца, весело играющего со своим маленьким сыном. Он улыбался и казался совершенно спокойным. Эрмине показалось, что она видит сон.

– Ах! Ты здесь, моя милая? – воскликнул Фернан, подходя к своей жене.

Эрмина с неопишуемой радостью бросилась в его объятия и в один миг забыла все свои муки и подозрения.

– Ах, наконец я вижу тебя! – воскликнула она, трепеща от счастья.

– Боже мой! Что с вами, мой друг? – сказал Фернан спокойно. – Уж не думала ли ты, мой любезный друг, что я исчез с лица земли?

Слова эти привели Эрмину в недоумение; она не нашла, что сказать, и лишь устремила нежный взгляд на своего мужа.

– Правда, – продолжал Фернан, улыбаясь, – я отлучился из дому, не предупредив вас, любезный друг, и виноват в этом, но этого уже больше не случится.

Эрмине эти слова показались искренним раскаянием.

– Обещаете мне это? – спросила она наивно.

– Обещаю, – отвечал он. – В самом деле, в эти десять дней я делал подряд две непростительные глупости: во-первых, дрался, как молодой мальчишка, которому нечего терять, во-вторых, необдуманно уехал за тридцать миль.

– Ах, – сказала она наконец, – вы проехали тридцать миль!

– Да. О, непростительное легкомыслие! Вследствие пари...

Эрмина взглянула на него испытующим взглядом и задрожала, услышав из уст своего мужа такую наглую ложь.

– Да, моя милая, – продолжал Фернан, – преглупое пари, за которое я мог поплатиться жизнью моей бедной лошади. Вообрази, я встретился с виконтом А... Ты, кажется, его знаешь, он ехал на английской призовой лошади. Он начал ее восхвалять, говоря под конец, что ни одна лошадь не может сравниться с нею. Я поспорил, и мы держали пари на двадцать пять луи. Мы поехали до Этампа. Я прискакал первый, но был совершенно разбит, так что проспал после этого тридцать часов. Вот и вся тайна моего отсутствия. Но я раскаиваюсь в этом, моя милая. По правде говоря, вы сильно беспокоились обо мне?

– Нет, – сказала Эрмина с притворным равнодушием, – ведь я получила о вас известие через человека, который привел лошадь.

– Ах, – проговорил Фернан, заметно смутясь, – вы видели его?

– Да.

– Что же он вам сказал?

– Что вы в Этампе отдали ему вашу лошадь на сохранение.

– И больше ничего?

– Больше ничего. Фернан вздохнул свободнее.

– Вообще, чтобы в будущем не заставлять вас беспокоиться, условимся, что вы будете мне заранее прощать эти глупости, если я буду поздно возвращаться домой или если даже...

Он остановился, как бы не решаясь высказаться дальше.

– Если даже... – повторила Эрмина.

– Если даже совсем не приду, – закончил Фернан.

– Как вам будет угодно, – отвечала она прерывающимся голосом.

Эрмина еще до сих пор любила своего мужа, но – увы! – она перестала уважать его, ибо он обманул ее и собирался обманывать еще.

Фернан Роше перестал любить жену и думал лишь о Тюркуазе.

После того как Фернан по приказанию Тюркуазы удалился из отеля, она, одевшись в шерстяное платье, простые башмаки и маленький чепник Евгении Гарен, отправилась на улицу Шарон. Войдя в дом, где жил ее отец, она постучалась к привратнице.

Увидев Тюркуазу, вдова Фипар (так звали привратницу) поспешно вышла к молодой женщине и, улыбнувшись, сказала:

– Ах! Вы отлично сделали, что приехали.

– Почему?

– Потому что муженек бедняжки Вишни совсем помешался.

Тюркуаза засмеялась.

– Дайте ключ и затопите скорей камин, а то ужасно холодно.

Привратница взяла ключ, висевший на гвозде,хватила связку дров и пошла вместе с Тюркуазой вверх по лестнице в третий этаж. Там они вошли в маленькую, весьма бедную комнатку, но которая, однако, была пышным салоном в сравнении с конурой, в которой жил отец Гарен с дочерью Евгенией и куда приходил навещать его Леон Роллан.

Объясним эту перемену квартиры и слова привратницы «совсем помешался».

Деятельность Тюркуазы имела две цели: в отеле Монсей, под именем Женни, она должна была завлечь и разорить Фернана. Затем, под видом работницы, дочери Гарена, должна была свести с ума Роллана, честного мужа прелестной Вишни.

Расскажем, что произошло в продолжение короткого времени между Тюркуазой и Леоном Ролланом.

Проведя несколько часов у молодой девушки, мастер осыпал ее уверениями в своей нежной любви. Евгения плакала и открылась Леону, что также его любит.

Он возвратился домой, не помня себя от радости, и, подобно Фернану, начал обманывать свою жену. Двух женщин в одно время любить невозможно. Леон полюбил Евгению, следовательно, перестал любить Вишню.

На другой день, вместо того, чтобы зайти прямо в комнату отца Гарена, он постучался к привратнице.

– Не сдастся ли здесь квартира внаем? – спросил он.

– О, сдастся, сударь, – отвечала вдова Фипар, – и прележайшая квартирка, на третьем этаже?

– Сколько комнат?

– Две комнаты, кухня и одна темная комната.

– За какую цену?

– Триста франков.

– Покажите.

Привратница поспешно повела его на третий этаж и показала эту квартиру.

– Хорошо, – сказал Леон, – я оставляю ее за собой. Спустя три часа квартирка эта была убрана скромно, но со вкусом, Леон издержал для этого тысячу франков. Затем он отправился к Евгении Гарен, которая в это время сидела за работой у своей маленькой чугунной печки. Он молча взял ее за руки и дрожащим голосом проговорил:

– Простите меня, если вас побеспокою: я хочу показать вам квартиру, которая сдается в этом доме.

Она посмотрела на него с притворным удивлением, как бы ничего не понимая. Он нежно взял ее за руку и повел на третий этаж.

– Как вам нравится эта квартира? – спросил он.

– Я думаю, что в ней живет особа, которая богаче меня, – сказала она, взглянув на него с простодушной улыбкой.

– Ошибаетесь, это ваша квартира, дорогая Евгения.

– Моя!? – вскрикнула она.

– Простите меня, – проговорил он, вставая пред нею на колени, – быть может, я вас этим обижаю, но я не могу смотреть, как вы сидите наверху, в этом ужасном чердаке.

– О! – воскликнула она, закрыв лицо руками. – До чего я дожила... какое унижение!

Наконец, после долгих просьб влюбленного она согласилась поселиться в новой квартире и принять в подарок всю ее обстановку.

С этой минуты началась для Вишни мучительная и безнадежная жизнь.

В продолжение четырех дней Леон почти не сидел дома, с женой обращался весьма сухо, даже грубо. Он жил только для Евгении, мечтал во сне и наяву только о ней.

На пятый день поутру Леон, по обыкновению, побежал на улицу Шарон и хотел уже на крыльях любви взбежать на лестницу, но его остановила вдова Фипар.

– Господин Роллан! – закричала она, и на лице ее появилась насмешливая улыбка.

– Что вам надо? – нетерпеливо спросил он.

– Возьмите ключ. Какой ключ?

– От квартиры мамзель Евгении.

– Разве она ушла со двора?

– Да.

– В восемь часов утра?!

– Нет, гораздо раньше... лишь только немного рассвело.

– Куда же она пошла?

– Не знаю.

Леон взял ключ и, мучимый дурным предчувствием, отправился наверх. На столе в столовой он нашел письмо, которое прочел жадным взором. Оно состояло лишь из нескольких строк:

«Мой друг! По непредвиденным причинам, которых я не могу вам сообщить, я должна разлучиться с вами на день или два, но мы вскоре опять увидимся. Я люблю вас.

Евгения».

Письмо это сразило Леона: он сел, облокотился на стол, закрыл лицо руками и заплакал, как осиротевший ребенок. В таком положении он просидел более часа.

Он заходил днем, заходил вечером и на другой день – Евгения не возвращалась. Леон провел эти два дня в страшных мучениях, ему приходила даже мысль о самоубийстве, но слова «я люблю вас» его подкрепляли.

На третий день около четырех часов он опять пришел, но Евгения все не возвращалась.

Спустя десять минут после его ухода, она приехала. Сев спокойно за свой рабочий стол, она начала расспрашивать привратницу, которая разводила огонь в камине:

– Что случилось? Расскажи-ка мне, моя милая.

– Случилось то, что господин Роллан плакал, как маленький ребенок, думая, что вы влюбились в другого.

– Когда он приходил в последний раз?

– С четверть часа тому назад.

– Хорошо; я думаю, он теперь не скоро придет, и я успею написать письмо. На всякий случай, Фипар, смотрите через окно, и если увидите, что он идет, – скажите. Я не должна ему показываться.

Тюркуаза взяла перо и бумагу, подумала немного и начала писать:

«Мой друг!

Я обманула вас, мой бедный Леон, написав, что мы скоро увидимся.

Я уехала с твердым намерением никогда с вами не видеться. Прощайте навеки!»

– Да, – сказала про себя Тюркуаза, – эти два слова имеют много силы. Мой почтенный покровитель будет от них в восхищении.

Она продолжала писать:

«Да, мой друг, мы не должны более видеться. Сохраним воспоминание о прошедшем, как о прекрасном сновидении. Друг мой! Я люблю вас, быть может, более, нежели вы меня, и если бы вы были свободны, ваша любовь была бы для меня земным раем, но вы женаты, вы отец, и как ни чиста и беспорочна была моя любовь к вам, я все-таки сделалась причиной раздора в вашей семейной жизни.

Вот почему я бегу от вас. Помните о ваших святых обязанностях мужа и отца, а меня старайтесь забыть.

Дай бог, чтобы и со мной случилось то же.

Прощайте еще раз. Простите и забудьте.

Евгения».

Она оставила письмо на столе незапечатанным.

– Если он не лишит себя жизни до послезавтра, – подумала Тюркуаза, – то дойдет до того, что заложит обручальное кольцо, чтобы купить мне букет. О, мужчины, мужчины, какие вы слабые, жалкие создания!

Затем она уехала.

Спустя час явился несчастный Леон.

– Ну, что? – спросил он у привратницы.

– Она пришла.

Леон вскрикнул от радости и хотел бежать по лестнице. Вдова Фипар удержала его за полу сюртука.

– И опять ушла, – сказала она, улыбнувшись. Он побледнел и задрожал всем телом.

– Мадемуазель Евгения, кажется, разбогатела: она была одета как герцогиня, на ней была шляпка с перьями, – продолжала вдова, получившая от Тюркуазы приказание действовать подобным образом.

– Вы с ума сошли! – проговорил Леон.

– Она приехала в карете парой, с кучером в галунах.

Леон не хотел больше ничего слушать – он пошел проворно в третий этаж.

– Господин Леон, – крикнула ему вслед старуха, – я забыла вам сказать, что она была не одна. В карете сидел еще такой красавец!

Леон промолчал.

Дверь маленькой квартиры была отперта, огонь пылал в камине.

Он надеялся, что привратница обманула его.

– Евгения! Евгения! – крикнул он. Но квартира была пуста. Он нашел на столе незапечатанное письмо, взял его дрожащей рукой и стал читать.

Вдова Фипар, стоявшая в это время на лестнице, услышала вдруг крик и глухой стук. Это был стук от падения тела на пол. Несчастный Леон упал без чувств.

В то время, когда Евгения Гарен, или Тюркуаза, переодетая простой работницей, отправилась на улицу Шарон, наемная карета выехала из улицы Клиши и остановилась перед решеткой сада отеля Монсей.

Из этой кареты вышла женщина, одетая в черное платье и с густой вуалью на лице. По ее скорой походке можно было заметить, что она молода. Она смело позвонила у решетки, как будто бы возвращалась домой.

Когда ворота отворили, она быстро прошла через сад, к главному входу отеля.

– Эта дама, – проговорил лакей Тюркуазы, – пришла сюда, как к себе в дом.

– Мадам Женни живет здесь?

– Здесь, – ответил бесцеремонно и почти дерзко лакей.

Посетительница была одета просто, и главное в трауре, и этого уже было вполне довольно, чтобы вызвать дерзость лакея, служащего у женщины такого разряда, как Тюркуаза.

– Здесь, – повторил он не менее нахально, – но ее тут нет.

Она подняла свою вуаль и сказала повелительно:

– Проводите меня в залу, я подожду. Лакей остолбенел.

Баккара прошла мимо него и, войдя в залу, бесцеремонно села у пылавшего камина.

Затем она подала лакею свою визитную карточку и сказала:

– Когда ваша барыня вернется домой, то вы скажете ей, что я жду ее.

Лампа, стоявшая на камине, бросала свет на лицо говорившей эти слова, а могущественная красота ее окончательно смирила дерзость лакея.

– Она ушла со двора? – спросила Баккара, устремив на лакея свой зоркий взгляд, не допуская лжи.

– Точно так, сударыня.

– Когда она вернется домой?

– Через час.

– Можете идти.

Баккара повелительно указала на дверь. Лакей немедленно исполнил это приказание.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.